

ГАЛИНА КАРПОВА

ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ ФЁДОРОВ

К 100-летию со дня рождения поэта

ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ И СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

СТАТЬИ О ТВОРЧЕСТВЕ

**КЕМЕРОВО
2017**

УДК 821.161.1.09”1917/1991”
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-Федоров В. Д.
К26

К26 Карпова Г. И.

Василий Дмитриевич Фёдоров. К 100-летию со дня рождения поэта : историко-биографические и справочные материалы, статьи о творчестве : в помощь учителю и библиотекарю / Галина Карпова, [Кемеровский государственный университет]. – Кемерово: [б. и.], 2017. – 186 с.

Знак информационной продукции: 12+

Справочные и научные материалы посвящены жизненному и творческому пути выдающегося русского поэта и прозаика Василия Дмитриевича Фёдорова.

Данное пособие будет интересно учащимся и педагогам при подготовке уроков и внеурочных мероприятий, библиотекарям при проведении массовых мероприятий по краеведению и широкому кругу читателей, интересующихся поэзией, созданной на земле Кузнецкой. В пособии использована фотография В. Д. Фёдорова из личного архива Т. С. Арышевой, в настоящее время находится в Государственном архиве Кемеровской области, в Фонде-коллекции документов о поэте В. Д. Фёдорове (Р-1469).

УДК 821.161.1.09”1917/1991”
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-Федоров В. Д.

©Карпова Г. И., 2017

©Оформление. КемГУ, Кемерово, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Сведения об авторе и источниках.....	4
Историко-биографическая справка о поэте Василии Дмитриевиче Фёдорове...6	
Изданы книги Василия Фёдорова.....	38
Книги о творчестве поэта.....	41
Приложение 1. Сведения об увековечивании поэта В. Д. Фёдорова в Кузбассе и Иркутске.....	48
Приложение 2. Сведения о мероприятиях к юбилеям В. Д. Фёдорова в г. Кемерово (с 1985 по 2017 гг.).....	50
Приложение 3. Василий Фёдоров и музыка.....	57
Приложение 4. Поэт Василий Фёдоров и художники.....	60
Приложение 5. Поэты-однофамильцы В. Д. Фёдорова.....	65
Приложение 6. Поэзия Василия Фёдорова в оценках известных писателей, политиков, учёных.....	66
Приложение 7. Поэты (стихи) о Василии Дмитриевиче Фёдорове.....	69
Приложение 8. Литературная викторина по поэмам В. Д. Фёдоров «Проданная Венера» (1956), «Седьмое небо» (1967).....	106
Приложение 9. Статьи о творчестве В. Д. Фёдорова.....	108
Махалова Т. И. Жил по совести поэт: о В. Фёдорове.....	108
Казаркин А. П. Поэты о земле Кузнецкой.....	114
Дорофеев П. М. Высоты, которых отдавать нельзя.....	122
Сорокин В. В. До последнего дня.....	128
Леонов Б. А. Окрылённость. Василий Дмитриевич Фёдоров.....	130
Чалмаев В. А. Василий Дмитриевич Фёдоров.....	141
Карпова Г. И. Мотив суда в поэме В. Д. Фёдорова «Седьмое небо» и др. ст. .142	
Старовойтова С. Л. Роль диалога, реплики в поэме «Проданная Венера»...174	
Кочетков А. А. Перо-воображение, рисующее слово, в творчестве поэта и прозаика В. Д. Фёдорова.....	179
Фотография Василия Фёдорова на Назаркиной горе, август 1983 года.....	185

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ И ИСТОЧНИКАХ

Для историко-биографической справки сведения предоставили

родственники В. Д. Фёдорова:

Николай Николаевич Алянчиков (20.10.1946 г. р., г. Хабаровск), родной племянник, сын родной сестры поэта Зинаиды Дмитриевны Алянчиковой (Фёдоровой), исследователь жизни и творчества В. Д. Фёдорова: принял участие в создании биобиблиографического указателя «Русские писатели. Поэты (советский период)» Т. 27 (СПб., 2009). В справке использованы ценные сведения из его неопубликованной книги «Хронология жизни Василия Дмитриевича Фёдорова в воспоминаниях, публикациях, письмах, дневниках, автографах». Хабаровск, 6.07.2013 г. В Хабаровске проживает его родной брат Владимир Николаевич Алянчиков (06.09.1948 г. р.)

Ольга Ивановна Петракевич (10.01.1943 г. р. г. Новосибирск), родная племянница поэта, дочь родного брата поэта Ивана Дмитриевича Фёдорова, автор воспоминаний о семье В. Д. Фёдорова – даты рождения и смерти И. Д. Фёдорова, даты смерти У. Н. Фёдоровой и её детей Татьяны, Антонины, Иннокентия, Григория, место захоронения мамы В. Д. Фёдорова;

Олег Фёдоров (г. Красноярск) родной внук брата поэта Петра Дмитриевича Фёдорова, сын родной племянницы поэта Аиды Петровны Фёдоровой (в настоящее время проживает с дочерью Натальей в Серпухове Московской области, обе являются авторами книг стихов, членами Союза писателей России) – даты рождения и смерти П. Д. Фёдорова;

Фёдор Игоревич Фёдоров (25.07.1975 г. р. г. Москва), родной внук супруги поэта Ларисы Фёдоровны Фёдоровой (урождённой Быковой), сын приёмного сына Василия Дмитриевича Фёдорова Игоря Владимировича Фёдорова (06.12.1937 г. р.) – адреса проживания в Москве В. Д. Фёдорова, даты и сведения в наградных документах.

В работе над справкой помогли ценными сведениями:

Тамара Ивановна Махалова, редактор Кемеровского книжного издательства, автор статей, телепередач и трёх фильмов о В. Д. Фёдорова (г. Кемерово);

Александр Анатольевич Кочетков, модератор страницы В. Д. Фёдорова на сайте Стихи.ру, исследователь жизни и творчества В. Д. Фёдорова (г. Нижний Новгород);

Марина Владимировна Савина, зав. Марьевским литературно-мемориальным музеем поэта Василия Дмитриевича Фёдорова (Марьевка, Яйский район);

Вера Ивановна Лаврушкина, гл. библиотекарь Кемеровской областной научной библиотеки им. В. Д. Фёдорова, руководитель проектов: «Литературная карта Кузбасса: электронный энциклопедический ресурс», «Литературный туризм Кемеровской области» (г. Кемерово);

Виктор Никифорович Егоров, Заслуженный работник культуры РФ, автор и исполнитель 43 песен на стихи В. Д. Фёдорова, автор статей о поэте (г. Кемерово);

Морозова Светлана Ивановна, учитель русского языка и литературы МБОУ «ООШ № 1» пгт. Яя, автор статей о поэте В. Д. Фёдорове.

Справку составила 1 декабря 2017 года

Карпова Галина Ивановна (20.07.1956 г. р.), кандидат филологических наук с марта 1986 года (аспирантура и защита диссертации в Томском государственном университете), доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века Кемеровского государственного университета (работала в КемГУ с 1979 по 2015 год), автор литературоведческих работ по драматургии А. А. Блока, малой прозе И. С. Шмелёва, поэзии В. Д. Фёдорова, исследователь творчества кузбасских писателей: И. М. Киселёва, М. А. Небогатова, А. Н. Волошина, Е. С. Буравлёва, А. М. Береснева, Д. П. Клёстова и др. Живёт в г. Кемерово. Контакты: 8-923-510-03-21; e.mail: galina-karpova56@yandex.ru

**ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА
О ВАСИЛИИ ДМИТРИЕВИЧЕ ФЁДОРОВЕ**
23 февраля 1918 Кемерово – 19 апреля 1984 Москва

Фёдоров Василий Дмитриевич – выдающийся русский поэт, прозаик, писатель из разряда классиков, чьё творческое наследие является национальным достоянием России. Василий Дмитриевич Фёдоров своим творчеством обогатил наследие русской классической литературы, явился продолжателем традиции в создании духовно-нравственной, гражданской, патриотической поэзии. Вслед за А. С. Пушкиным, С. А. Есениным, А. Т. Твардовским Василий Фёдоров имел право сказать: «И верю и правдою служу тебе я, Русь». Член Союза писателей СССР с 11 октября 1956 года.

Награды, премии, звания Василия Дмитриевича Фёдорова:

1. Государственная премия СССР (1979) за произведения последних лет (стихи и поэмы), диплом Лауреата № 000526, Постановление ЦК КПСС и Совета министров Союза ССР от 01.11.1979 года, пригласительный билет на торжественное вручение Государственных премий СССР 14 декабря 1979 года в Свердловском зале Московского Кремля;
2. Государственная премия РСФСР имени М. Горького (1968) за книгу стихов «Третьи петухи» и поэму «Седьмое небо» (удостоверение № 72, Постановление Совета министров РСФСР № 810 от 24.12.1968 года);
3. два ордена Трудового Красного Знамени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28.10.1967 года, орден № 489082, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 02.07.1971 года, орден № 688387);
4. орден Октябрьской революции (указ от 26.03.1976 года, орден № 76896).
5. орден Кемеровской области «Доблесть Кузбасса» посмертно (постановление Совета народных депутатов Кемеровской области № 86 от 04.09.2003 года).

Василий Дмитриевич Фёдоров родился 23 февраля 1918 года по старому стилю в нынешнем городе Кемерово на территории его левобережной части. На момент его рождения это была территория волостного села Усть-Искитимского (Щегловского) Кузнецкого уезда Томской губернии. 9 мая 1918 года на Первом (учредительном) Щегловском съезде Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов было принято решение о создании города Щегловска. Однако формальное утверждение статуса города растянулось на семь лет: только 9 марта 1925 года город Щегловск получил свои законодательно оформленные границы и 6 июня 1925 года был утверждён ВЦИКом в списке городов Сибири. В конце 1928 года ВЦИК включил в городскую черту железнодорожную станцию, химзавод, рудник и деревню Кемерово, а с 1932 года город был переименован в Кемерово. См. книгу: Усков

Игорь Юрьевич. Кемерово: рождение города. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – 351 с.

В автобиографическом очерке «О себе и близких» (1972) В. Д. Фёдоров написал: «На первый случай поселились в Щегловке, в шахтёрском бараке, рассчитывая в будущем на выделенном участке поставить свой дом». Из воспоминаний сестры поэта Зинаиды Дмитриевны Алянчиковой (Фёдоровой): «Когда пришли белые и Колчак, отец выехал в Кемерово, ехал он со старшими сыновьями на лошади, а мама с малыми ехала на поезде». Железнодорожная станция Анжерская была открыта в 1898 году. Железнодорожная станция Кемерово была открыта в 1916 году.

В свидетельстве о рождении В. Д. Фёдорова ФИ № 466925, выданном 1 (первого) марта 1957 года Кемеровским городским ЗАГСом, есть следующая запись: «Гр. Фёдоров Василий Дмитриевич родился 23.II.1918 г. двадцать третьего февраля тысяча девятьсот восемнадцатого года. Место рождения ребёнка: Кемерово Кемеровская область республика РСФСР, о чём в книге записей актов гражданского состояния о рождении 1918 года февраля месяца 28 числа произведена соответствующая запись за № 56» (из фондов Марьевского литературно-мемориального музея). В свидетельстве о рождении указана национальность родителей: Фёдоров Дмитрий Харитонович русский; Фёдорова Ульяна Наумовна русская.

В военном билете В. Д. Фёдорова ГД № 094128, выданном Киевским райвоенкоматом г. Москвы 12 декабря 1968 года, в графе 1. Число, месяц, год и место рождения указано: 23 февраля 1918 г. г. Кемерово. В дипломе Новосибирского авиатехникума, выданном 1 июля 1938 года, дата рождения указана по новому стилю: 7 марта 1918 года. В более поздних документах (паспорт, свидетельство о рождении, военный билет) стоит дата рождения 23 февраля 1918 года, место рождения г. Кемерово (из фондов Марьевского литературно-мемориального музея).

По записи в Метрической книге Николаевской церкви села Усть-Искитимского за 1918 год родители Василия Дмитриевича Фёдорова – «гражд. Дмитрий Харитонов Фёдоров, законная жена его Иулиания Наумова оба православные» были уроженцами «Томской губернии Томского уезда Сужденской [правильно Судженской – примеч. сост.] волости деревни Марьевка» (фонд Государственного архива Кемеровской области (ГАКО). ОДФ-60).

Детство и юность поэта прошли в деревне Марьевка (с 1943 года в составе Яйского района Кемеровской области).

Отец, **Дмитрий Харитонович Фёдоров** (1880–1923), работал каменщиком. Одним из объектов его кладки второй половины 1900-х годов была «высокая кирпичная труба электростанции» в Анжеро-Судженске, которую было видно из окна их дома (В. Д. Фёдоров «О себе и близких»). Позднее работал на Шахте Михельсона подземным рабочим. Подземная работа ему не нравилась, но в школу брали только детей тех рабочих, кто работал на подземных работах. Старший сын Андрей выучился и стал волостным писарем

в Анжеро-Судженске. Из очерка «О себе и близких»: «Дмитрий Харитонович любил бороться, драться на кулачках, играть в карты и орла, но его самой главной страстью были лошади. <...> Оказывается, вдобавок к азартным играм, кулачным боям и увлечению лошадьми отец любил ещё и красивые слова. Зипун, и без того слово нерусское, он называл хламидой». В 1922 (1923?) году Д. Х. Фёдоров уехал из Марьевки на заработки в Анжеро-Судженск и скоропостижно умер там от возвратного тифа (дата смерти и место захоронения неизвестно).

Мама, **Ульяна** Наумовна Фёдорова, урождённая Кириллова (1881–19.02.1963 г. Новосибирск, Заельцовское кладбище, квартал 1), домохозяйка, у неё был хороший голос, знала много народных песен, в том числе свадебно-обрядовых, умела причитать по умершим. Из воспоминаний В. Д. Фёдорова: «Напевая свадебно-обрядовую песню, она, например, вставляла моё имя:

По сеньюшкам Авдотьюшка гуляла,
По новеньким Авдотьюшка ходила,
Из кармашика орешки челкала
И в оконушко шелушицу бросала,
В Васильевы кудри попадала,
Дмитричевы кудри воспетляла,
Чтобы, чтобы Васильюшка оглянулся
И своей красавице восмехнулся» (очерк «О себе и близких»).

До замужества, по воспоминаниям В. Д. Фёдорова, мама работала в «прислугах у известного в г. Томске провизора, имевшего свою аптеку. Работая там, она узнала лечебные свойства многих трав и научилась пользоваться ими» (очерк «О себе и близких»). Из воспоминаний З. Д. Алянчиковой: осталась сиротой с 3-х лет, «воспитывалась она у бабушки по линии отца», «с 5 лет начала пряхть нитки, в основном для людей, эти нитки были настолько тонки, что их вдевали в иголки и шили бельё. В детстве бабушка будила её затемно и она часто вспоминала, как ей всегда хотелось спать. Нашего отца Дмитрия Харитоновича, тоже сироту, мама помнила с 10-12 летнего возраста и всегда его жалела «бедный сирота». Так их двух сирот свела судьба», в Томске «работала на шерстобитной фабрике, уборщицей в реальном училище».

Из интервью В. Д. Фёдорова 1977 года корреспонденту новосибирской газеты «Молодой сибиряк» (1977. 30 июля): «Я вырос в крестьянской семье, был девятым ребёнком. Родители – люди простые, неграмотные. Отца я почти не помню, он рано умер. Мама про него рассказывала с умилением и гордостью. Он был артистической натурой: любил лошадей, любил меняться [лошадьми], бороться, на кулаках драться, любил красивые слова. У мамы характер мягкий. Она была как-то душевно развита. Знала много народных песен, я потом их записывал. Обладала тонкой наблюдательностью – хорошо умела передавать движения людей, жесты».

Из стихотворения Василия Фёдорова «Лицо века» (1961):

По воле,
По страсти,

По власти отца,
По кротости матери бедной
Достались мне
Крепкие руки бойца
И сердце
Сестры милосердной.

В стихотворении «Корни» (вошло в книгу «Марьевские звёзды») есть строки об отце-каменщике:

Мой отец совсем ещё подростком
Строить стал сибирскую дорогу.
Говорят,
Что строил образцово,
Строил так, что на дороге сына
До сих пор стоят мосты отцовы,
Презирая водные быстрины.

Родители поэта познакомились на берегу реки Яя, где «на кладке каменного быка работал семнадцатилетний Митька из Марьевки» (из очерка «О себе и близких» В. Д. Фёдорова). Познакомились примерно в 1897 году, обвенчались в 1900 году. Можно предположить, что венчались молодые в церкви с. Жарковка (ныне районный посёлок Яя). Справка из книги «Кемеровская и Новокузнецкая епархия Русской православной церкви» (Кемерово; Новосибирск, 2003. С. 165): «р. п. Яя, Церковь прп. Онуфрия Великого. С 1859 года образован самостоятельный приход. Первая деревянная церковь с одноимённым престолом была построена в с. Жарковка (р. п. Яя) в 1868 г., с 1914 г. церковь становится приписной к Покровской церкви с. Судженского. Церковь была закрыта и приспособлена под лесосплавную контору в 1936 г. Восстановлен приход в 1991 г. по инициативе местных жителей М. Г. Завориной, Л. А. Лукиной, И. А. Редкозубовой при поддержке главы местной администрации А. А. Пицкина и зав. отделом культуры В. Б. Тельбух».

В семье Дмитрия и Ульяны Фёдоровых родилось 11 детей: **Андрей** (1901 д. Марьевка – 12.09.1938 [расстрелян] г. Саратов : Архив Президента РФ. Оп. 24, дело 418, л. 191); **Пётр** (21.02.1905 д. Марьевка – 15.07.1935 г. Красноярск); **Татьяна** (12.01(?)1907 Анжеро-Судженск – 05.08.1981 г. Новосибирск Заельцовское кладбище, квартал 1, рядом с матерью и своей дочерью Ниной Гудковой); **Пелагея** (1909 Анжеро-Судженск – 1909 Анжеро-Судженск); **Антонина** (1912 Анжеро-Судженск – 15.05.1984 г. Ялта); **Иван** (31.01.1914 Анжеро-Судженск – 12.09.1984 г. Новосибирск, Гусинобродское кладбище 2, новое); **Зинаида** (27.09.1915 Анжеро-Судженск – 03.05.1991 г. Хабаровск, по мужу Алянчикова); **Василий-первый** (1916 Анжеро-Судженск – январь (?) 1918 с. Усть-Искитимское (Кемерово); **Василий** (23.02.1918 с. Усть-Искитимское (Кемерово) – 19.04.1984 г. Москва, Кунцевское кладбище);

Иннокентий (1919 д. Марьевка – 08.03.1976 г. Новосибирск, Гусинобродское кладбище старое); **Григорий** (09.04.1923 д. Марьевка – 09.04.1983 г. Новосибирск, Гусинобродское кладбище старое).

Василий был девятым ребёнком в многодетной семье рабочего-каменщика, шахтёра. Предположительно с лета 1905 года из-за пожаров в Марьевке Дмитрий и Ульяна Фёдоровы с двумя сыновьями переехали в Анжеро-Судженск, где у них родилось ещё шестеро детей (сведения из автобиографического очерка В. Д. Фёдорова «О себе и близких»).

Из книги «Кемеровская и Новокузнецкая епархия Русской православной церкви» (Кемерово; Новосибирск, 2003. 304 с.) о городе Анжеро-Судженске начала XX века и его храмах: «Город возник как станция на Транссибирской магистрали. На окраине села Судженка в 1897 г. была заложена первая угольная копь, через год открылась вторая на берегу реки Анжеры. Затем два шахтёрских посёлка слились в один, преобразованный в 1928 г. в рабочий посёлок, а в 1931 г. – в город. В начале XX века на территории современного города Анжеро-Судженска существовали две деревянные церкви. Первая, построенная в 1903 г. и относившаяся к благочинию железнодорожных церквей, преподобного Макария Египетского с одним куполом и колокольной находилась на Анжерских угольных копях в районе современного городского сада. Рядом с храмом располагался погост, в отдалении был пруд и колодец со святой водой, куда на праздник Крещения совершали крестный ход. В приходе имелись одноклассная школа железнодорожного ведомства и церковная библиотека. Вторая церковь Святой Троицы находилась в посёлке при Судженских каменноугольных копях с 1907 г. При храме имелись училище гражданского ведомства и церковная библиотека. В 1913-1915 гг. настоятелем Троицкого храма служил священник отец Василий Мамаев» (с. 162).

Вероятно, в церкви преподобного Макария Египетского были крещены дети Дмитрия и Иулиании Фёдоровых, родившиеся в посёлке Анжерка. Имена им даны в дни памяти святых угодников Божиих, чтимых Русской православной церковью. См. в очерке В. Д. Фёдорова «О себе и близких»: «В Анжерке родились Татьяна, Пелагея, Василий-первый, Иван, Зинаида».

В очерке «О себе и близких» В. Д. Фёдоров упомянул, что у мамы был «знакомый поп», к которому она ходила, чтобы проверить грамотность старшего сына Андрея: «Зато какое изумление охватило родителей, когда их сын прочитал несколько фраз из букваря. Мама даже не поверила, а повела грамотея к знакомому попу, чтобы тот подтвердил сыновью грамоту».

Можно предположить, что с осени 1917 до лета 1919 года семья Дмитрия и Ульяны Фёдоровых проживала с детьми в с. Усть-Искитимское (Щегловское) / город Щегловск (с 1932 года Кемерово). Поселилась семья в шахтёрском бараке на левом берегу реки Томи (район современной ул. Н. Островского, станция переливания крови и скорой помощи на территории городской клинической больницы № 3 – информация со слов В. Д. Фёдорова, сказанных Т. И. Махаловой).

В Метрической книге Николаевской церкви села Усть-Искитимское за 1918 год есть запись о рождении Василия Дмитриевича Фёдорова 23 февраля и о его крещении 25 февраля священником Евгением Золотницким в честь преподобного Василия Исповедника, память которого совершается 28 февраля по старому стилю (хранится в Государственном архиве Кемеровской области. ОДФ-60).

В «Снах поэта» (новелла «Мои метаморфозы») В. Д. Фёдоров написал: «Из-за светлых волос у меня было семейное прозвище Седой бык, а ещё Батя Кемеровский, и тоже из-за седины какого-то кемеровского попа, крестившего меня в день Василия-капельника». Имя поэту дано в честь великого святого Василия Исповедника, или, как его называют в народе – Василия капельника. Оба жили в иконоборческие эпохи. Василий Исповедник – в VIII веке в Палестине. Василий Фёдоров – в XX веке, в ленинско-сталинский и хрущёвский период советского атеизма.

Переезд в Кемерово из Анжеро-Судженска был связан с национализацией Шахт Михельсона, где работал отец Дмитрий Харитонович («в забое и на поверхности. Всегда имел лошадь, так как хозяин принимал на работу только со своей лошастью...» – из воспоминаний З. Д. Алянчиковой).

11 октября 1918 года В. И. Лениным подписан декрет «О национализации Судженских копей». 14 октября 1918 года в Омск прибыл Александр Колчак, провозглашённый 18 ноября 1918 года Верховным правителем России. 10 ноября 1919 года адмирал покинул Омск, 4 декабря – Новониколаевск (Новосибирск), 12 декабря 1919 года он прибыл в Красноярск.

Возвращение семьи Фёдоровых в д. Марьевка в 1919 году было вызвано гражданской войной, возможной мобилизацией отца, восстанием белочехов, отсутствием работы для отца-каменщика. Кемеровский период жизни семьи описан Фёдоровым в очерке «О себе и близких», новелле «Мои метаморфозы» из книги «Сны поэта», автобиографической поэме «Седьмое небо».

Одной из причин возвращения в Марьевку в очерке В. Д. Фёдорова «О себе и близких» названа боязнь родителей за сына Андрея, который устроился в Кемерово «табельщиком на шахте» и «нелегально собирал деньги среди шахтёров семьям арестованных Колчаком». По воспоминаниям З. Д. Алянчиковой: «Старший брат Андрей в Марьевке не жил, его сразу в 18 году отправили учиться в Томскую совпартшколу».

С 1919 по 1934 год В. Д. Фёдоров жил в деревне Марьевке. Читать научился до школы, стихи сочинял ещё в начальной школе. Сочинительством стихов, частушек, басен занимались старшие братья Пётр, Иван и младший брат Иннокентий (из воспоминаний Ольги Ивановны Петракевич, родной племянницы поэта).

Из интервью В. Д. Фёдорова 1977 года корреспонденту новосибирской газеты «Молодой сибиряк» (1977. 30 июля): «Я рано начал писать, ещё когда в школу не ходил. Стихи как-то сами приходили. В этом не было ничего удивительного: у нас каждый мог при случае что-нибудь сочинить. Брат Пётр был организатором и первым секретарём комсомольской ячейки. Стихи были

его оружием. Писали все, но только мне довелось стать профессиональным поэтом». Из воспоминаний Ларисы Фёдоровны Фёдоровой о первом разговоре с В. Д. Фёдоровым и его словах: «Первые мои стихи я слагал на марьевских лугах, возле речки Яя» («Воспоминание о поэте Василии Фёдорове». Кемерово, 1987. С. 61).

Из очерка «О себе и близких» В. Д. Фёдорова: «Братьям же, Андрею и Петру, я обязан ранним знакомством с настоящей литературой: с Пушкиным, Лермонтовым, Байроном, Купером, Лонгфелло. Ставшие комсомольцами, а потом партийными работниками, призванными в города, они торопились восполнить недостатки образования, особенно Пётр. Если в разговоре с ними какой-нибудь эрудит называл неизвестного им писателя, поэта, они по-крестьянски старались не подать вида, что не знают их, зато в тот же вечер шли в библиотеку. В отпуск братья приезжали с тюками разнообразных книг, которые потом оседали в нашем доме».

С 1926 по 1930 годы учился в Марьевской четырёхклассной начальной школе. С 1930 по 1932 год (5 и 6 классы) учился в Жарковской школе колхозной молодёжи (ныне Яйская ООШ № 1, адрес: 652100 пгт. Яя Кемеровской области, ул. Юбилейная, д. 43). В связи с отсутствием средств вместо обучения в 7-м классе в 1932-1934 годах работал в колхозе водовозом, кассиром, помощником бригадира в деревне Марьевке, был комсоргом колхоза.

В многодетной семье Дмитрия Харитоновича и Ульяны Наумовны Фёдоровых все дети были активными комсомольцами, старшие дети поочерёдно перебивали секретарями комсомольской организации в Марьевке: Пётр (1905-1935), Татьяна (1907-1981), Антонина (1912-1984), Иван (1914-1984), Василий (1918-1984). Все восемь комсомольцев семьи Фёдоровых стали коммунистами. На руководящей партийной работе были Андрей (1900-1937), Пётр, Татьяна, Иван.

Зинаида в 1934 году окончила Томский зооветеринарный техникум, член КПСС с января 1941 года, в 1945 году после гибели мужа вторично вышла замуж за Николая Андреевича Алянчикова, родила четверых детей (от первого брака дочери, от второго два сына Николай и Владимир), жила в Николаевске на Амуре, затем с 1958 года в Хабаровске.

Антонина уехала в 1927 году в Томск, помочь ухаживать за 11-месячным ребёнком Андрея (его жена умерла от туберкулёза), лежала с ребёнком в больнице, получила открытую форму туберкулёза, уехала жить и лечиться в Ялту, работала в санаториях. Во время войны эвакуировалась вместе с испанскими детьми в Новосибирск, окончила медучилище. После войны в Ялте работала медсестрой в правительственных санаториях, была секретарём партийной организации санатория (по воспоминаниям З. Д. Алянчиковой).

Из воспоминаний Зинаиды Алянчиковой: В 1924 году «Петю взяли в Анжерку на комсомольскую работу, а потом он уехал в Томск, работал секретарём окружкома комсомола. В эти же годы там работал брат Андрей после окончания совпартшколы, работал секретарём окружкома партии. Стали они нам помогать, и мы уже стали жить лучше, были у нас две коровы, куры.

Поехали учиться в Томск: брат Иван – в педтехникум, я – в зооветеринарный, сестра Тоня – на рабфак, а сестра Татьяна работала в Анжерке в бюро жалоб. В дальнейшем Андрей работал секретарём Крайсовпрофа Восточно-Сибирского края. Пётр окончил Комвуз в Москве, работал начальником политотдела в Красноярском крае, Назаровской МТС, первым секретарём Козульского райкома партии, умер в 1935 году, похоронен в Красноярске, там и сейчас ещё живут его жена и дочь-поэтесса Аида Петровна Фёдорова» (август 1989 года) [Аида Петровна Фёдорова, член Союза писателей России, в настоящее время проживает в городе Серпухове Московской области. С ней живёт её дочь Наталья, внучка Петра Дмитриевича, тоже член Союза писателей России].

Пётр в 1930-1935 годах был членом Красноярского обкома партии. Секретарём партячейки в Марьевке работала Татьяна. По инициативе секретаря Марьевской комсомольской ячейки Василия Фёдорова был построен стадион, проведены спортивные соревнования по лёгкой атлетике.

В очерке «О себе и близких» Василий Фёдоров написал: «Судя по моим братьям и сестре Татьяне их служение партии и народу было спартански бескорыстно. В этом была своя романтика. Меня приняли в партию кандидатом в 1943 году. Не поступлюсь истиной, если скажу, что как поэт я родился из чувства социальной новизны, которым в огромной мере обладало старшее поколение. Тут нет моей лично заслуги. Просто это чувство не должно было пропасть».

Из устных воспоминаний Василия Дмитриевича Фёдорова о своей семье (съёмка сделана 1979-1980 годов в Марьевке для фильма Кемеровской телестудии «Здесь Отчий дом. О поэте Василии Фёдорове». Автор и ведущая Тамара Махалова. Режиссёр Николай Ставцев. Оператор Сергей Мякишев. Звукооператор Валерий Смирнов): «Любили мы песни петь. Делали, допустим, капустные пельмени, а всё равно с песнями. Делали всей семьёй за большим столом. И это коллектив как-то спланивало. Сейчас уже прошло так много времени, но если говорить о маме, то самое большое было в ней – это понимание моего, допустим, увлечения. Я иногда просиживал ночами. Она меня не трогала, потому что потом я работал. А лампа, керосин, знаете ли, в те времена был очень дорогим. Его было трудно достать. И это она прощала. А для большой семьи жечь лампу... в деревне гас огонь быстро. Одним словом, я семье обязан просто как явлению, как социальной школе. Для меня была не просто семья, а для меня это была большая социальная школа, потому что круг интересов большой семьи был очень широк, и всё стекалось в семью. Каждый рассказывал по-своему свою историю» (Светлаков Ю. Я. Поэта надо издали любить...: Как мы снимали очерк «Я душу распахну – входи!» и о программе «Как слово наше отзовется...». Из цикла «Знай наших!». – Кемерово: ООО «ИНТ», 2017. – С. 17).

С лета 1934 года Василий Федоров жил в г. Новосибирске, учился в Новосибирском машиностроительном техникуме, в котором на два года раньше учился его брат Иван. С января 1937 года техникум был переименован в Новосибирский авиационный техникум (ныне ГБПОУ НСО «Новосибирский

авиационный технический колледж имени Б. С. Галушцака»; адрес: 630091, Россия, Новосибирск, Красный проспект, 72).

Диплом об окончании Новосибирского авиационного техникума Серия АГ № 03309 был выдан В. Д. Фёдорову 01 июля 1938 года. На основании постановления государственной квалификационной комиссии от 27.06.1938 г. и приказа по Новосибирскому авиатехникуму от 29.06.1938 г. «гр. Фёдорову присвоена квалификация техника-технолога по кузнечно-прессовой специальности» (диплом хранится в Марьевском литературно-мемориальном музее).

Во время учёбы в техникуме В. Д. Фёдоров дополнительно с 1936 года учился в лётной школе при Новосибирском аэроклубе, умел летать на учебном самолёте По-2, биплане, созданном советским авиаконструктором Н. Н. Поликарповым и ставшем учебным самолётом аэроклубов в 1930-е годы (см. автобиографическую поэму «Седьмое небо»).

Студентом посещал литературный кружок, отправил стихотворение «Три товарища» под псевдонимом Василий Лёхин в газету «Большевицкая смена» (Новосибирск). Первое упоминание в прессе о В. Д. Фёдорове появилось в статье Фад. Бубённова «Задачи литературной консультации» («Большевицкая смена». 1936. 11 января): «Вот, например, литкружковец ст. Кривощёково Лёхин Василий прислал стихотворение «Три товарища»...» (см. воспоминания: Кузнецов И. «Просыпалась душа, вся полна соловьями...» // Сибирские огни. 1976. № 8. С. 170-185).

Псевдоним «Лёхин» связан с именем прадеда по отцовской линии. Звали его Леонтий Анисимов (имя и отчество). В очерке «О себе и близких» В. Д. Фёдоров пояснил: «Лёхиными в деревне прозывали нас. <...> Прозвище было образовано от имени Леонтия, которое в мордовском варианте – в Марьевке жило много мордвы – звучало Лёхой».

Из интервью В. Д. Фёдорова 1977 года корреспонденту новосибирской газеты «Молодой сибиряк» (1977. 30 июля): «В Новосибирске со мной случилось удивительное. Это было в 1936 году. Я учился в авиационном техникуме и послал свои стихи в «Большевицкую смену». А подписался нашим деревенским семейным прозвищем: «Василий Лёхин». Ждал с нетерпением. И как хорошо сделал, что именно так подписался. Потому что в газете появилась обзорная статья, в которой от Василия Лёхина летели клочья! Меня обвиняли в пессимизме и упадничестве. Газету я спрятал, чтобы не попала на глаза старшему брату и односельчанам, которые тоже здесь обжились. С тех пор почти никому не показывал свои стихи. И только через три года, когда работал старшим мастером на заводе в Иркутске, ребята из заводского литобъединения передали в местную газету моё стихотворение без моего ведома. И его опубликовали. Но я в редакцию так и не пришёл. Тот случай отвалил меня от редакций. И сейчас, когда там появляюсь, на меня находит страх. Даже когда хвалят, смотрю подозрительно: а не ошибка ли? Наверное, к хорошему было то, что меня вовремя разгромили».

В 1937 году был участником театральной студии, исполнил роль Петра Мелузова в отрывке из пьесы А. Н. Островского «Таланты и поклонники». Из автобиографической поэмы «Седьмое небо» следует, что позднее в Иркутске Василий Фёдоров принимал участие в постановках самодеятельного театрального кружка или студии.

После окончания Новосибирского авиатехникума он был направлен на Иркутский авиационный завод имени Сталина. С июля 1938 г. по март 1941 г. проживал в городе Иркутске в общежитии № 7 по улице Жданова, д. 28, комната 19 (ныне ул. Авиастроителей – примеч. сост.). Иркутский авиазавод был построен в 1934 году. Из воспоминаний Василия Стародумова: «Помощник директора Карабач специально ездил в Новосибирск, чтобы законтрактировать для завода выпускников Новосибирского авиационного техникума. Вместе с Василием Фёдоровым приехали Тимофей Репин, Александр Котов, Анатолий Егоров. Они закадычные друзья молодого поэта, и некоторые из них впоследствии станут прототипами героев его произведений» («Воспоминание о поэте Василии Фёдорове». Кемерово, 1987. С. 18).

Первым опубликованным стихотворением Василия Фёдорова было стихотворение «К матери». Появилось оно 18 января 1940 года в иркутской областной газете «Советская молодёжь», стихи и очерки публиковались в заводской многотиражной газете «Сталинец» Иркутского авиазавода.

Из воспоминаний друга юности поэта и художника Дениса Цветкова: в изголовье кровати была полочка с книгами, на которой стояли стихи А. Блока и С. Надсона, однотомник Шиллера, однотомник Лермонтова, «Мартин Иден» Джека Лондона: «О Джеке Лондоне он тогда сказал примерно так: «Вот это писатель! Ему веришь. И «Мартин Иден» великолепен. Жаль – конец не тот. Тут как-то по-другому надо бы!..» (Воспоминания... С. 47).

Из воспоминаний Василия Стародумова: «»Библиотечка у него была небольшая, состоявшая из любимых им авторов: Щипачёва, Гейне, Гёте. Особенно он любил Надсона, томик которого часто таскал с собой. Говаривал: «Не прав Маяковский, отзываясь о Надсоне пренебрежительно.

Знаменательным событием в жизни нашего заводского литобъединения было проведение первого литературного конкурса, жюри которого возглавлял Иван Иванович Молчанов-Сибирский и Игорь Урманов. На этом конкурсе одну из премий поделили пополам Василий Фёдоров и Алексей Куделькин» («Воспоминание о поэте Василии Фёдорове». Кемерово, 1987. С. 23).

Из воспоминаний Ивана Архиповича Кузнецова, журналиста заводской многотиражки и областной молодёжной газеты г. Иркутска в 1930-е годы: «Работал Василий Фёдоров в мастерской, которая находилась в стороне от цеховых корпусов. Он как-то выгодно отличался от других мастеров завода, зачуханных в конце месяца, особенно если «горел» план и директор завода лютовал. Конечно, дёргали и Фёдорова, но он с достоинством парировал наскоки. Рабочие любили своего мастера. И пожилые, вдвое старше, относились к нему уважительно:

– Дай Бог каждому такого мастера, как наш Василий Дмитриевич, – не раз слышал я, бывая в мастерской. <...> В заводском Доме культуры драматический кружок начал готовить спектакль по пьесе «Честь» Г. Мдивани. Нам с Денисом и тем, кто только пришёл в драмколлектив, поручили быть «массой» – то колхозниками, то пограничниками, Василию Фёдорову дали роль героя-пограничника Надира. Он быстро «стал артистом», изображал пограничника не хуже, чем ветераны кружка. В рецензии на этот спектакль я отметил, что В. Фёдоров неплохо сыграл роль Надира.

Вот и на следующем спектакле по пьесе К. Тренёва «Любовь Яровая» профессор Горностаев в исполнении Василия был великолепен. <...> В драмкружке лучше узнали Василия и ещё больше привязались к нему. Он так старался вникать во все указания режиссёра, словно задумал бросить свою мастерскую и отдаться сцене. Мог долго перед зеркалом, пока свободен от репетиции, повторять жесты, отрабатывать мимику.

– В жестах что-то есть. Можно жестами мыслить.

Он был поглощён этой возможностью – мыслить.

Однако Василий чаще, чем другие, и выводил из себя режиссёра, когда не соглашался с ним и хотел играть по-своему.

– Так правдоподобнее, – настаивал он»

(Кузнецов И. А. «Просыпалась душа, вся полна соловьями...» (Из литературных воспоминаний) // Сибирские огни. 1976. № 8. С. 179-180).

Из воспоминаний друзей юности В. Стародумова и Д. Цветкова Василий Фёдоров любил не только чтение и театр: любил заниматься физкультурой, «был активнейшим комсомольцем, членом бюро Ленинского РК ВЛКСМ Иркутска. Агитатором, зачинателем многих комсомольских дел. Он хорошо ходил на лыжах, любил музыку, танцы, весёлые кинофильмы. Но больше всего Вася любил читать. Он знал на память множество стихов наших классиков, восхищался Чайльд Гарольдом Байрона и сам писал очень много <...> на одном дыхании, на случайных листках бумаги, каробках папирос, на полях газет. Даже стена в общежитии, где стояла его железная кровать, была испещрена рифмами» («Воспоминание о поэте Василии Фёдорове». Кемерово, 1987. С. 59).

С апреля 1941 по август 1947 года В. Д. Фёдоров жил в Новосибирске, работал на Новосибирском авиационном заводе № 153 им. Валерия Чкалова в цехе № 42 технологом, старшим мастером. В 1941 году Василий Фёдоров написал заявление в военкомат об отправке на фронт, но мастера-технологи авиационного завода нужны были в тылу. В 1943 году В. Д. Фёдоров был принят в члены КПСС (кандидатом), в 1945 стал полноправным членом КПСС.

Со слов О. И. Петракевич, примерно в 1940 году, когда Татьяна Дмитриевна Фёдорова получила квартиру на Красном проспекте, в Новосибирск к дочери переехала мама, Ульяна Наумовна Фёдорова (Красный проспект, д. 76, кв. 17 – адрес из воспоминаний Н. Н. Алянчикова).

Из воспоминаний З. Д. Алянчиковой: «Сестра Таня была у нас как вторая мать, она опекала нас всех, шила на нас, стирала, ездила по дрова и сено и даже когда мы все уехали из Марьевки, то жили в её квартире в Новосибирске почти

все, в войну в Новосибирске нас собралось в двух комнатах 11 человек, жили трудно, но дружно, помогали друг другу».

Работая заводским мастером в Новосибирске, Василий Фёдоров занимался в литературном объединении под руководством поэтессы Елизаветы Стюарт. В Новосибирске произошло знакомство с профессиональными поэтами и писателями, членами редколлегии журнала «Сибирские огни»: Елизаветой Стюарт, Александром Смердовым, Афанасием Коптеловым, Саввой Кожевниковым, Ильёй Мухачёвым.

В 1942 году молодой поэт написал стихотворение о Сибири:

Учитель
Через много лет
Прочтёт вопрос на детских лицах:
«Как обновлялся старый свет
В своих изломанных границах?»

Чем наша родина жила?
Кому судьбу свою вверяла?
А где тогда Сибирь была –
Всё там же,
За хребтом Урала?»

И, давней битвы
Рванный след
Спокойно обведя рукою,
Он скажет:
«В дни народных бед
Сибирь стояла под Москвою».

Стихотворение публиковалось в журнале «Сибирские огни» № 5 за 1965 год (с. 78) под заголовком «Сибирь: Стихи».

В середине 1940-х годов появляются первые публикации в серьёзных журналах, были изданы отдельные книги поэзии и прозы. В 1944 году два стихотворения поэта («Сосна», «Хочу в письме...» [Письмо солдата]) были опубликованы в журнале «Сибирские огни» (кн. 4. с. 59). Девять стихотворений вошли в коллективный сборник «Родина» (Новосибирск, 1944), среди них знаменитое стихотворение-ода родной деревне Марьевке «Прощай, село! Я сын твоих полей...».

В 1945 году в пятом и шестом номерах журнала «Сибирские огни» были опубликованы его поэтические произведения «Перевал» (№ 5, с. 138) и «О ней» (№ 6, с. 120-122). Вероятно, после публикаций 1944-1945 гг. В. Д. Фёдоров получил рекомендацию от Новосибирской писательской организации и в 1945 (1944?) году поступил на заочное отделение Литературного института им. А. М. Горького в Москве.

В феврале 1947 года в Новосибирске была издана его первая поэтическая книга «Лирическая трилогия». Книга поэм отличалась эмоциональной напряжённостью действия, склонностью к афористическим обобщениям, вниманием к современной проблематике.

Летом 1947 года В. Д. Фёдоров съездил в отпуск к сестре Тоне в Ялту. Об этом он сообщил в письме к А. И. Смердову (Новосибирск) от 2 декабря 1947 года: «Был в Ялте у сестры. Интересное перемещение во времени и пространстве. Пишу цикл стихов «Море» (письмо А. И. Смердову хранится в «Городском Центре истории Новосибирской книги», предоставлено А. А. Кочетковым).

В 1947 году в Новосибирске и Томске было издано 5 книг очерков Василия Фёдорова (см. список литературы). В 1948 году в канун празднования 30-летия ВЛКСМ (Всесоюзный коммунистический союз молодёжи) в Новосибирске вышла книга очерков «Комсомол Западной Сибири: Исторические очерки» (Новосибирск: ОГИЗ-Новосибгиз, 1948. 166 с.). Автором девяти очерков третьего раздела книги «В годы Великой Отечественной войны» (с. 73-118) был Василий Фёдоров, студент Литературного института им. А. М. Горького.

В 1948 году стихотворение В. Д. Фёдорова «Зеркало труда» вошло в сборник «Родному комсомолу» (М.: Московский рабочий, 1948). Сборник, посвящённый XI съезду ВЛКСМ, составили стихи студентов Московского литературного института им. А. М. Горького. В рецензии на эту книгу, опубликованной в журнале «Смена». 1949. № 14. С. 22, было выделено стихотворение В. Фёдорова «о делах на трудовом фронте»: «Хорошая заявка Василия Фёдорова (стихотворение «Зеркало труда») на эту тему не нашла продолжения в стихах его сотоварищей по книге».

В 1947 году профессиональная новосибирская художница Ольга Ананьевна Шереметинская написала живописный портрет «Молодой поэт Василий Фёдоров». Об истории создания этого портрета В. Д. Фёдоров написал новеллу «Человек из портрета», которая вошла в книгу новелл «Сны поэта», опубликована посмертно в 1985 году в журнале «Наш современник» (№ 4. С. 120 – 141) и отдельной книгой «Сны поэта» (М.: Советский писатель, 1988).

С 3 по 9 марта 1947 года был участником Первого Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве. В автобиографии 1969 года поэт отметил, что «был хорошо принят семинаром Николая Асеева» (Стихотворения и поэмы: В 2-х томах. Т.2. М., 1970). На Первом Всесоюзном совещании В. Д. Фёдоров встретился с А. Т. Твардовским, которому отдал для прочтения рукопись своей поэмы «Марьевская летопись» (1946) и получил от него письмо 16 апреля 1947 года с советами по доработке (опубликовано в 6 томе собр. соч. А. Т. Твардовского). Встреча с Твардовским описана им в очерке «Улица Саввы» (1965).

Осенью 1947 года по ходатайству А. Т. Твардовского перевёлся с третьего курса заочного отделения на 2 курс очного отделения Литературного

института, поселился в общежитии, находившемся на первом этаже здания Литинститута (Москва, Тверской бульвар, д. 25).

На занятиях очного отделения познакомился с Ларисой Фёдоровной Быковой (20.01.1915 – 10.02.1994 г. Москва), ставшей впоследствии его женой. Летом 1948 года по пути на Горный Алтай в творческую студенческую командировку Василий и Лариса заехали в Новосибирск, где Лариса Фёдоровна познакомилась с мамой Ульяной Наумовной и близкими родственниками В. Д. Фёдорова. В 1948 году Василий с Ларисой были в Ялте у его сестры Антонины (есть фотография).

Однокурсники Литинститута Василий Фёдоров и Лариса Быкова сидели за одной партией, поженились в 1949 году. В 1950 году В. Д. Фёдоров усыновил сына Л. Ф. Фёдоровой и дал ему свою фамилию. Игорь Владимирович Фёдоров, 6.12.1937 г. р., проживает в Москве, по профессии строитель, занимал должность начальника УКС Минпищепрома РФ, строил кондитерские фабрики по всей России от Калининграда до Владивостока.

Семья Василия и Ларисы Фёдоровых после окончания Литинститута постоянно проживала в Москве. В 1950-х годах семья жила в маленьких комнатах (7 и 13 квадратных метров) в коммунальных квартирах по переулку Садовских. С 19.04.1960 года семья Фёдоровых жила по адресу: г. Москва, Кутузовский пр., д. 5/3, кв. 338. С 04.01 1977 года переехали в квартиру 340 в этом же доме (справка о месте жительства В. Д. Фёдорова от 15.06.2017 г., выдана МФЦ г. Москва, предоставлена его родным внуком Ф. И. Фёдоровым). Из электронного письма Ф. И. Фёдорова, внука В.Д. Фёдорова и сына И. В. Фёдорова (июнь 2017 г.): «Фёдоров Фёдор Игоревич – это я. Внук Василия Дмитриевича и не иначе, так как всё своё детство до 9 лет прошагал рядом с дедом по паркам и набережным Москвы. Жили мы в одном доме на Кутузовском проспекте 5/3. Лариса Фёдоровна с Василием Дмитриевичем на 7-м этаже, а мы с сестрой Марьяной и родителями на 3-м, в одном подъезде. По профессии я строитель занимаюсь жилищным строительством в Москве. Моя семья состоит из супруги и трёх детей: Марии, Александра и Софьи, все Фёдоровы. У сестры так же есть дочь Полина».

У Василия и Ларисы Фёдоровых совместных детей не было. Из неопубликованного письма В. Д. Фёдорова Владимиру Солоухину от 9 ноября 1956 года:

Вл. Солоухину

Две дочки,
Две милых дочки
Дал тебе Бог в семейную гроздь,
И ты недоволен,
А у меня кроме строчки,
Ничего кроме строчки
Не родилось!

9=XI-56.

Сведения из неопубликованной книги: Алянчиков Николай Николаевич. Хронология жизни Василия Дмитриевича Фёдорова в воспоминаниях, публикациях, письмах, дневниках, автографах. Хабаровск, 6.07.2013 г. С. 9.

У поэта есть стихотворение «Одинок я...» (Собр. соч.: в 5 тт. Т. 2. С. 247):

Одинок я,
Где моя родня?
Все близки,
И все в далёкой дали.
Женщины не верили в меня
И моих детей
Не сберегали.

Однокурсником и другом В. Д. Фёдорова по Литинституту был поэт Расул Гамзатов. В личной библиотеке поэта есть книги Р. Гамзатова «Высокие звёзды» и «Суди меня по кодексу любви» (перевод с аварского). В Марьевском литературно-мемориальном музее хранится также кавказский рог, подаренный Расулом Гамзатовым на одном из юбилеев поэта.

В 1947-1948 учебном году Василий Фёдоров и Лариса Быкова попали в творческий семинар к поэту Павлу Григорьевичу Антакольскому (1896-1978). Можно было записаться в творческий семинар поэта Владимира Александровича Луговского (1901-1957). В поэзии Владимира Луговского (стихотворениях и поэмах) Василию Фёдорову было близко лирико-философское отношение к миру, сюжетная динамика и драматизм коллизий в его балладах и стихотворных новеллах.

Из письма В. Д. Фёдорова А. И. Смердову от 11 октября 1947 года: «Позвонил Твардовскому. Когда я сказал, что приехал в институт, он ответил на это: «Очень рад, что в институте появляются хорошие люди». Пригласил меня работать у него в семинаре, но сам в институте не появляется, а это было бы интересней, чем у Казина или у Луговского или у Голодного. А у меня и того хуже. Ещё до моего приезда Казин положил на меня лапу и записал в свой семинар. Он может быть и ничего, но скучноват, а подойти к Луговскому стало неудобно. Всё-таки они слабоваты. Прозаикам повезло больше – Федин, Паустовский, Слонимский. Мне нужен Твардовский. Мне нужно освоить сюжет» (письмо находится в Новосибирске, в фонде библиотеки-музея «Городской Центр истории Новосибирской книги», предоставлено А. А. Кочетковым с разрешения зав. ГЦИНК Натальи Ивановны Левченко, уроженки Анжеро-Судженска).

Ближе всех по литературно-эстетическим установкам Фёдорову был поэт эпического склада Александр Трифонович Твардовский (см. стихотворение В. Д. Фёдорова «На Парнасе» («Осиротел Парнас...»), написанное на смерть Твардовского в 1971 году, рукопись находится в фонде Кемеровского областного краеведческого музея).

Стихотворение «На Парнасе» (1971) впервые было опубликовано в московском сборнике «День поэзии, 1980». В стихотворении поэт обозначил главные литературные заветы своего учителя: творить слово правды, любить народ и Россию:

Слово,
А не звёздный блеск венца,
Вашу правду не в угоду стилю
Я любить учился до конца,
Как умели вы любить Россию.

В воспоминаниях Ларисы Фёдоровой «Назаркина гора» отмечено, что на семинаре Антакольского поэму «Марьевская летопись» никто не оценил: «Студенты тоже отнеслись к поэме прохладно, а Павел Григорьевич [Антакольский – примеч. сост.] не скрывал своего разочарования». Студенты Литинститута сразу полюбили стихотворения Василия Фёдорова «Скульптор», «Неизвестная» (о картине Крамского, написано во время командировки в 1948 году по Горному Алтаю, от Горно-Алтайска до Кош-Агача, вместе с Ларисой Быковой, с 1949 года Фёдорова).

Далее Л. Ф. Фёдорова пишет: «Стихи стихами, а «Марьевскую летопись» он упорно продолжал дописывать. Пусть она не по душе руководителю семинара, пусть в ней ещё не разобрались его друзья-товарищи, такие как – от земли – Михаил Годенко, как такой же крестьянской закваски прозаик Семён Шуртаков, Владимир Солоухин – поэму о Марьевке он должен сделать! А мне говорил: «Понимаешь, я её обещал самой Марьевке»» («Воспоминание о поэте Василии Фёдорове». Кемерово, 1987. С. 63).

В 1947 году поэму «Марьевская летопись» опубликовал журнал «Сибирские огни» (№ 2, с. 36-42). Из воспоминаний Виктора Федотова, занимавшегося в творческом семинаре П. Г. Антакольского (О литинституте. М.: Сов. писатель, 1983. С. 275): «Кто теперь помнит, что известное стихотворение Василия Фёдорова «Другу» было названо абстрактным» (речь о П. Г. Антакольском, руководителе творческого семинара – примеч. сост.).

На следующем курсе Л. Ф. Фёдорова перешла на прозу и училась в творческом семинаре Константина Георгиевича Паустовского.

В 1950 году Василий Фёдоров вместе с женой окончил Литературный институт им. А. М. Горького при Союзе Советских писателей СССР (Приложение к диплому со сведениями о прослушанных курсах с экзаменационными оценками, всего 24 экзамена и 16 зачётов, находится в Марьевском литературно-мемориальном музее).

Из воспоминаний Михаила Шевченко, студента Литинститута: «Он уже был выпускник, сталинский стипендиат, изредка печатался. Его стихами открывался сборник литинститутских поэтов «Родному комсомолу» <...> Я не знал и до сих пор не знаю всей подоплёки дела, но на пятом курсе у Василия Дмитриевича произошло какое-то столкновение с Василием Смирновым, заведующим кафедрой творчества, и тот дипломную работу Фёдорова отдал на

отзыв знаменитому поэту-лауреату Z., у которого был иной жизненный опыт, чем у Василия Дмитриевича, писал он совсем в иной поэтической манере. Фёдоров шёл от русской классики, Z. – от Маяковского [речь идёт о поэте Михаиле Луконине – примеч. составит.]. Как, видимо, и ожидалось, поэт Z. дал уничтожающий отзыв о фёдоровской дипломной работе. На защите диплома дошло до того, что заговорили о перенесении защиты. Тогда ринулись ему на помощь Борис Бедный и Владимир Солоухин. <...> Они отстаивали его диплом, хотя оценён он был всё же тройкой» («Воспоминание о поэте Василии Фёдорове». Кемерово, 1987. С. 144-146).

Свои непростые отношения с Михаилом Лукониным, Лауреатом Государственной премии за поэму «Рабочий день», В. Д. Фёдоров описал в новелле «Чёрная прядка букета» («Сны поэта»): «Если друзья-приятели начинали мусолить случай с дипломом, я отшучивался: «Они сделают меня гениальным». Тогда же и появились строчки:

Пусть недруги бранят,
Терплю, не споря.
Они меня гранят
Себе на горе.

Когда я рассердился и написал такие поэмы, как «Белая роща», «Проданная Венера» и «Золотая жила», те же друзья-приятели стали напоминать Луконину о его письме. На этот раз отшучивался он: «Не будь моего письма, Фёдоров не написал бы этих поэм». А правда состояла в том, что после луконинского письма, всё же немного потоптавшись на месте, я стал более решителен в своих осуждённых заблуждениях». У четверостишия, вошедшего позднее в цикл «Заметки» (1945-1968), есть поздние варианты:

Пусть недруги бранят,
Тружусь, не споря.
Они меня гранят
Себе на горе.

И вариант-завет для всех читателей:

Пусть недруги бранят,
Трудись, не споря.
Они тебя гранят
Себе на горе.

Из воспоминаний З. Д. и Н. Н. Алянчиковых (1985, 2012): «В 1944-45 г. в Новосибирск приезжал Павел Антокольский и выступал где-то, а Вася ему в чём-то резко возразил. И это, как потом оказалось, не прошло для него (Васи) бесследно. Когда Вася заканчивал Литературный институт (1950 г.), ему на

защите диплома по инициативе Антокольского поставили тройку, и Васе не выдали диплом» [диплом был выдан осенью 1950 года – примеч. сост.].

В конце 1940-х и первой половине 1950-х годов В. Д. Фёдоров занимался журналистской работой, ездил по заданию редакций журналов «Крестьянка», «Огонёк», «Смена» в командировки на заводы страны, публиковал очерки о людях труда. В письме Александру Ивановичу Смердову в Новосибирск от 2 декабря 1947 года студент Литинститута Василий Фёдоров сообщает о подработке в журнале «Крестьянка» и молодёжной редакции радиокомитета, по заданиям которых он пишет очерки (письмо А. И. Смердову хранится в «Городском Центре истории Новосибирской книги», предоставлено А. А. Кочетковым).

В 1951 году восьмой номер журнала «Новый мир» опубликовал его очерк «Кузнецкие сталевары», созданный по материалам поездки на КМК в Сталинск (Новокузнецк). Очерк «Диплом металлурга [О выпускниках Сталинского металлургического института]» в 1951 году был опубликован в двух журналах: «Смена» (№ 3. С. 15) и «Крестьянка» (№ 3. С. 9-11).

С 29 января 1954 года стал членом редакции журнала «Огонёк», принят на должность корреспондента (удостоверение № 21, продлено по декабрь 1955 года, находится в Марьевском литературно-мемориальном музее).

Член Союза писателей СССР с 11 октября 1956 года, член Московского отделения СП СССР. Из Постановления президиума от 11 октября 1956 года: «Слушали - 6: Постановление Приёмочной комиссии при Президиуме МО СП СССР о приёме в члены Союза писателей поэта Фёдорова Василия Дмитриевича. Рекомендуют в члены СП т.т. С. Щипачёв, С. Васильев, К. Ваншенкин и бюро фракции поэтов /О. Н. Писаржевский/. В обсуждении приняли участие т. т. Л. И. Ошанин, К. Я. Ваншенкин, В. Н. Соколов, Е. А. Долматовский. Постановили: принять в члены СП СССР Фёдорова Василия Дмитриевича» (документ хранится в Марьевском литературно-мемориальном музее поэта В. Д. Фёдорова).

Василий Дмитриевич Фёдоров является автором семи прозаических книг: книги очерков «Золотые звенья» (Новосибирск, 1947) и «На Белой Гриве» (Новосибирск, 1947); повести «Зрелость» (М., 1953) и «Добровольцы» (М., 1955); книги литературно-критических статей «Поиск прекрасного» (М., 1970) и «Наше время такое» (1973); цикл новелл «Сны поэта» (М., 1988; Кемерово, 1989). Повесть «Светлый залив» (1952) опубликована посмертно в журнале «Молодая гвардия» за 1986 год в № 6. С. 3-100.

В. Д. Фёдоров является автором сорока пяти прижизненных поэтических книг, а также двухтомного (М.: Художественная литература, 1970), трёхтомного (М.: Молодая гвардия, 1975-1976), пятитомного (М.: Современник, 1987-1989) собраний сочинений и собрания сочинений в одном томе В. Д. Фёдорова (М: Современный писатель, 1998).

В. Д. Фёдорову были в равной степени близки и эпос, и лирика. Ключевые события русской истории XX века отражены в его поэнном творчестве. О событиях 1918 года и гражданской войне в Сибири – поэмы 1950-

х годов. «Ленинский подарок» (1953), «Дуся Ковальчук» (1957), «Золотая жила» (1957). Лётный энтузиазм молодёжи, политические репрессии 1930-х годов, героизм 1940-1960-х годов отразились в поэмах «Седьмое небо» (1959-1967), «Женитьба Дон-Жуана» (1973-1977). Великая Отечественная война на фронте и в тылу в центре поэмы «Лирическая трилогия» (1943-1945). Трудовые подвиги народа в послевоенной деревне представлены в поэме «За рекою Ключевою» (1952). О трудовом энтузиазме молодёжи на целине поэма «Белая роща» (1956). О трудовом героизме народа в 1930-1940-е годы поэма «Проданная Венера» (1956). Герои поэм В. Фёдорова – сильные духом личности. Таков фёдоровский Бетховен из одноимённой поэмы (1961), творец доброго искусства, спасающего людские души. Автобиографический герой поэмы «Седьмое небо» Василий Горин – личность духовно сильная, выдержавшая испытание войной, дружбой, любовью.

Певец России и Сибири, всей душой болеющий за судьбу Отчизны, Василий Дмитриевич Фёдоров талантливо запечатлел национальную жизнь и трагедии двадцатого века в лучших своих поэмах («Проданная Венера», «Седьмое небо», «Женитьба Дон-Жуана») и известных стихотворениях, таких как «С тобой, Россия!», «Совесть», «Сердца», «На родине моей...», «По главной сути...» и др. Современники высоко оценили и его любовную лирику.

В 1959 году книга поэм «Белая роща» (М.: Молодая гвардия, 1958) обсуждалась на страницах «Литературной газеты» (24 марта. С. 3). В обсуждении приняли участие 12 писателей и критиков. Творчество В. Д. Фёдорова получило высокую оценку: «Книга Фёдорова – это очень заметное, серьёзное и принципиально важное событие в русской советской поэзии <...> мир, увиденный глазами подлинного художника» (Л. Ошанин). Критик Вл. Мильков отметил в восьми поэмах книги «Белая роща» «золотую россыпь богатых народных характеров» («Литература и жизнь». 1959. № 21. 18 февраля).

Поэт А. Поперечный: «Василий Фёдоров – поэт редкого дарования. Его стихи <...> – это мастерски выписанные портреты наших современников» («Звезда». 1959. № 12. С. 207).

В 1961 году поэт Александр Говоров отметил: «Для его поэтической манеры характерны образность, обилие картин, глубокий лиризм и, я бы сказал, изящество стиха, изящество речи. Простота без упрощённости. Народность без псевдонародности. <...> В литературу пришёл поэт-философ. Соединение глубокой, беспокойной мысли с музыкой стиха ставит его в шеренгу лучших поэтов» («Огонёк». 1961. № 37. С. 14-15).

В пленарном докладе на Третьем съезде писателей СССР А. Сурков выделил его творчество: «Особо заметны... новые стихи В. Фёдорова» («Литературная газета». 1959. № 60. 19 мая). На съезде В. Д. Фёдоров был избран в состав Правления Союза писателей СССР («Литературная газета». 1959. 24 мая).

В марте 1959 года в Москве в Союзе писателей РСФСР состоялся вечер поэзии Василия Фёдорова («Московский литератор». 1959. 26 марта. С. 3).

31 марта 1962 года в Москве в Театре эстрады с большим успехом прошёл поэтический вечер Василия Фёдорова. На вечере председательствовал Анатолий Софронов, выступил Юрий Прокушев, поэму «Проданная Венера» прочитал Заслуженный артист РСФСР Николай Першин, стихотворения прочли М. Боташов и А. Шилова («Литература и жизнь». 1962. 1 апреля).

21 мая 1962 года Василий Фёдоров выступал в Политехническом музее в Москве. По литературно-эстетическим позициям поэт стоял в оппозиции «эстрадным» поэтам (А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Р. Рождественский), считал их формальные поиски трюкачеством ради трюкачества, «шутовским кривлянием ради самого кривляния» (из статьи С. А. Есенина «Быт и искусство». 1920 год).

В статье «Поэзия и эстрада», опубликованной в альманахе «День поэзии 1964» (М.: Советский писатель, 1964. С. 174) Василий Фёдоров прояснил свою позицию: «Я хотел бы отделить понятие «эстрада» от понятия «трибуна». Для поэта нужна трибуна, та самая, которой пользовался Маяковский, чтобы пропагандировать высокую поэзию, свои взгляды. Эстрада же требует развлекательности, и поэт нередко становится пленником аудитории, которая хочет развлекаться. <...> Мы должны воспитывать серьёзное отношение к эстраде. Давайте приучать аудиторию к серьёзным стихам. Когда Блок выходил на трибуну, то он не делал никаких уступок слушателям, он их воспитывал».

В 1962 году в журнале «Смена» (№ 24, декабрь. С. 9) было опубликовано стихотворение Юрия Сбитнева «Родники», с посвящением Василию Фёдорову (книга Ю. Сбитнева есть в личной библиотеке В. Д. Фёдорова в фонде Марьевского литературно-мемориального музея).

Стихотворения с посвящением Василию Фёдорову написали поэты: Илья Мухачёв, Михаил Светлов, Виктор Васильев (брат поэта Павла Васильева, «Читая Вас, Я слышу голос брата...»), прозаик и поэт Пётр Проскурин (друг В. Д. Фёдорова), Эдуард Асадов, Валентин Сорокин, Людмила Татьяничева, Владимир Фирсов, Леонид Решетников, Владимир Фёдоров, Иван Савельев, Ольга Фокина, Денис Цветков (друг юности, иркутянин), Тамара Пономарёва, Умар Яричев, Игорь Жеглов, Лариса Фёдорова и др. Из поэтов Кузбасса стихотворения-посвящения известному земляку создали поэты: Виктор Баянов, Владимир Измайлов, Александр Ибрагимов, Тамара Рубцова, Владимир Шумилов и др. См. книгу: Русские писатели. Поэты. (Советский период): библиограф. указатель. Т. 27 (Н. Ушаков – Я. Хелемский) / Ред. Захаренко Н. Г., Ханукаева И. В. – СПб.; РНБ, 2009. – С. 240-242. [при участии Н. Н. Алянчикова].

В 1963 году живописный и графический портреты писателя создал известный профессиональный московский художник Павел Судаков. Портрет П. Судакова «В. Фёдоров» (1963) был опубликован в журнале «Москва» (1977. № 1. С. 144-145) во вклейке «Галерея «Москвы». Портреты из мастерской на Малой Грузинской». В этом же номере журнала опубликована повесть Николая Воронова «Лягушонок на асфальте», герои которой ведут разговор о поэме В. Д. Фёдорова «Проданная Венера»).

19 февраля 1963 года в Новосибирске умерла мама поэта Ульяна Наумовна Фёдорова. Матери поэт посвятил произведения: «К матери», «Матери», «Совесть», «Хлебные карточки», «Мать и сын». Аида Петровна Фёдорова посвятила бабушке Ульяне Наумовне стихотворение «Жила, как сторожила осколочки добра...» с посвящением «Матери моего отца». Стихотворение вошло в её книгу стихов «Дерево песен» (Красноярское книжное издательство, 1984. С. 45-46).

В 1963 году Василий Фёдоров совершил зарубежную поездку на теплоходе «Башкирия» по девяти странам северной Европы.

6 марта 1965 года поэт выступил на II съезде писателей РСФСР в Москве: «Я хотел сказать о пренебрежении к жанру поэмы» («Литературная газета». 1965. 6 марта. № 29. С. 3).

В апреле 1965 года в Новосибирском педагогическом институте с лекцией о творчестве В. Д. Фёдорова выступила Елизавета Стюарт («Литературная Россия». 1965. № 16. 16 апреля).

6 июня 1965 года в Москве в клубе «Каучук» состоялось поэтическое представление по книге В. Д. Фёдорова «Книга любви» («Советская культура». 1965. 7 июня). В июне 1965 года в Москве в Театре поэта на Плющихе состоялся ещё один спектакль по «Книге любви» («Московский комсомолец». 1965. 24 июня).

20 ноября 1965 года Василий Фёдоров выступил в Центральном Доме актёра Всероссийского театрального общества им. А. А. Яблочковой в Москве на секции артистов-чтецов (программа находится в фонде Марьевского литературно-мемориального музея).

В 1969 году Центральное телевидение сделало съёмку В. Д. Фёдорова для телепередачи «Поэзия - 70» (о творчестве поэтов М. Квливидзе и В. Фёдорова). Производство: Гл. ред. лит-драм программ. Хронометраж: 00:05:16. Идентификационный номер: 48074 (хранится в архиве Гостелерадиофонда).

В журнале «Кругозор» № 6 (5) за 1969 год выпущена пластинка поэта «Стихи разных лет».

В 1972 году на Центральном телевидении была снята и вышла в телеэфир передача «У нас в гостях поэт Василий Фёдоров». Запись этой передачи хранится в архиве Гостелерадиофонда: идентификационный номер: 43841; хронометраж: 00:16:57; аннотация: Поэт В. Фёдоров читает свои стихи: «Совесть», «Оставьте мне тайну», «Счастливый я не нужен никому», «Знакомо как старинный сказ», «Да Винчи говорил...», «Костёр», «Высокой дружбой похвалюсь», «О словах», «С тобой, Россия».

В 1973 году В. Д. Фёдоров был одним из самых читаемых современных русских поэтов. Из статьи Станислава Куняева «Разговор книгопродавца с поэтом»: «Товаровед «Дома книги», что на Новом Арбате Нелли Гурвич на вопрос, каких авторов чаще всего домогается читатель, без запинки, как таблицу умножения стала перечислять: Гамзатов, Асадов, Рождественский, Евтушенко, Василий Фёдоров» («Литературная газета». 1973. № 44. 31 октября. С. 4).

Творчество В. Д. Фёдорова вошло в учебник «Русская советская литература» для 10 класса под редакцией профессора В. А. Ковалёва («Юность». 1974. № 5. май).

В 1974 году поэт побывал в Югославии, на симпозиуме в связи с юбилеем А. С. Пушкина в Италии, а также в Польше, Чехословакии, Болгарии, Кубе (по приглашениям).

В 1960-1980-е годы В. Д. Фёдоров много занимался общественной деятельностью. Секретарь правления Союза писателей РСФСР, член редакционных советов издательств «Художественная литература», «Современник», «Советская Россия», член редколлегии журнала «Молодая гвардия».

27 июля 1958 года В. Д. Фёдоров был участником 1-го Учредительного съезда писателей РСФСР в Москве, а в 1959 году – участником Пленума СП РСФСР (фотографии Евгения Павловича Ряпасова. Владимирский архив).

В 1963 году В. Д. Фёдоров был избран в состав секретариата правления московской писательской организации вместе с Г. М. Марковым (первый секретарь), С. В. Михалковым, Н. К. Чуковским, Л. А. Кассилем, В. Н. Ильиным и др. (12 человек). В 1964 году вместе с А. Софроновым, Г. Марковым и др. был участником декады русской литературы в Казахстане («Литературная газета». 1964. 27 и 31 октября)

В марте 1965 года В. Д. Фёдоров выступил на Втором съезде Союза писателей РСФСР в защиту жанра поэмы («Литературная газета». 1965. № 29. 6 марта. С. 3). На фотографии Б. Виленкина стоит вместе с Егором Исаевым.

Участвовал в IV, V, VI и VII Всесоюзных совещаниях молодых писателей в Москве в 1963, 1969, 1975, 1979 годах (руководил семинаром, выступал).

На фотографии А. Бочина от 07.05.1963 года, опубликованной в журнале «Огонёк» (1963. № 20. С. 2), Василий Фёдоров стоит рядом с Михаилом Исаковским, Александром Твардовским, Николаем Тихоновым.

В интервью во время работы Пятого Всесоюзного совещания молодых писателей В. Д. Фёдоров сказал, что, прежде всего, «поэту надо заботиться о чистоте своего внутреннего мира» («Литературная газета». 1969. № 15. 9 апреля). Эта мысль была продолжена В. Д. Фёдоровым в статье к 170-летию со дня рождения А. С. Пушкина: «Поэзия Пушкина с чувством свободы и независимости, с чувством достоинства и благородства легла в основу нашей нравственности. Его поэзия больше чем стихи...» («Комсомольская правда». 1969. 5 июня. С. 4).

В выступлении на заключительном заседании VII Всесоюзного совещания молодых писателей В. Фёдоров сказал: «Наши большие поэты всегда были государственными людьми не по должности, а по призванию» («Литературная Россия». 1979. № 13. 30 марта; «Литературная газета». 1979. № 14. 4 апреля).

6 июня 1969 года В. Д. Фёдоров выступил на Третьем Пушкинском празднике поэзии в Михайловском («Литературная Россия». 1969. 6 июня), а

6 июня 1974 года – с докладом «Наш Пушкин» в Кремлёвском Дворце съездов на торжественном вечере, посвящённом 175-летию А. С. Пушкина («Огонёк». 1974. июнь; «Литературная газета». 1974. № 23. 12 июня. С. 1, 4).

В статье «Наш Пушкин» (1974) высказал свое мнение о значении Пушкина и о назначении поэзии вообще: «Пушкин – величайшая духовная ценность нашего народа. Эта ценность нетленна для всех, кто любит поэзию, а поэзия не знает границ. Иначе и не может быть, потому что поэзия всего мира родилась из человеческого желания соединить в себе разрозненные вещи, явления природы, отдаленные понятия, незнакомых прежде людей, племена и народы». И ещё одна важная позиция для Фёдорова-поэта: «Пушкин – государственный человек, не в смысле официальной государственности, не по унижительной службе камер-юнкера, а по собственному пониманию нужд русской земли, своего народа, долга поэта, по собственному установлению.

Пока свободою горим,
Пока сердца
Для чести живы,
Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!»

4 октября 1965 года В. Д. Фёдоров выступил на вечере, посвящённом 70-летию со дня рождения Сергея Есенина. Есенинский вечер в Москве проходил в Колонном зале Дома Союзов («Литературная Россия». 1965. 8 октября. С. 3-4). Через десять лет, 3 октября 1975 года, вместе с Ю. Л. Прокушевым поэт участвовал в праздновании 80-летия со дня рождения С. А. Есенина в с. Константиново Рязанской области, где присутствовала дочь Есенина Татьяна.

В 1965 году был главным редактором десятого юбилейного сборника «День поэзии» (М., 1965). 20-22 апреля 1966 года выступил с речью «Революция и поэзия» на пленуме правления СП РСФСР (СССР), посвящённом 50-летию Октября («Литературная Россия». 1966. № 18. С. 8-9). 24-25 декабря 1968 года выступил с речью «Повысить требовательность» на 6-м пленуме правления СП РСФСР («Литературная Россия». 1968. № 52. 27 декабря. С. 2-3).

По опубликованным фотодокументам можно констатировать, что В. Д. Фёдоров был участником IV, V, VI и VII съездов писателей СССР в 1967, 1971, 1976 и 1981 годах в Москве (см. стенографические отчёты съездов писателей СССР). В книге «Пятый съезд писателей СССР: стенографический отчёт» (М.: Советский писатель, 1972. 556 с.) опубликован доклад В. Д. Фёдорова на III съезде писателей РСФСР (24-27.03.1970 г.) «Пути развития поэзии советской России» (с. 405-416). В Большом Кремлёвском дворце с пленарным докладом о поэзии В. Д. Фёдоров выступил 24 марта 1970 года («Литературная газета». 1970. 25 марта. № 13. С. 3-4). 19 декабря 1975 года выступил с пленарным докладом на IV съезде писателей РСФСР («Литературная газета». 1975. № 52. 24 декабря).

В декабре 1970 года выступил на Объединённом пленуме правления СП РСФСР и Московской писательской организации («Литературная газета». 1970. № 51. дек.). В 1971 году выступил с докладом о жанре поэмы в творчестве молодых писателей на пленуме правления СП РСФСР («Литературная газета». 1971. № 52). В 1978 году участвовал в Пленуме СП РСФСР, в 1980 году – в Пленуме правления СП СССР и др. В 1977 году в Останкинской телестудии прошёл творческий вечер В. Д. Фёдорова, в сентябре 1978 года поэт выступал со стихами на Куликовом поле («Новомосковская правда» (Тульская область). 1978. 23 сентября. С. 3)

23 февраля 1968 года поэту исполнилось 50 лет. Вот несколько юбилейных оценок творчества В. Д. Фёдорова.

Поздравление секретариата правления Союза писателей СССР: «Ваши стихотворения и поэмы занимают видное место в русской советской поэзии»; «Я открыто горжусь, что тогда в 1955 году, не ошибся, без отрыва прочитав книжечку неизвестного поэта и рекомендовал его в члены Союза писателей. Ныне его громкое имя украшает поэтический цех. Сергей Васильев [о книге: Фёдоров В. Лесные родники: Поэмы и стихи. – М.: Молодая гвардия, 1955. – 94 с.]» («Литературная газета». 1968. 28 февраля. С. 2).

Юрий Прокушев: «Его стихи и поэмы по силе драматизма, образности, эмоциональной напряжённости более всего созвучны эпическому дыханию шолоховской прозы» («Огонёк». 1968. № 9. С. 12-13).

В 1968 году В. Д. Фёдоров побывал в д. Марьевка Яйского района Кемеровской области, выступил в старом здании деревянного клуба, читал стихи. После вечера директор Марьевского совхоза Константин Фёдорович Салихов сообщил поэту: «У нас есть уже проект Дома культуры с залом на триста мест». О поездке на родину во время событий в Чехословакии поэт написал статью «Нас никому не рассорить» («Правда». 1968. 9 сентября. № 253). Из цикла «Заметки» (1945-1968):

Картина не типичная,
Но облик постоянный.
Коровники кирпичные,
А клубик
Деревянный.

В. Д. Фёдоров с супругой Л. Ф. Фёдоровой с 1969 года ежегодно приезжал в родную для поэта Марьевку, бывал и выступал на творческих вечерах в Яе, Кемерово, Новосибирске. С 1970 года, строя в Марьевке дом-усадьбу (строительство было завершено в 1972 году), поэт каждое лето приезжал туда жить и работать. В Марьевке созданы такие известные произведения, как поэма «Женитьба Дон-Жуана» (1977), цикл новелл «Сны поэта», «Заметки», стихотворения: «Прощай, село!..», «Озеро Кайдор», «Когда ты в Марьевке живёшь...» и др.

Принял участие в работе Зонального семинара молодых писателей Западной Сибири и Урала в г. Кемерово (29.05-07-06.1966 г.), руководил секцией «Поэзия» (программа Зонального семинара хранится в ГАКО в личном фонде Е. С. Буравлёва). Из воспоминаний поэта Валентина Махалова: «В перерывах между занятиями участники, переговариваясь между собой, отмечали: «Очень интересно у Фёдорова и Смелякова. Там спорят по сути. Если хвалят – за дело, а снимают стружку, так по большому счёту» (Воспоминания о поэте Василии Фёдорове. – Кемеровское книжное издательство, 1987. С. 209).

Участвовал в Днях советской литературы в Кузбассе (1976). Написал предисловие к первой антологии кузбасской поэзии «Дыхание земли родимой» (Кемерово, 1979). Общался и поддерживал кузбасских поэтов: Евгения Буравлёва, Виктора Баянова, Владимира Матвеева, Владимира Иванова, Николая Колмогорова. Дружил с Валентином Васильевичем Махаловым. Подругой Ларисы Фёдоровны Фёдоровой в 1970-1990-е годы была Тамара Ивановна Махалова (сохранилась их переписка, фотодокументы).

1 сентября 1970 года В. Д. Фёдоров посетил школу № 1 в пгт. Яя, выступил на школьной линейке, оставил запись в книге отзывов: «Друзья! Как бывшему ученику вашей школы мне после её осмотра снова захотелось учиться в ней. Наша школа была очень скромной. Желая вам учиться хорошо, всё время помнить, что вас ждёт важная работа на благо родины и счастья народа. Вас. Фёдоров. 1.IX.70». Директору Яйской средней общеобразовательной школы № 1 Илье Александровичу Приходько поэт подарил свою книгу «Второй огонь» (1965) с автографом, а школьной библиотеке книгу «Третьи петухи. Седьмое небо» (1970) с автографом: «Моим однокашникам в первой школе Яя. На память 1.IX.70. Вас. Фёдоров» (хранятся в школьном музее ООШ № 1 пгт. Яя Кемеровской области).

Летом 1971 года в пгт. Яя В. Д. Фёдоров встречался с кузбасскими писателями. На этой встрече были Виктор Баянов, Олег Павловский, Валентин Махалов (фотография из фондов Марьевского музея). В личной библиотеке поэта находятся книги кузбасских поэтов: «Шестая гряда» Е. С. Буравлёва, «Томь-река» и «Не красным летом» В. М. Баянова, «Коль жить да любить» В. М. Мазаева и др. 06.07.1972 года на Назаркиной горе в Марьевке прошла встреча с библиотекарями Яйского района и кузбасскими писателями (фотодокменты из фондов Марьевского литературно-мемориального музея).

С 18 по 29 октября 1971 года В. Д. Фёдоров в составе делегации советских писателей побывал на Кубе. Поэту было приятно увидеть свои книги в библиотеке Института литературы и лингвистики Академии наук Кубы. В личном фонде Н. Н. Алянчикова есть фотография В. Фёдорова с кубинским поэтом Н. Гильеном и Ю. Верченко (подарена Л. Ф. Фёдоровой 28 июня 1988 года).

15 августа 1972 года в г. Кемерово В. Д. Фёдоров встретился с земляками-кемеровчанами. Кемеровский художник Михаил Паньков сделал его

портретный набросок, в котором Василий Фёдоров признал себя, что подтвердил собственноручной подписью («Кузбасс». 1972. 18 августа. С. 4).

В 1970-е годы В. Д. Фёдоров несколько раз принимал участие в телепередачах «Кузбасс литературный» на Кемеровском телевидении, сценаристом и ведущей которых была Тамара Ивановна Махалова.

В мае 1977 года в Москве артист Свердловского театра музыкальной комедии на своём концерте, аккомпанируя себе на гитаре, исполнил произведения из своих песенных циклов на стихи Сергея Есенина и Василия Фёдорова («На смену». 1977. 19 мая).

В третьей декаде июля 1977 года В. Д. Фёдоров принял участие в Днях советской литературы в Новосибирске, интервью с поэтом опубликовали новосибирские газеты «Вечерний Новосибирск» (1977. 22 июля), «Молодость Сибири» (1977. 30 июля).

Корреспонденту газеты «Молодость Сибири» Л. Борисовой В. Д. Фёдоров сказал: «Поэт занят устройством мира, создаёт свой идеал мира. И чем оригинальнее этот мир, тем интереснее поэт». А на вопрос «У Вас много произведений о любви. Можно сказать, что это одна из главных тем Вашего творчества?» поэт ответил: «Главная тема – всегда жизнь. А это прежде всего жизнь людей, их работа, семья, счастье... А какое счастье без любви? И вообще, что такое счастье? Мы говорим о мире, об огромном нашем строительстве – ведь всё это для того, чтобы обеспечить человеческое счастье. Счастье и любовь – почти главное. Потому что человек, не познавший любовь, – бедняк. Надо, чтобы любовь появилась на земле. Если человек любит, он способен на большое трудолюбие, может совершить какой угодно подвиг. Не обязательно во имя любви, но любовь будет импульсом. Кстати, когда говорят «несчастливая любовь», я не верю. Любовь несчастной не бывает. Какой бы она ни была, она счастливая. Она – Любовь».

– Кто из Ваших братьев по перу близок Вам как поэту и читателю?

– Время от времени я чувствую потребность прийти к Маяковскому. Заглянуть в него, посмотреть... Меня не перестаёт удивлять его «Облако в штанах» в смысле интонации. «Алло! Кто говорит? Мама?» – и смотрите, как меняется: «Мама! Ваш сын прекрасно болен!..» Вот этот маленький момент – он требует специального изучения. Читаешь уже в который раз – и вдруг начинаешь замечать вот такие тонкости. Я очень люблю Есенина за его эмоциональность. Мартынова люблю... (фрагмент интервью газете «Молодость Сибири» от 30 июля 1977 года).

В интервью корреспонденту газеты «Вечерний Новосибирск» В. Нарбуту на вопрос «Кому в первую очередь адресуете Вы свои произведения?» Василий Фёдоров ответил: «Я не признаю деление читателей по профессиям, роду занятий или, скажем, социальным группам. Для меня важна категория духовная, внутреннее состояние человека, склад его души. Я адресую стихи и профессору, и колхознику, если они духовно близки мне, я обращаюсь к единомышленникам. Или стараюсь сделать читателя своим единомышленником. Люди ищущие, проникнутые беспокойством о природе,

заботой о чувстве достоинства, о гордости своей, о гражданских интересах – к ним обращены мои стихи» (фрагмент интервью газете «Вечерний Новосибирск» от 22 июля 1977 года).

3 августа 1977 года по Первой программе Центрального телевидения транслировался творческий вечер Василия Фёдорова в Концертной студии «Останкино». Московский фотограф Анатолий Хрупов запечатлел это событие («Наш современник». 1978. № 11. С. 181).

23 февраля 1978 года поэт отметил 60-летие, юбилейный вечер прошёл в Концертном зале им. Чайковского 27 февраля («Литературная газета». 1978. № 9. 1 марта). Поэтесса Людмила Татьяничева посвятила В. Д. Фёдорову стихотворение «Ледокол». На вечере исполнялись романсы на стихотворения юбиляра (композиторы Мажуков, Табачников, романс «Седина»), читалась поэма «Бетховен» (из письма Л. Ф. Фёдоровой - З. Д. Алянчиковой в г. Хабаровск от 8 февраля 1978 года, личный фонд Н. Н. Алянчикова).

К юбилейному дню рождения В. Д. Фёдоров получил 23 телеграммы-поздравления: от председателей Госкомиздатов СССР и РСФСР, от отдела литературы и искусства газеты «Правда», от членов редколлегии журналов «Молодая гвардия» и «Дружба народов», от исполкома Марьевского сельского совета и от коллектива совхоза «Марьевский». Личные телеграммы прислали: Расул Гамзатов (Махачкала), Анатолий Калинин (Усть-Донецкий), Николай Старшинов (Москва), Николай Доризо (Ленинград), Михаил Годенко (Москва), Виктор Крещик (Новосибирск), Михаил Кильчичаков (Абакан), Владимир Колыхалов (Томск) и др.

23 августа 1986 года Л. Ф. Фёдорова передала 23 телеграммы-поздравления с 60-летием Улановскому школьному музею (с. Улановка Яйского района Кемеровской области). В 2017 году зав. музеем Раиса Семёновна Воропаева передала телеграммы в Государственный архив Кемеровской области.

В начале июня 1978 года Василий Фёдоров был в г. Новосибирске в составе выездного секретариата правления СП РСФСР («Литературная Россия». 1978. № 22. 2 июня), затем с супругой приехал в Марьевку.

По признанию поэта (со слов Т. И. Махаловой) лучшие его прижизненные фотопортреты созданы корреспондентом газеты «Кузбасс» Виктором Никифоровичем Грызыхиным на Назаркиной горе в Марьевке в июне 1978 года.

22 января 1980 года в Москве в Центральном Доме Советской Армии им. М. В. Фрунзе состоялся творческий вечер поэта Василия Фёдорова.

24 июля 1980 года в г. Кемерово в малом зале филармонии прошёл творческий вечер В. Д. Фёдорова, Лауреата Государственной премии СССР. На мероприятии присутствовали кемеровские художники Иван Филичев и Герман Захаров. Поэт Виктор Баянов прочитал на вечере стихотворение «Изба на горе», посвящённое В. Д. Фёдорову. На заднике сцены висел больших размеров графический портрет В. Д. Фёдорова работы Ивана Ивановича Филичева, члена Союза художников СССР с 1972 года.

Пётр Михайлович Дорофеев вручил поэту Почётную грамоту обкома КПСС и облисполкома за активную работу по пропаганде советской литературы и личный вклад в литературно-художественное воспитание трудящихся Кемеровской области. Из воспоминаний П. М. Дорофеева: «Грамота вручалась при переполненном зале областной филармонии, где проходил авторский вечер поэта. В течение двух часов Василий Дмитриевич проникновенно читал свои стихи, отрывки из поэм, блистательно отвечал на многочисленные вопросы. Встреча закончилась бурными аплодисментами любителей поэзии, пожеланиями здоровья, больших творческих успехов, новых поэм и стихов» («Воспоминание о поэте Василии Фёдорове». – Кемеровское книжное издательство, 1987. С. 179).

В 1980 году Кемеровской телестудией был снят фильм с личным участием В. Д. Фёдорова «Здесь отчий дом. О поэте Василии Фёдорове» (автор и ведущая Тамара Махалова, режиссёр Николай Ставцев, оператор Сергей Мякишев, звукорежиссёр Валерий Смирнов). Местом съёмок стали Кемерово и Марьевка.

В 1981 году на Всесоюзной студии грамзаписи «Мелодия» были записаны две композиции рок-группы «Москва». Композитор Давид Тухманов. Гитарист и лидер-вокал Николай Носков. Песня «Игра в любовь» написана на основе двух стихотворений Василия Фёдорова. Вторая композиция создана по стихотворениям Вероники Тушновой («Московский комсомолец». 1981. авг.?).

В «Литературной газете» за 18 ноября 1981 года Пётр Проскурин написал: «В современной поэзии нахожу отраду в поэзии Н. Рубцова и В. Фёдорова» (ЛГ № 47). В альманахе «День поэзии. 1981» были опубликованы новые стихи поэта («Русские плотники», «Високосный год»), а также на с. 230 шарж В. Гончарова на Василия Фёдорова.

В перекидном календаре за 1982 год за 20 июля (вторник) было опубликовано стихотворение Василия Фёдорова «Всё в памяти, и всё - живое, И обо всём душа болит...». В. Д. Фёдоров в сентябре 1982 года включён в состав юбилейной комиссии по празднованию 200-летия В. А. Жуковского («Литературная газета». 1982. 8 сент. № 36).

В декабре 1982 года в стране отмечали 60-летие СССР. В читальном зале Томской областной универсальной научной библиотеке им. А. С. Пушкина артистка Томской филармонии Светлана Иволгина читала стихи Фазу Алиевой, Давида Кугультинова, Олжаса Сулейменова, Юлии Друниной, Евгения Евтушенко, Василия Фёдорова («Красное знамя». 1982. 10 (28) декабря?).

В июле-декабре 1982 года врачи г. Кемерово и прежде всего директор хирургической клиники профессор Теодор Израильевич Шраер спасли жизнь В. Д. Фёдорову (две полостных операции, инфаркт). Курс реабилитации поэт прошёл в санатории «Сосновый бор» под Кемерово. 2 декабря 1982 года В. Д. Фёдоров с супругой уехали домой в Москву.

Профессору Т. И. Шраеру поэт посвятил стихотворений «Я снова жив...», стихотворение опубликовано в журнале «Наш современник». 1983. № 6. С. 28-31. За подборку стихотворений «В земной колыбели» В. Д. Фёдоров стал

лауреатом премии журнала «Наш современник» за 1983 год (см. «Наш современник». 1984. № 1).

В 1982 году кемеровский художник Герман Порфирьевич Захаров (1933-1992) успел создать два прижизненных портрета поэта: портрет «Поэт Василий Фёдоров у сломанного дерева» и живописный портрет «Поэт Василий Фёдоров и красный конь», который, по словам Т. И. Махаловой, особенно понравился В. Д. Фёдорову и был увезён поэтом в Москву. Этот портрет опубликован в книге: Кузбасс. Кемеровская область. Фотоальбом / Под общ. ред. П. М. Дорофеева. Текст П. С. Ворошилова. М.: Планета, 1986. С. 231. Портрет «Поэт Василий Фёдоров у сломанного дерева» года находится в Марьевском литературно-мемориальном музее.

26 февраля 1983 года большая группа работников культуры Кемеровской области поехала в Москву, в Центральный дом работников искусств (ЦДРИ). Возглавил делегацию П. М. Дорофеев. Из воспоминаний участника кузбасской делегации поэта Виктора Баянова: «В одном из залов Центрального дома работников искусств была развернута небольшая выставка живописных и графических работ кузбасских художников. Выделялся яркостью исполнения портрет Василия Дмитриевича, написанный Германом Захаровым. Лицо поэта – одухотворённое, светлое. Взгляд острый и внимательный, устремлён в пространство, вроде всматривается в загаданную для себя трудную, но и отрадную дорогу, которую предстоит ещё одолеть. <...> Портрет Василию Дмитриевичу понравился. Обходя зал, он нет-нет да взглядывал на него с разных сторон. Успокоенно отошёл, когда о портрете одобрительно отозвался известный художник Яр-Кравченко» («Воспоминание о поэте Василии Фёдорове». – Кемеровское книжное издательство, 1987. С. 172-173).

На этой выставке были представлены 4 портрета Г. П. Захарова: «Достоевский и Исаева», «Владимир Высоцкий», «Лариса Фёдорова», «Василий Фёдоров у сломанного дерева». Из воспоминаний Германа Захарова: «Картина заключалась вот в чём: сломанное – бурей ли, временем ли – мощное дерево. И поэт, опустив голову и глядя куда-то в сторону, положил свою руку на место слома... <...> Символ всего преходящего – мудрое, изборождённое морщинами дерево, рухнувшее, несмотря на свою мощь... И человек, державший свою руку на сломе рухнувшего дерева, осознаёт конечность всего, и поэтому, думая о своём будущем, он думает прежде всего о максимальной самоотдаче, которая единственно может оправдать целесообразность отпущенного тебе на земле срока...» («Воспоминание о поэте Василии Фёдорове». – Кемеровское книжное издательство, 1987. С. 197-198).

В 1982 году издательство «Современник» предложило Лауреату Государственной премии СССР издать в 12-той пятилетке собрание сочинений. 19 января 1983 года В. Д. Фёдоров представил проспект-заявку на пятитомное «Собрание сочинений», предложив следующий состав томов:

Первый том – Стихи. Объём 18 а. л.;

Второй том – Поэмы и стихи, написанные до «Седьмого неба» – 17-18 а. л.;

Третий том – две романические поэмы – «Седьмое небо», «Женитьба Дон-Жуана» – 18,5 а. л.;

Четвёртый том – «Проза и поэзия о поэтах»: «Уроки поэзии», «Вехи русской поэзии»; «О поэтах-современниках» – 26-27 а. л.;

Пятый том – Проза. Автобиографический очерк «О себе и близких» – 2,5 а. л. Новеллы «Сны поэта» – 12 а. л. Повесть «Добровольцы» – 14 а. л., весь том – 28,5 а. л. Объём всего «Собрания» – 110 а. листов. В. Д. Фёдоров начал активно готовить своё новое «Собрание сочинений». Смерть поэта, в апреле 1984 года, прервала эту работу. Пятитомник был издан в 1987-1989-х годах под общей редакцией Юрия Львовича Прокушева, составитель – Л. Ф. Фёдорова.

18 января 1984 года в «Литературной газете» (№ 3. С. 5) был опубликован рассказ Владимира Крупина «Семейная сцена»:

«– Неужели он сейчас ведёт с ней такие же разговоры?

– Непременно! А ещё читает ей стихи Василия Фёдорова: «До всенародного признанья пути заведомо трудны. Поэт обязан жить в изгнании, хотя б от собственной жены».

– Ничего, я однажды проучу его как следует.

– Не смей! Писательство есть обречённость, а писательская жена – жертва. Счастье её в полной расстворённости в деле мужа. Только так...». Именно такой женой и была Лариса Фёдоровна Фёдорова.

21 февраля 1984 года в станице Вешенской Ростовской области скончался великий русский писатель Михаил Александрович Шолохов. Василий Фёдоров откликнулся статьёй «Объединитель судеб людских (На смерть Шолохова)»: «Утрата эта невозполнима. Мне кажется, что она равнозначна утрате Толстого для России. <...> Он был поэт в своей прозе. Драматические ситуации, описанные им, полны поэзии <...> Он видел жизнь далеко вперёд... В молодости он взвалил на себя громаду, которую нёс всю жизнь, и выдержал» («Советская Россия». 1984. 24 февраля. № 47).

В 1984 году Всесоюзная студия грамзаписи «Мелодия» выпустила виниловый диск стихотворений Василия Фёдорова в авторском исполнении (записи 1976-1984 годов).

31 марта 1984 года на Центральном телевидении СССР прошёл фильм с личным участием В. Д. Фёдорова «Встреча с поэзией Василия Фёдорова» (автор и ведущий Юрий Прокушев, режиссёр Андрей Васильев). Место съёмок Москва (Переделкино).

Значительным вкладом в русскую литературу явились его переводы классиков Востока И. Насими и А. Навои. Фёдоров перевел также стихи поэтов Украины (Ю. Герасименко, С. Мушник, В. Бондарь), Кавказа и Закавказья (А. Исаакян, А. Граши, М. Геттуев), Прибалтики (Я. Райнис, А. Таммсааре), Болгарии (Л. Стефанова, Д. Методиев, П. Матеев), Венгрии (А. Мезеи), Испании (Р. Альберти) и др.

Умер в г. Ессентуки 19 апреля 1984 года, похоронен 24 апреля 1984 года в **Москве** на Кунцевском кладбище (см. книгу В. В. Махалова «Поэт Василий Фёдоров» (1985): «24 апреля 1984 года Москва прощалась с Василием

Фёдоровым...»). В 1991 году на месте захоронения был установлен беломраморный памятник-надгробие (скульптор А. А. Бичуков, автор памятников Сергею Есенину на Ваганьковском кладбище и на Тверском бульваре).

Некрологи 24 апреля 1984 года опубликовали газеты и журналы: «Правда», «Известия», «Советская Россия», «Советская культура»; 25 февраля – «Литературная газета»; 27 апреля – «Литературная Россия», а 28 апреля – журнал «Огонёк» (1984. № 18. С. 28). Слово прощания с Василием Фёдоровым опубликовал третий номер журнала «Огни Кузбасса» за 1984 год (с. 84-85), в журнале опубликована фотография поэта Виктора Грызыхина и его портрет работы Германа Захарова.

Из интервью жительницы д. Марьевка (записано оператором Кемеровской студии телевидения Юрием Яковлевичем Светлаковым 31 июля 1988 года во время Фёдоровских чтений в Марьевке): «И кто бы к нему за какой бы помощью ни обратился, он всегда окажет помощь. Такой шибко был положительный, хороший. И вот, может быть, это и не нужно говорить, когда, значит, он помер, тут это, была Пасха. Я стряпалась, конечно. Приходит ко мне сестра и говорит: «Василий Димитрич умер!». Ой! Я просто слезой умылася» (Светлаков Ю. Я. Поэта надо издали любить...: Как мы снимали очерк «Я душу распахну – входи!» и о программе «Как слово наше отзовется...». Из цикла «Знай наших!». – Кемерово: ООО «ИНТ», 2017. – С. 14).

В 1984 году Пасха праздновалась 22 апреля. 19 апреля был Великий Четверг Страстной Седмицы, в народе его называют Чистый Четверг. В этот день Церковь вспоминает Тайную Вечерю, на которой Господь установил Таинство Евхаристии. Из Евангелия от Иоанна мы знаем, что Господь в начале Тайной Вечери омыл ноги своим ученикам, показывая пример служения ближним. «Чин омовения ног» сейчас восстановлен: в соборе епископ омывает ноги 12 священникам, в монастыре игумен братии.

Произведения В. Д. Фёдорова переведены на 15 иностранных языков: албанский, английский, болгарский, венгерский, испанский, китайский, немецкий, польский, румынский, сербохорватский, словацкий, украинский, французский, чешский, шведский. Профессиональными композиторами и бардами созданы песни на его стихотворения.

Справочно-библиографическая литература о В. Д. Фёдорове:

1. Русские писатели. Поэты. (Советский период): биобиблиограф. указатель. Т. 27 (Н. Ушаков – Я. Хелемский) / Ред. Захаренко Н. Г., Ханукаева И. В. – СПб.; РНБ, 2009. – С. 166-245. [при участии Н. Н. Алянчикова].
2. Русские писатели, XX век. Биобиблиографический словарь: В 2 ч. Ч. 2. М-Я / Под ред. Н. Н. Скатова. – М.: Просвещение, 1998. – С. 496-499. [автор статьи о В. Д. Фёдорове – В. А. Шошин].
3. Писатели Кузбасса: 55 лет (1962-2017). Биобиблиографический каталог / Сост. В. С. Арнаутов. – Кемерово: Союз писателей Кузбасса, 2017. – С. 354-357. [автор статьи о В. Д. Фёдорове – Г. И. Карпова].

4. Василий Дмитриевич Фёдоров. Биобиблиографический указатель / Сост. З. В. Старчикова, Е. И. Васильева. Изд. 2-е, доп. – Кемерово: КемОНБ им. В. Д. Фёдорова, 1989. – 55 с.
5. Василий Дмитриевич Фёдоров // Литературная карта Кузбасса: электронный энциклопедический ресурс / Модератор В. И. Лаврушкина: <http://kemrsl.ru/litmap>
6. Василий Фёдоров / Модератор А. А. Кочетков (Александр Северный) // Сайт «Стихи.ру». Электронный ресурс: <http://www.stihi.ru/avtor/marevka>
7. Литературный музей поэта В. Д. Фёдорова (Марьевка). Фотоальбомы. Электронный ресурс: <http://fedorovliter.ucoz.ru/photo/>

Печатался в литературных журналах:

«Новый мир», «Молодая гвардия», «Знамя», «Октябрь», «Огонёк», «Смена», «Москва», «Наш современник», «Крестьянка», «Советский воин», «Поэзия» (все – Москва); «Нева», «Звезда» (все – Ленинград); «Сибирские огни» (Новосибирск); «Огни Кузбасса» (Кемерово).

Участник коллективных поэтических сборников:

«Родина» (Новосибирск, 1944); «Поэзия Сибири (1917-1957)» (Новосибирск, 1957); «День Поэзии, 1965» (Москва, 1965); «Час поэзии» (Москва, 1967); «Пять тысяч любимых строк» (Москва, 1977); «60 лет советской поэзии: Собрание стихов в 4-х томах» (Москва, 1977); «60 героических лет» (Москва, 1978); «Рабочая поступь России» (Москва, 1978); «Поэзия в пути» (Москва, 1978); «День поэзии, 1978» (Москва, 1978); «Руку дружбы подали» (Донецк; Кемерово, 1979); «Стихи о Ленине» (Москва, 1980); «Сердце России» (Москва, 1981); «Товарищ партия: Страницы поэтической хроники» (Москва, 1981); «День поэзии, 1981» (Москва, 1981); «День поэзии, 1956-1981: Избранное» (Москва, 1982); «Пою моё Отечество» (Москва, 1982); «Поэты Сибири: Поэтические страницы журнала «Сибирские огни» (Новосибирск, 1982); «Песнь о Сибири» (Кемерово, 1982); «Земля потомков Ермака: Сибирь в русской лирике» (Иркутск, 1982); «Рабочая мелодия Кузбасса. Стихи о родном крае» (Кемерово, 1984); «День поэзии» (Кемерово, 1994); «Дороже серебра и золота» (Кемерово, 1994); «На Родине моей повыпали снега...» (Кемерово, 1998); «Русская сибирская поэзия. Антология XX век» (Кемерово, 2008); «Энциклопедия писателей Кузбасса» (Новокузнецк, 2014); «Вечные чувства в стихах современных поэтов: хрестоматия» (Новокузнецк, 2014); «Поэзия Кузбасса: XX-XXI век. Т. 1. Поэты 60-70-х» (Кемерово, 2015); «Солнцестояние: Стихи кузбасских поэтов. В 4-х кн. Весна. Лето. Осень. Зима» (Кемерово, 2015).

Изданы книги Василия Фёдорова:

1. Лирическая трилогия. – Новосибирск: Новосибгиз, 1947. – 44 с.
2. Золотые звенья: Очерки. – Новосибирск: ОГИЗ, 1947. – 57 с.: ил.
3. На Белой гриве: Очерки. – Новосибирск: Новосибгиз, 1947. – 56 с.
4. Во имя победы: (Кировский район г. Томска в годы Великой Отечественной войны) / Отд. пропаганды и агитации Томского обкома ВКП(б). – Томск, 1947. – 56 с.
5. Томская область в годы Великой Отечественной войны / Отд. пропаганды и агитации Томского обкома ВКП(б). – Томск, 1947. – 56 с. – В соавторстве с С. Анциферовой.
6. Культура и наука за 30 лет в Томской области / Отд. пропаганды и агитации Томского обкома ВКП(б). – Томск, 1947. – 29 с.
7. Зрелость: Повесть. – Москва: Молодая гвардия, 1953. – 134 с.
8. Добровольцы: Повесть. – Москва: Молодая гвардия, 1955. – 262 с.
9. Марьевские звёзды: Стихи и поэмы. – Новосибирск: Новосибгиз, 1955. – 112 с.
10. Лесные родники: Поэмы и стихи. – Москва: Молодая гвардия, 1955.– 94 с.
11. Дикий мёд: Стихи и поэмы. – Москва: Советский писатель, 1958.– с.
12. Белая роща: Поэмы. – Москва: Молодая гвардия, 1958. – 135 с.
13. Золотая жила: Поэмы. – Москва: Правда, 1959. – 32 с. (Б-ка «Огонёк», № 16).
14. Не левее сердца: Стихи и поэмы. – Москва: Советская Россия, 1960. – 192 с.: ил.
15. Белая роща: Поэмы. – 2-е изд., доп. – Москва: Молодая гвардия, 1961. – 174 с.: грав.
16. Лирика. – Москва: Госиздат, 1961. – 287 с.
17. Седьмое небо. Стихи и поэмы. – М.: Советский писатель, 1962. – 281 с.
18. Книга любви: Стихи. – М.: Московский рабочий, 1964. – 216 с.
19. Стихотворения, поэмы / Вступ. ст. Е. Стюарт. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1964. – 359 с. (Библиотека сибирской поэзии).
20. Второй огонь: Стихотворения и поэмы. – М.: Художественная литература, 1965. – 574 с.: ил., портр.
21. Третьи петухи: Новые стихи. – М.: Молодая гвардия, 1966. – 144 с.: портр.
22. Стихотворения. – М.: Художественная литература, 1967. – 63 с.
23. Избранная лирика. – М.: Молодая гвардия, 1968. – 32 с.

24. Книга любви: Стихи. – 2-е изд., доп. – М.: Московский рабочий, 1968. – 339 с.: портр.
25. Седьмое небо. Романическая поэма. – М.: Советский писатель, 1968. – 207 с.
26. Стихотворения и поэмы: В 2-х т. – М.: Художественная литература, 1970. – 495 с. (Т. 1. Стихотворения); 320 с. (Т. 2. Поэмы).
27. Третьи петухи. Седьмое небо. – М.: Советская Россия, 1970. – 350 с.
28. Поиск прекрасного: Статьи о творчестве. – М.: Советская Россия, 1970. – 191 с.
29. Крылья на полдень: Стихи. Поэма. – М.: Воениздат, 1971. – 328 с.
30. Седьмое небо. Романическая поэма. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1971. – 190 с.
31. Седьмое небо. Романическая поэма. – М.: Современник, 1972. – 196 с.
32. Избранные стихотворения. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1972. – 399 с.
33. Книга любви: Стихи. – 3-е изд., доп. – М.: Молодая гвардия, 1973. – 255 с.: ил.
34. Наше время такое...: О поэзии и поэтах. Статьи. – М.: Современник, 1973. – 512 с.
35. Как цветы на заре: Книга лирики. – М.: Советский писатель, 1974. – 208 с.
36. Книга любви и веры: Стихи и поэмы. – М.: Современник, 1974. – 431 с.
37. Собрание сочинений: В 3-х томах. – М.: Молодая гвардия, 1975-1976.
38. Женидьба Дон-Жуана: Ироническая поэма. В 7-ми песнях. – М.: Современник, 1977. – 223 с.
39. По главной сути. – М.: Современник, 1978. – 574 с.
40. Избранное: Стихи. – М.: Сов. Россия, 1978. – 496 с.
41. Стихи. – М.: Художественная литература, 1978. – 270 с. (Б-ка сов. поэзии).
42. Стихотворения. Поэмы. – Мурманск: Кн. изд-во, 1978. – 192 с.
43. Женидьба Дон-Жуана: Ироническая поэма. В 7-ми песнях. // Роман-газета. № 18 (856). – М.: Художественная литература, 1978.
44. Золотая жила. Поэма. – М.: Современник, 1979. – 86 с. (Б-ка «Российская поэма»).
45. Седьмое небо. Романическая поэма. – Омск: Кн. изд-во, 1981. – 176 с.: ил., портр.
46. Женидьба Дон-Жуана: Ироническая поэма. В 7-ми песнях. – М.: Советская Россия, 1982. – 239 с.: ил., портр.

47. Как цветы на заре... Стихотворение и поэма «Женитьба Дон-Жуана». – М.: Советский писатель, 1982. – 415 с.: портр.
48. Поэмы. – М.: Художественная литература, 1983. – 447 с.: портр.
49. Белая берёза: Стихи и поэмы. – Алма-Ата: Жазуши, 1983. – 172 с. На казахском языке.
50. Второй огонь. Стихотворения, поэма. – Киев: Рад. письменник, 1984. – 189 с.: портр. (Б-ка «Братство»). На украинском языке.
51. Душа ещё полна заботы: Стихотворения, поэмы / Составитель Л. Ф. Фёдорова; вступ. ст. Ю. Л. Прокушев. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1986. – 272 с.
52. Светлый залив. Повесть (май 1952 г.) // Молодая гвардия. 1986. « 6. С. 3-100.
53. Стихотворения / Предисловие Ю. Л. Прокушева. – М.: Детская литература, 1987. – 159 с. – (Поэтическая библиотека школьника. Для старшего возраста).
54. Собрание сочинений: В 5-ти т. / Под ред. Ю. Л. Прокушева. – М.: Современник, 1987-1989.
55. Сны поэта: Стихи, проза. – М.: Советский писатель, 1988. – 272 с.
56. И верою и правдою: Стихотворения, поэмы / Составитель Т. И. Махалова; художник Ю. И. Космынин. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1988. – 223 с.
57. На родине моей выпали снега: Стихотворения, поэмы. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1988. – 264 с.: портр.
58. Человек: Стихотворения и поэмы. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 192 с.
59. Сны поэта / Составитель Т. И. Махалова. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1989. – 165 с.
60. Проданная Венера: Поэма / Оформление В. П. Кравчук. – Миниатюрное издание. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1998. – 55 с.
61. Судьба мне подарила Русь: Стихотворения. Поэмы. Терцины. Новеллы. Статьи / Составитель Т. И. Махалова; послесловие Ю. Л. Прокушев; оформление В. П. Кравчук. – Кемерово: Сибирский писатель, 1998. – 591 с.
62. Собрание сочинений в одном томе / Составители Ю. Л. Прокушев, В. В. Сорокин. – Москва: Современный писатель, 1998. – 500 с.
63. «По главной сути жизнь проста...»: Стихотворения, проза, статьи. очерки, письма, воспоминания. – М.: Московская городская организация Союза писателей России, 2009. – 480 с.

64. Книга Веры / Составитель А. А. Кочетков. – Кемерово: Кемеровский государственный университет культуры и искусств, 2012. – 364 с.
65. Книга Любви / Составитель А. А. Кочетков. – Кемерово: Кемеровский государственный университет культуры и искусств, 2012. – 266 с.
66. Женитьба Дон-Жуана. ...Неоконченная книга Души / Составитель А. А. Кочетков. – Кемерово: Кемеровский государственный университет культуры и искусств, 2012. – 347 с.
67. Чтоб видеть солнце и звезду. – М.: Интересная книга, 2013. – 120 с.
68. Дивись тому, что ты живёшь / Под ред. В. А. Никулиной. Составители В. И. Лаврушкина, Г. И. Карпова; оформление В. П. Кравчук. – Кемерово: КемОНБ им. В. Д. Фёдорова, 2016. – 160 с.: графика.

Книги о творчестве поэта:

1. Денисова, И. В. За красоту времён грядущих: Поэзия В. Фёдорова. – М.: Московский рабочий, 1971. – 136 с.
2. Денисова, И. В. Беззаветно служить красоте: Поэзия В. Фёдорова. – М.: Современник, 1978. – 190 с.
3. Ерёмин, В. А. Василий Фёдоров. – М.: Советская Россия, 1969. – 134 с.
4. Махалов, В. В. Поэт Василий Фёдоров. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1985. – 24 с.
5. Махалова, Т. И. На родине поэта Василия Фёдорова. Кемерово: Сибирский писатель, 1998. 64 с. [опубликовано письмо Зинаиды Фёдоровны Алянчиковой (Фёдоровой) о родословной В. Д. Фёдорова].
6. Пудалова, Л. А. Чувство своего мира: О лирике Василия Фёдорова. – Кемерово: Кн. изд-во, 1979. – 120 с.: портр.
7. Шевелёва, И. М. «Не левее сердца»: Литературный портрет поэта В. Фёдорова. – М., 1990. – 79 с. (Библиотека журнала «Молодая гвардия». № 29 (444)).

Мемуарно-биографическая литература о жизни поэта:

8. Алянчикова, З. Д. Штрихи к родословной // Махалова Т. И. На родине поэта Василия Фёдорова. – Кемерово: Сибирский писатель, 1998. – С. 35-40.
9. Алянчикова, З. Д., Алянчиков, Н. Н. Воспоминания сестры поэта Василия Дмитриевича Фёдорова Зинаиды Дмитриевны Алянчиковой (Фёдоровой) в вольном изложении её сына Алянчикова Николая, с добавлением личных воспоминаний // Огни Кузбасса (Кемерово). – 2018. – № 1 (материал сдан в печать).

10. Алянчиков Николай Николаевич. Хронология жизни Василия Дмитриевича Фёдорова в воспоминаниях, публикациях, письмах, дневниках, автографах. Хабаровск, 6.07.2013 г. (книга не издана).
11. Фёдоров, В. Д. От автора [Автобиография, июнь 1969 год] // Фёдоров В. Д. Стихотворения и поэмы: В 2 тт. Т. 1. – М.: Художественная литература, 1970. – С. 5-12.
12. Фёдоров, В. Д. О себе и близких [Автобиография, 1972] // Фёдоров В. Д. Наше время такое...: О поэзии и поэтах. – М.: Современник, 1973. – С. 13-58. Или: Фёдоров В. Д. Собр. соч.: В 5 тт. Т. 4. – М.: Современник, 1988. – С. 6-45.
13. Воспоминания о поэте Василии Фёдорове / Составление Т. И. Махаловой. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1987. – 288 с., с ил. [Авторы воспоминаний: Юрий Прокушев, Василий Стародумов, Денис Цветков, Лариса Фёдорова, Василий Коркин, Расина Глазкова, Александр Быков, Сергей Воронин, Александр Ливанов, Михаил Шевченко, Виктор Баянов, Пётр Дорофеев, Николай Поддубный, Герман Захаров, Валентин Махалов, Леонид Решетников].
14. Арышева, Т. С. Незабываемые встречи с Василием и Ларисой Фёдоровыми в 1980-1983 годах // Православное краеведение на земле Сибирской: Шестые историко-краеведческие чтения. 28 марта 2017 года. – Кемерово, КемОНБ им. В.Д. Фёдорова.
15. Волков, В. Отдам народу сердце: Рассказ // Москва. – 2002. – № 12. – С. 130-144.
16. Дорофеев, П. М. Высоты, которых отдавать нельзя. Василий Дмитриевич Фёдоров // Дорофеев П. М. Во власти долга: Воспоминания, статьи, очерки, стихи (1995-2005 года). – Кемерово, 2005. – С. 322-329.
17. Егоров, В. Н. Ровесник города // Балибаловские чтения. Вып. 3. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. – С. 136-139.
18. Егоров, В. Н. «Я душу распахну...»: Сборник песен барда Виктора Егорова на стихи поэта Василия Фёдорова. – Кемерово: Ковчежек, 1998. – 96 с.
19. Егоров, В. Н. Ровесник города (К 90-летию со дня рождения поэта Василия Фёдорова) // Огни Кузбасса (Кемерово). – 2008. – № 4. – С. 130-132.
20. Егоров, В. Н. Песенный поэт: Воспоминания к 100-летию со дня рождения поэта Василия Фёдорова // Егоров В. Н. Дорогая Родина моя! Песни на стихи Василия Фёдорова. – Новокузнецк, 2017. – С. 103-124.
21. Кузнецов, И. А. «Просыпалась душа, вся полна соловьями...» (Из литературных воспоминаний) // Сибирские огни (Новосибирск). – 1976. – № 8. – С. 170-186.
22. Лаврушкина, В. И. Фёдоровские места в Кемерово: к 95-летию юбилею города и выдающегося русского поэта-кемеровчанина // Библиотечная жизнь Кузбасса. Вып. 2 (80). – Кемерово, 2013. – С. 45-52.

23. Махалова, Т. И. Жил по совести поэт: о В. Фёдорове // Три имени / сост. и ред. Т. И. Махалова. – Кемерово, 1990. – С. 48-98.
24. Морозова, С. И. Из истории одного исследования, или Дружба длиною в жизнь / С. И. Морозова, А. Ишмулкина // Наше время (п.г.т. Яя). – 2014. – №16 (9394). – 18 апреля. – С. 6.
25. Моряков, П. Ф. Поэт России Василий Фёдоров // Моряков П. Ф. С пером и микрофоном. – Новосибирск, 2008. С. 31-35. То же: Что было – то было. – Новосибирск, 2009. – С. 161-166.
26. Новашов, А. «Первопечатник» из Марьевки // Кемерово. – 2013. – № 8. – 1 марта. – С. 5.
27. Одинцова, Лада. Родство духовное (мемуарно-литературоведческие записки). – Прага: Издательство «ART-IMPULS», 2012. – 110 с. (Благотворительное издание на русском языке).
28. О Литинституте. К 50-летию Литературного института им. А. М. Горького Союза писателей СССР. 1933-1983. – М.: Советский писатель, 1983. – С. 275 [о стих. В. Д. Фёдорова «Другу» в воспоминаниях Виктора Федотова].
29. Одинцова, Лада. Родство духовное: фрагменты мемуарно-литературоведческих записок // Огни Кузбасса. 2016. – № 4. – С. 124-144.
30. Петракевич (Фёдорова), О. И. Воспоминания о семье В. Д. Фёдорова // Огни Кузбасса. – 2016. – № 4. – С. 167-169.
31. Приходько, И. А. Записки учителя. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999.
32. Савина М. В. Василий Фёдоров-читатель // Библиотечная жизнь Кузбасса. Вып. 2 (80). – Кемерово, 2013. – С. 53-55.
33. Светлаков, Ю. Я. Поэта надо издали любить...: Как мы снимали очерк «Я душу распахну – входи!» и о программе «Как слово наше отзовется...». Из цикла «Знай наших!». – Кемерово: ООО «ИНТ», 2017. – 136 с.
34. Смокотина, Л. П. «Кузбасский он и поступью и родом». (Роль семейных материалов в создании экспозиции о поэте земли Кузнецкой Василии Фёдорове) // Балибаловские чтения: материалы седьмой научно-практической конференции, посвящённой 95-летию городского статуса Кемерово, июнь 2013. – Кемерово, 2013. – С. 202-206.
35. Сокольникова, И. А. Экскурсия «Два года из школьной жизни Василия Фёдорова» // Православное краеведение на земле Сибирской: Шестые историко-краеведческие чтения. – Кемерово, КемОНБ им. В. Д. Фёдорова. 28 марта 2017 г.
36. «Я сын твоих полей» (к 90-летию со дня рождения Василия Дмитриевича Фёдорова) / Автор-сост. Г. В. Даунарас. – Кемерово: ГУК «Кемеровская областная научная библиотека им. В. Д. Фёдорова», 2008. – 44 с.

*Статьи о творчестве поэта
(преимущественно кузбасских исследователей XXI века):*

37. Белянкина, Л. А. Василий Дмитриевич Фёдоров. Подарок поэту // Библиотечная жизнь Кузбасса: периодический сб. Материалы Пярых межрегиональных историко-краеведческих чтений «Православно-художественное краеведение на земле Сибирской» (30 марта 2016 года). – Кемерово: Кемеровская областная научная библиотека им. В. Д. Фёдорова, 2017. – Вып. 4 (98). – С. 39-40.
38. Библиотечная жизнь Кузбасса: периодический сб. Специальный выпуск, посвящённый 95-летию В. Д. Фёдорова. – Кемерово: КемОНБ им. В. Д. Фёдорова, 2014. – 158 с. (лучшие работы областного молодёжного конкурса научного и литературно-художественного творчества «Праздник Фёдоровской поэзии – 2013»).
39. Вайзбек, И., Морозова, С. И. Поэтический венок В. Д. Фёдорову // Библиотечная жизнь Кузбасса. Вып. 3 (93). – Кемерово, 2016. С. 18-21.
40. Громова, В. А. «Ищи прекрасное на свете...» (по поэме Василия Фёдорова «Проданная Венера») // Библиотечная жизнь Кузбасса: периодический сб. Материалы Пярых межрегиональных историко-краеведческих чтений «Православно-художественное краеведение на земле Сибирской» (30 марта 2016 года). – Кемерово: Кемеровская областная научная библиотека им. В. Д. Фёдорова, 2017. – Вып. 4 (98). – С. 41-47.
41. Громова, В. А. Межтекстовый диалог и его роль в поэме Василия Фёдорова «Седьмое небо» // Православное краеведение на земле Сибирской Шестые историко-краеведческие чтения. 28 марта 2017 года. – Кемерово, КемОНБ им. В.Д. Фёдорова.
42. Казаркин, А. П. Поэты о земле Кузнецкой // Литературное краеведение в Кузбассе. Учебное пособие. – Кемерово, 1993. – С. 32-41.
43. Карпова, Г. И. Мотив суда в поэме В. Д. Фёдорова «Седьмое небо» // Сюжетология и сюжетография: научный журнал Института филологии СО РАН. – Новосибирск, 2013. – № 2. – С. 65-71.
44. Карпова, Г. И. Василий Фёдоров, певец России и Сибири // Сибирский учитель. – Новосибирск, 2013. – № 6 декабрь. – С. 122-124.
45. Карпова, Г. И. Тема политических репрессий в поэме Василия Фёдорова «Седьмое небо» // Библиотечная жизнь Кузбасса. Вып. 2 (80). – Кемерово, 2013. – С. 66-72.
46. Карпова, Г. И. Александр Твардовский и кузбасские поэты его школы // «Между своими связь жива...». Твардовские чтения: десять лет вместе. – Смоленск: Маджента, 2016. – С. 411-422.
47. Карпова, Г. И. А. Т. Твардовский и кузбасские поэты его школы // Библиотечная жизнь Кузбасса: периодический сб. Материалы Четвёртых межрегиональных историко-краеведческих чтений «Православное краеведение на земле Кузнецкой» (5 ноября 2015 года). – Кемерово:

- Кемеровская областная научная библиотека им. В. Д. Фёдорова, 2016. – Вып. 3 (93). – С. 52-59.
48. Карпова, Г. И. Духовно-нравственные уроки Василия Фёдорова // Духовность в культурно-историческом развитии Сибири: Вторые межрегиональные историко-краеведческие чтения. 7 ноября 2013 года. Секция 2. Литературное краеведение. – Кемерово: КемОНБ им. В. Д. Фёдорова, 2013. Электронный ресурс КемОНБ им. В. Д. Фёдорова «Краеведческие мероприятия»: <http://www.kemrsl.ru/catalog/3158.html>
49. Карпова, Г. И. Идеальный герой в русской поэме XX века: «Анна Снегина» С. А. Есенина, «Василий Тёркин» А. Т. Твардовского, Василий Горин из поэмы «Седьмое небо» В. Д. Фёдорова. Путь к прощению и покаянию // Духовность в культурно-историческом развитии Сибири: Третьи межрегиональные историко-краеведческие чтения. 6 ноября 2014 года. Секция 2. Сибирь поэтическая. – Кемерово: КемОНБ им. В. Д. Фёдорова, 2014. Электронный ресурс КемОНБ им. В. Д. Фёдорова «Краеведческие мероприятия»: <http://www.kemrsl.ru/catalog/4834.html>
50. Карпова, Г. И. Искусству нет границ... Роль искусства в поэме В. Д. Фёдорова «Женитьба Дон-Жуана» // Поэт Василий Фёдоров и изобразительное искусство: областная научно-практическая конференция. Марьевский литературно-мемориальный музей-усадьба поэта В. Д. Фёдорова. 22 марта 2016 года. – [Электронный ресурс].
51. Карпова, Г. И. Поэма Василия Фёдорова «Проданная Венера»: от оценок XX века к новым интерпретациям // Библиотечная жизнь Кузбасса: периодический сб. Материалы Пятых межрегиональных историко-краеведческих чтений «Православно-художественное краеведение на земле Сибирской» (30 марта 2016 года). – Кемерово: Кемеровская областная научная библиотека им. В. Д. Фёдорова, 2017. – Вып. 4 (98). – С. 50-55.
52. Карпова, Г. И. Поэма Василия Фёдорова «Седьмое небо» в оценках критики XX века и читателей XXI века // Православное краеведение на земле Сибирской Шестые историко-краеведческие чтения. 28 марта 2017 года.– Кемерово, КемОНБ им. В.Д. Фёдорова.
53. Корниенко, С. М. Драма любви в лирике В. Фёдорова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – М., 2007. – № 3. – С. 208-214.
54. Кочетков, А. А. О дружбе народных русских поэтов В. Д. Фёдорова и А. Т. Твардовского // «Между своими связь жива...». Твардовские чтения: десять лет вместе. – Смоленск: Маджента, 2016. – С. 479-487.
55. Кочетков, А. А. Очерк «Кузнецкие сталевары» как первооснова металлургической темы в прозе и поэзии В. Д. Фёдорова // Библиотечная жизнь Кузбасса: периодический сб. Материалы Четвёртых межрегиональных историко-краеведческих чтений «Православное краеведение на земле Кузнецкой» (5 ноября 2015 года). – Кемерово:

- Кемеровская областная научная библиотека им. В. Д. Фёдорова, 2016. – Вып. 3 (93). – С. 68-78.
56. Кочетков, А. А. Перо-воображение, рисующее слово в творчестве поэта и прозаика В. Д. Фёдорова // Библиотечная жизнь Кузбасса: периодический сб. Материалы Пярых межрегиональных историко-краеведческих чтений «Православно-художественное краеведение на земле Сибирской» (30 марта 2016 года). – Кемерово: Кемеровская областная научная библиотека им. В. Д. Фёдорова, 2017. – Вып. 4 (98). – С. 62-70.
57. Леонов, Б. А. Окрылённость. Василий Дмитриевич Фёдоров // Московский литератор. – 2008. – № 4, февраль.
58. Морозова, С. И. О некоторых автографах поэта В. Д. Фёдорова // Библиотечная жизнь Кузбасса: периодический сб. Материалы Четвёртых межрегиональных историко-краеведческих чтений «Православное краеведение на земле Кузнецкой» (5 ноября 2015 года). – Кемерово: Кемеровская областная научная библиотека им. В. Д. Фёдорова, 2016. – Вып. 3 (93). – С. 92-97.
59. Морозова, С. И. Изучение жизни и творчества поэта В. Д. Фёдорова: литературное краеведение, анализ текста // Сибирский учитель. Новосибирск, 2013. – № 6 декабрь. – С. 117-121.
60. Морозова, С. И. Религиозные представления Поэта В. Д. Фёдорова // Православие на земле Кузнецкой: Первые историко-краеведческие чтения. 7 ноября 2012 года. Секция 1. Методика преподавания религиоведческих дисциплин. – Кемерово: КемОНБ им. В. Д. Фёдорова, 2012. – Электронный ресурс КемОНБ им. В. Д. Фёдорова «Краеведческие мероприятия»: <http://www.kemrsl.ru/catalog/3153.html>
61. Морозова, С. И. Изучение жизни и творчества поэта В. Д. Фёдорова // Духовность в культурно-историческом развитии Сибири: Вторые межрегиональные историко-краеведческие чтения. 7 ноября 2013 года. Секция 2. Литературное краеведение. – Кемерово: КемОНБ им. В. Д. Фёдорова, 2013. – Электронный ресурс КемОНБ им. В. Д. Фёдорова «Краеведческие мероприятия»: <http://www.kemrsl.ru/catalog/3153.html>
62. Морозова, С. И. Поэт В. Д. Фёдоров в творчестве иркутского поэта и художника Д. М. Цветкова // Духовность в культурно-историческом развитии Сибири: Третьи межрегиональные историко-краеведческие чтения. 6 ноября 2014 года. Секция 2. Сибирь поэтическая. – Кемерово: КемОНБ им. В. Д. Фёдорова, 2014. – Электронный ресурс КемОНБ им. В. Д. Фёдорова «Краеведение. Краеведческие мероприятия»: <http://www.kemrsl.ru/catalog/4834.html>
63. Морозова, С. И. О свидетельствах дружбы поэтов // Православное краеведение на земле Сибирской Шестые историко-краеведческие чтения. 28 марта 2017 года. – Кемерово, КемОНБ им. В. Д. Фёдорова.
64. Полякова, Л. В. Конец героя – возрождение героя («Женитьба Дон-Жуана» Василия Фёдорова) // Русская литература. – 1987. – № 1. – С. 197-211.

65. Полякова, Л. В. Новая жизнь «вечных героев» // Полякова Л. В. Поэзия и современность: «за» и «против». М., 1989. – С. 77-78, 103, 164-167, 213, 274.
66. Полякова, Л. В. «Женитьба Дон-Жуана» Василия Дмитриевича Фёдорова: новая жизнь «вечных героев» // Полякова Л. В. Русская литература: индивидуально-творческий колорит. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. – С. 454-496.
67. Прокушев, Ю. Л. По главной сути // Прокушев Ю. Л. Дума о России: Избранное. – М.: Советская Россия, 1988. – С. 167-191.
68. Пэйт, Е.Е. Пародийно-сатирический аспект поэмы В.Д. Фёдорова «Женитьба Дон-Жуана» // Учёные записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. – Абакан, 2010. – (Филология). – Вып. 23. – С. 94-101.
69. Сорокин, В. В. Суд на Веге [апрель 1984] // Благодарение: Поэт о поэтах. – М.: Современник, 1986. – С. 174-194.
70. Сорокин, В. В. До последнего дня // Сорокин В. В. Крест поэта. – М.: Алгоритм, 2006. – 608 с.
71. Старовойтова, С. Л. Роль диалога, реплики в поэме В. Д. Фёдорова «Проданная Венера» // Библиотечная жизнь Кузбасса: периодический сб. Материалы Пярых межрегиональных историко-краеведческих чтений «Православно-художественное краеведение на земле Сибирской» (30 марта 2016 года). – Кемерово: Кемеровская областная научная библиотека им. В. Д. Фёдорова, 2017. – Вып. 4 (98). – С. 56-61.
72. Старовойтова, С. Л. Система собственных имён в поэме В. Д. Фёдорова «Седьмое небо» // Православное краеведение на земле Сибирской: Шестые межрегиональные историко-краеведческие чтения. 28 марта 2017 года. – Кемерово, КемОНБ им. В.Д. Фёдорова.
73. Чалмаев, В. А., Зинин, С. А. Василий Дмитриевич Фёдоров // Чалмаев В. А., Зинин С. А. Литература. 11 класс: учебник в 2-х частях. Ч. 2. 12-е изд. – М.: «Русское слово – учебник», 2013. – С. 410-412.
74. Штаб, В. А. Изучение цикла В. Д. Фёдорова «Сны поэта» // Духовность в культурно-историческом развитии Сибири: Вторые межрегиональные историко-краеведческие чтения. 7 ноября 2013 года. Секция 2. Литературное краеведение. – Кемерово: КемОНБ им. В. Д. Фёдорова, 2013. – Электронный ресурс КемОНБ им. В.Д. Фёдорова «Краеведческие мероприятия»: <http://www.kemrsl.ru/catalog/3158.html>

Приложение № 1

Сведения об увековечивании поэта В. Д. Фёдорова в Кузбассе и Иркутске

1. 25.08.1984 года Марьевский сельский Совет народных депутатов принял решение о переименовании улицы, где жил В. Д. Фёдоров, в улицу Фёдорова. В 1984 году Марьевской средней общеобразовательной школе было присвоено имя В. Д. Фёдорова (директор Н. М. Герасименко). Седьмого декабря 1984 года в школе села Марьевка Яйского района Кемеровской области был открыт Литературно-мемориальный музей поэта В. Д. Фёдорова. Главным инициатором и организатором музея стал директор Марьевской школы Николай Михайлович Герасименко. Экспонаты для музея летом 1984 года начала собирать Валентина Петровна Шаповалова, учитель русского языка и литературы Марьевской школы и первый директор музея. «Первые экспонаты музею подарила Лариса Фёдоровна Фёдорова. Его племянница Нина Павловна Гудкова передала в музей книги, письма, документы. Совхоз «Улановский» приобрёл для музея два портрета писателя и его жены, выполненных художником Захаровым» (газета «Вперёд к коммунизму» (Яйский район). 1984. 11 декабря. С. 2). Первые три года музей располагался в здании школы, затем в здании Марьевского Дома культуры. Решение № 451 об открытии музея поэта Кемеровский областной Совет народных депутатов утвердил 01.02.1985 года.
2. С 10 августа в г. Кемерово и 11 августа 1985 года в Марьевке проводятся районные, областные и всероссийские праздники «Фёдоровские чтения». Инициатором и главным организатором «Фёдоровских чтений» стал секретарь по идеологическим вопросам областного комитета КПСС Пётр Михайлович Дорофеев. Активное участие в организации и проведении первого всероссийского литературного праздника в Марьевке приняли директор Марьевской школы Н. М. Герасименко и ответственный секретарь Кемеровской областной писательской организации СП РСФСР (с 1983 по 1987 г.), поэт и публицист Геннадий Евлампиевич Юров. Поддержал масштабное проведение поэтического праздника из Москвы поэт и ученик В. Д. Фёдорова Валентин Васильевич Сорокин. На Первые Фёдоровские чтения приехали писатели из Москвы, Новосибирска, Барнаула, Томска, Иркутска, Омска, Тюмени. В 1993 и 1997 гг. в Марьевке на Фёдоровских чтениях побывал Аман Гумирович Тулеев.
3. В Марьевке на Назаркиной горе был установлен и 11 августа 1985 года открыт бюст поэта, выполненный кемеровским скульптором Григорием Трофимовым (в 1992 году он создал ещё ростовую скульптуру из металла высотой 40 см). 11 августа была установлена и открыта мемориальная доска на доме В. Д. Фёдорова. Жена поэта Л. Ф. Фёдорова оформила дарственную на дачный дом поэта на Назаркиной горе для Марьевского литературно-мемориального музея-усадьбы поэта В. Д. Фёдорова.
4. В Иркутске 1 ноября 1985 года была установлена мемориальная доска на здании общежития № 7 Иркутского авиазавода (ул. Авиастроителей, 28).

5. Приказом Министерства культуры РСФСР № 379-п от 10.06.1987 года имя советского поэта В. Д. Фёдорова присвоено Кемеровской областной научной библиотеке (ул. Дзержинского, д. 19), а 24 февраля 1988 года на здании именной библиотеки установлена мемориальная доска, на открытии которой приехали из Москвы жена Л. Ф. Фёдорова, Ю. Л. Прокушев, поэт Игорь Ляпин.
6. С 1980 по 1988 год на Кемеровском телевидении были созданы три фильма о В. Д. Фёдорове. Сценаристом фильмов о поэте стала ведущая телепрограмм «Кузбасс литературный» Тамара Ивановна Махалова: «Здесь отчий дом. О поэте Василии Фёдорове» (1980), «Его стихов высокий свет. К первому празднику поэзии В. Фёдорова» (1985), «Я душу распахну – входи! Штрихи к портрету В. Фёдорова» (1988, режиссёр и оператор Ю. Светлаков).
6. В 1993 году бюст поэта из гранита работы кемеровского скульптора Владимира Нестерова установлен в областной научной библиотеке им. В. Д. Фёдорова.
7. В 1995 году распоряжением администрации Кемеровской области от 05.10.1995 года № 569-р «Об именных наградах в области литературы и искусства» учреждена областная литературная премия им. В. Д. Фёдорова. Литературную премию им. В. Д. Фёдорова (поэзия) получали поэты: Борис Бурмистров (1995), Валентин Махалов (2000), Леонид Гержидович (2002), Сергей Донбай (2005), Иосиф Куралов (2007), Валерий Козлов (2009), Валерий Зубарев (2011), Виктор Коврижных (2013).
8. Прижизненные графические и живописные портреты В. Д. Фёдорова написали профессиональные художники: Ольга Шереметинская (Новосибирск, 1947), Павел Судаков (Москва, 1963), Николай Бурцев (Кемерово, 1973; опубликована в книге В. Ф. Матвеева «Копыто Пегаса: Дружеские шаржи, лит. пародии, шутки». Кемеровское книжное издательство, 1973. - 136 с.). С 1982 по 1986 годы кемеровский художник Герман Захаров создал пять живописных портретов Василия Фёдорова. Посмертные живописные портреты с использованием фотографий Виктора Грызыхина создали Иван Филичев (Кемерово, 1987, находится в фонде Кемеровского областного музея изобразительных искусств), Николай Бурцев (1991, находится в Научной библиотеке КемГУ), Владимир Черепанов (1995-1998).
9. В 1990 году кемеровский скульптор Алексей Хмелевской создал скульптуру «Поэт В. Д. Фёдоров» (Бронза, сталь, литьё, 30x13x14; с 1992 года находится в фонде Кемеровского областного музея изобразительных искусств).
10. С 1994 по 2017 год Заслуженный работник культуры РФ Виктор Егоров создал 43 песни на стихи своего земляка (ноты опубликованы в книге «Дорогая Родина моя!» – Новокузнецк, 2017). Песни на стихи Василия Фёдорова создали профессиональные композиторы (Давид Тухманов, Владимир Пипекин, Михаил Тавриков, Александр Тимошенко, Константин Туев, Олег Зверьков) и барды (Владимир Турапин, Станислав Тимофеев, Вячеслав Кириллов).
11. Музейные коллекции поэта В. Д. Фёдорова находятся в трёх музеях Кузбасса: самая большая коллекция документов, книг, рукописей, вещей хранится в Марьевском литературно-мемориальном музее-усадьбе поэта В. Д.

Фёдорова (собирала коллекцию первый зав. музея Шаповалова Валентина Петровна, большую помощь в создании музея оказали директор Марьевской школы Николай Михайлович Герасименко и Виктор Никифорович Егоров, в то время сотрудник Управления культуры облисполкома); вторая музейная коллекция личных вещей, рукописей находится в фонде Кемеровского областного краеведческого музея (собирала коллекцию бывший главный хранитель КОКМ Смокотина Любовь Пантелеевна); третья музейная коллекция личных вещей, фотографий находится в школьном музее села Улановка (собиратель коллекции зав. школьным музеем Воропаева Раиса Семёновна). В школьном музее ООШ № 1 пгт. Яя хранятся книги с автографами В. Д. Фёдорова. Книги с автографами В.Д. Фёдорова есть в фонде Кемеровской областной научной библиотеки им. В. Д. Фёдорова. Портреты и скульптуры поэта В. Д. Фёдорова находятся в фондах Кемеровского областного музея изобразительного искусства, Кемеровской областной научной библиотеки им. В. Д. Фёдорова, один живописный портрет находится в фонде Научной библиотеки Кемеровского государственного университета.

12. В Государственном архиве Кемеровской области в 2017 году был создан Фонд-коллекция документов о поэте В. Д. Фёдорове (Р-1469).

Приложение № 2

Сведения о мероприятиях к юбилеям В. Д. Фёдорова в г. Кемерово (с 1985 по 2017 гг.)

10 августа 1985 года в Зелёном театре Кемеровского городского сада прошёл концерт, на котором прозвучали стихи в исполнении Василия Фёдорова, а также фольклорные номера и классическая музыка.

август 1985 года на Кемеровской телестудии был показан цветной 30-минутный фильм «Его стихов высокий свет. К первому празднику поэзии В. Фёдорова на родине» (автор и ведущая Тамара Махалова, оператор Сергей Мякишев). Съёмки: Кемерово, Марьевка, 10-12 августа 1985 года.

24 февраля 1988 года в Театре оперетты Кузбасса (ныне Музыкальный театр Кузбасса) состоялся большой праздничный концерт с участием лучших хореографических и вокальных коллективов художественной самодеятельности Кемеровской области. В концерте прозвучали стихи Василия Фёдорова в исполнении Заслуженного артиста России Виктора Мирошниченко.

осень 1988 года на Кемеровской телестудии был показан цветной телефильм «Я душу распахну - входи! Штрихи к портрету В. Фёдорова» (автор и ведущая Тамара Махалова, режиссёр и оператор Юрий Светлаков). В фильме прозвучал романс на стихи В. Фёдорова «До того, как средь множества прочих...» в исполнении московского поэта и барда Владимира Турапина. Съёмки: Марьевка июль, август; Кемерово 6 августа; Москва, Переделкино 11-19 октября 1988 года.

3 января 1996 года в малом зале Кемеровской филармонии состоялся авторский вечер Заслуженного работника культуры России Виктора Никифоровича Егорова, который исполнил свои песни на стихи В. Д. Фёдорова. Вела вечер Галина Сергеевна Скударнова, Заслуженный работник культуры РСФСР, диктор Кемеровского телевидения, зав. кафедрой культуры речи Кемеровского института культуры. Воспоминаниями о встречах с В. Д. Фёдоровым поделился П. М. Дорофеев, бывший секретарь обкома КПСС, которому поэт посвятил стихотворение «Время». При исполнении песни «Была любовь» в сопровождении солирующего на трубе Сергея Григорьева, музыканта симфонического оркестра Кузбасса, студенты хореографического отделения института культуры станцевали танго.

25 февраля 1998 года состоялся вечер в Кемеровской филармонии, где в течение двух часов собравшиеся слушали песни, романсы на слова В. Д. Фёдорова. Свои песни на стихи В. Д. Фёдорова исполнил член Союза композиторов России Владимир Михайлович Пипекин.

лето 2008 года видеостудией Кемеровской областной научной библиотеки им. В. Д. Фёдорова совместно с детско-юношеской культурно-просветительской видеостудией «Кузбасс - Феникс» был снят 15-минутный фильм «На родине моей», посвящённый 90-летию В. Д. Фёдорова. Место съёмки - Кемерово и Марьевка. В фильм включены интервью с руководителем Кемеровской областной писательской организации, поэтом Б. В. Бурмистровым, директором областной библиотеки В. А. Никулиной, бардом В. Н. Егоровым. В фильме прозвучали стихи Василия Фёдорова в авторском исполнении («По главной сути...», «На родине моей выпали снега...»). Песню на стихотворение Василия Фёдорова «Чтоб мир омылся дочиста...» исполнил Виктор Егоров. Создатели фильма использовали съёмки оператора Кемеровской телестудии Сергея Мякишева 1980 года и кадры из фильма Кемеровской студии телевидения 1988 года (режиссёр и оператор Юрий Светлаков). Над фильмом работали: студентка КемГУКИ Анна Алексеева и сотрудники областной научной библиотеки Лариса и Виктор Вальковы, Константин Лоскутов.

С 1998 по 2017 год Виктор Никифорович Егоров, известный кемеровский бард, композитор и исполнитель песен на стихи В. Д. Фёдорова, за 20 лет, с 1998 по 2017 год записал более двадцати звуковых компактных дисков со своими песнями на стихи В. Д. Фёдорова: «Весна», «Озеро Кайдор», «По главной сути», «Тост за любовь» (все 1998); «Мировая непогода» (1999); «Говорят, что красоты не стало», «Белый сад», «С тобой Россия» (все 2003); «Песни любви» (2010), «Пророк» (2010); «Русские поэты» (2012), «Тост за любовь!» (2012), «Мой край - Кузнецкая земля!» (2012); «На Родине моей!» (2013); «Дорогая Родина моя!» (2017). Уникальным диском В. Н. Егорова является:

«Говорят, что красоты не стало...»: Литературно-музыкальная композиция Виктора Егорова на стихи Василия Дмитриевича Федорова [Электронный ресурс] /Аранжировка Алексей Лунин-Царёв и Константин Ушаков; Запись Валерий Черкесов; исполнитель Виктор Никифорович Егоров; Текст читает Василий Дмитриевич Федоров. - Кемерово: без издательства, 2003.

29 ноября 2012 года в Звёздном зале Кемеровского государственного университета прошёл Молодёжный литературно-художественный конкурс «Любимые строки из поэзии Василия Дмитриевича Фёдорова». Организаторы: Карпова Галина Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века КемГУ; Стеванович Светлана Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и славяно-русского языкознания КемГУ, зам. декана по воспитательной работе факультета филологии и журналистики КемГУ; Вейс Ольга Юрьевна, старший преподаватель кафедры английской филологии № 2 КемГУ. В конкурсе чтецов и художественного перевода приняли участие 24 студента факультета филологии и журналистики и факультета романо-германской филологии КемГУ, а также студент-стажёр из Бельгии Pierre-Francois Hubert, Institut Libre Marie Naps. Пьер-Франсуа Убер, студент 3 курса Свободного Института Мари Хапс (Бельгия, Брюссель), который представил свой перевод на французский язык стихотворения Василия Фёдорова «Второй огонь». Экспертами выступили доценты кафедры французской филологии, кандидаты филологических наук Любовь Фёдоровна Серова и Раиса Фёдоровна Андреева. Экспертами по переводам на английский язык стали: David Leslie Urion, Дэвид Лесли Юрайон, английский поэт, член Ассоциации писателей Англии; Лушникова Галина Игоревна, доктор филологических наук, зав. кафедрой английской филологии № 2 КемГУ. Эксперт в переводах на сербский язык – Стеванович Светлана Васильевна. Со «Словом о Мастере» выступил член Союза писателей России (с 1986 г.), поэт Владимир Васильевич Иванов. Вне конкурсной программы стихотворение Василия Фёдорова «Красивым» в переводе на лезгинский язык прочла Рагимова Фарида Сиражатдиновна, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века КемГУ. Перевод выполнен ей совместно с мужем Зейдой Рагимовым, выпускником Владимирского авиатехникума.

13 марта 2013 года стартовал Областной молодёжный конкурс научного и литературно-художественный творчества «Праздник Фёдоровской поэзии». Инициатором проведения конкурса выступила Г. И. Карпова, доцент КемГУ, кандидат филологических наук. В оргкомитет конкурса вошли следующие учреждения и организации: КемОНБ им. В. Д. Фёдорова (В. А. Никулина, В. Н. Козленко, В. И. Лаврушкина), «Союз писателей Кузбасса» (Б. В. Бурмистров), преподаватели КемГУ (Г. И. Карпова, И. В. Ащеулова, Л. А. Ходанен) и КемГУКИ (В. В. Чепурина, Л. Я. Поморцева).

20 февраля 2013 года в Большом концертном зале Кемеровской областной научной библиотеки имени В. Д. Фёдорова прошёл городской юбилейный вечер, посвящённый празднованию 95-летия со дня рождения Василия Дмитриевича Фёдорова с участием бывшего руководителя Департамента культуры Кемеровской области В. И. Бедина, поэтов-лауреатов литературной премии им. В. Д. Фёдорова Б. В. Бурмистрова, С. Л. Донбая, книгоиздателя и друга семьи Фёдоровых Т. И. Махаловой, барда В. Н. Егорова, профессоров КемГУ Г. И. Лушниковой, Л. А. Ходанен, доцента КемГУ Г. И. Карповой, студентов КемГУ, победителей университетского конкурса чтецов и переводов

стихов Василия Фёдорова. Стихотворения В. Д. Фёдорова прозвучали на сербском, английском, русском языках. Свой перевод стихотворения «Красивым» на лезгинский язык представила доцент КемГУ Ф. С. Рагимова. Состоялась презентация фильма «Фёдоровские места в городе Кемерово» (В. И. Лаврушкина) и открытие двух выставок «Василий Фёдоров в фотографиях», «Мир Василия Фёдорова. Комплексная выставка книг и экспонатов из фондов ОНБ им. В. Д. Фёдорова, Кемеровского областного краеведческого музея и литературно-мемориального музея В. Д. Фёдорова (Марьевка)». На вечере присутствовала родная племянница Василия Фёдорова Ольга Ивановна Петракевич (г. Новосибирск).

23 мая 2013 года в Большом зале Кемеровской областной научной библиотеки им. В. Д. Фёдорова прошёл литературный праздник Фёдоровской поэзии в рамках проекта «Год Василия Фёдорова в Кузбассе», посвящённый Дню славянской письменности и культуры. В концертной программе выступил В. Н. Егоров, студентка отделения журналистики КемГУ Мария Салмина исполнила под гитару свою песню на стихи В. Фёдорова «Белая роза». Свой перевод стихотворения В. Фёдорова «По главной сути» представили студенты КемГУ: на сербском языке Татьяна Анисимова, на китайском языке китайские студенты Тан Ин и Чжао Чжун гай. В концерте приняли участие: ансамбль народной песни «Русские узоры», танцевальный ансамбль «Школьные годы» (детская школа искусств № 19 г. Кемерово), танец в восточном стиле «Латиора» исполнила студентка КемГУ Яна Пичугина.

7 ноября 2013 года в Большом зале Кемеровской областной научной библиотеки им. В. Д. Фёдорова были подведены итоги Первого областного молодёжного конкурса научного и литературно-художественного творчества «Праздник Фёдоровской поэзии», посвящённого 95-летию со дня рождения В. Д. Фёдорова. В конкурсе приняли участие школьники и студенты колледжей, техникумов, вузов Кузбасса от 14 до 25 лет (109 человек). Конкурс проходил по четырём номинациям: «Наследники В. Д. Фёдорова: конкурс молодёжного литературного творчества (эссе)»; «Мир Фёдоровского образа: конкурс художественно-изобразительного творчества»; «Творчество В. Д. Фёдорова глазами молодых исследователей»; Конкурс чтецов по двум возрастным группам. Итоги конкурса были опубликованы в 2014 году в периодическом сборнике «Библиотечная жизнь Кузбасса». Специальный выпуск. (Кемерово, 2014. 158 с.).

2014 год в КемОНБ им. В. Д. Фёдорова по инициативе её директора, Заслуженного работника культуры РФ Веры Александровны Никулиной был создан электронный энциклопедический ресурс «Литературная карта Кузбасса» с именной Фёдоровской страницей (модератор В. И. Лаврушкина).

6 мая 2015 года в Звёздном зале Кемеровского государственного университета прошёл Молодёжный литературно-художественный конкурс «И верю, и правдою служу тебе я, Русь. Любимые строки из поэзии Василия Дмитриевича Фёдорова». Организаторы: Карпова Галина Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы ХХ

века КемГУ; Стеванович Светлана Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и славяно-русского языкознания КемГУ, зам. декана по воспитательной работе факультета филологии и журналистики КемГУ; Ступина Тамара Анатольевна, представитель «Российской газеты» в Кемеровской области и Потапова Юлия Геннадьевна, корреспондент «Российской газеты» по Кемеровской области. В конкурсе чтецов и художественного перевода приняли участие 30 студента факультета филологии и журналистики и факультета романо-германской филологии КемГУ, а также студент-стажёр из Китая Ли Ао, студент 1 курса Китайского университета коммуникаций (г. Пекин), который представил свой перевод на китайский язык стихотворения Василия Фёдорова «Любовь мне - как блистание...». Кроме переводов на английский, французский, сербский языки, были представлены переводы стихотворений Василия Фёдорова на чешский («Zivot je prosty» Блохина Анна, Лебедева Анастасия. «Pokoleni» Кузнецова Анастасия, Бродецкая Ульяна. Научный консультант – доцент Евгений Владимирович Евпак), казахский (Аракелов Роберт), таджикский (Кенжаев Шохрух) языки. Студентка 5 курса отделения журналистики КемГУ исполнила под гитару свою песню на стихотворение Василия Фёдорова «Белая роза». Итоги конкурса были поведены **17 мая 2015 года** в селе Марьевка Яйского района Кемеровской области – на родине поэта Василия Дмитриевича Федорова. Конкурсанты приняли участие в концертной программе на сцене Марьевского Дома культуры. Впервые в Марьевке побывал житель Китая Ли Ао. Материал Юлии Потаповой «Стихи из Марьевки. «РГ» наградила победителей молодёжного конкурса, посвящённого творчеству поэта Василия Фёдорова» был опубликован в «Российской газете» за **28 мая 2015 года** (№ 114).

28 мая 2015 года – в Звёздном зале КемГУ состоялась он-лайн лекция «Классики кузбасской поэзии: Василий Фёдоров, Игорь Киселёв». Выступили: учитель русского языка и литературы МБОУ «Гимназия № 25» г. Кемерово Светлана Леонтьевна Старовойтова; кандидат филологических наук, доцент Галина Ивановна Карпова; модератор страницы Василия Фёдорова на сайте «Стихи.ру», сопредседатель комиссии по литературному наследию поэта В. Д. Фёдорова Александр Анатольевич Кочетков (г. Нижний Новгород).

22 марта 2016 года – КемОНБ им. В. Д. Фёдорова совместно с ЦБС Яйского муниципального района провели Областную научно-практическую конференцию «Поэт Василий Фёдоров и изобразительное искусство» в Марьевской модельной библиотеке. Выступили гости из Кемерово: член Союза художников России, доцент Кемеровского государственного института культуры Людмила Владимировна Оленич; Заслуженный работник культуры РФ Виктор Никифорович Егоров; кандидат филологических наук Галина Ивановна Карпова; друг семьи В. Д. и Л. Ф. Фёдоровых Тамара Ивановна Махалова; учитель русского языка и литературы Яйской ООШ № 1 Светлана Ивановна Морозова. Ученики из пгт. Яи и Марьевки прочитали стихотворения В. Д. Фёдорова о художниках.

30 марта 2016 года по инициативе Г. И. Карповой в КемОНБ им. В. Д. Фёдорова состоялся Круглый стол «Поэма В. Д. Фёдорова «Проданная Венера»: актуальность проблематики. К 60-летию написания поэмы» в рамках Пятых межрегиональных историко-краеведческих чтений «Православно-художественной краеведение на земле Сибирской». Одновременно состоялось подведение итогов Всероссийской дистанционной заочной литературной викторины по поэме Василия Фёдорова «Проданная Венера» в рамках проекта «Навстречу 100-летию юбилею В. Д. Фёдорова». Составление вопросов викторины (Г. И. Карпова), члены жюри: Г. И. Карпова, кандидат филологических наук, председатель; Е. Е. Кухта, методист «Научно-методического центра» г. Кемерово; В. И. Лаврушкина, гл. библиотекарь КемОНБ им. В. Д. Фёдорова.

19 апреля 2016 года по инициативе Г. И. Карповой в КемОНБ им. В. Д. Фёдорова подготовлен и проведён вечер «Поэт Василий Фёдоров и художники». На мероприятии выступили исследователь творчества В. Д. Фёдорова А. А. Кочетков; учитель русского языка и литературы С. И. Морозова (пгт. Яя); Заслуженный работник культуры России, бард В. Н. Егоров; доцент КемГУКИ, член Союза художников России Л. В. Оленич. Была представлена инсценировка новеллы «Человек из портрета», в которой принял участие известный кузбасский журналист, бывший ответственный секретарь газеты «Кузбасс» Юрий Васильевич Дьяконов.

июнь 2016 года в Кемеровской областной научной библиотеке им. В. Д. Фёдорова, по инициативе её директора, Заслуженного работника культуры РФ, Веры Александровны Никулиной, был разработан проект «Литературный туризм Кемеровской области» (руководитель В. И. Лаврушкина), начались регулярные, однодневные автобусные экскурсионные туры «В Марьевку, на встречу с Василием Фёдоровым» (в летний и осенний период). В программе экскурсионного маршрута: посещение литературного музея В. Д. Фёдорова при Марьевском Доме культуры; посещение музея-усадьбы В. Д. Фёдорова на Назаркиной горе; пешая экскурсия по любимым Марьевским местам поэта: озеро Кайдор, родник Поэта, воспетые им в стихотворениях «Озеро Кайдор», «Кузьмиха», «У родника», «Звенит... звенит...звенит...», «Родник струился во всю прыть...». После деревенского обеда из трёх блюд в Марьевской школе им. В. Д. Фёдорова литературные туристы едут в деревню Арышево на берег реки Яя (воспета в поэмах «Седьмое небо», «Женитьба Дон-Жуана») и принимают участие в театрализованном представлении у родника Любви (Арышево). Литературные туристы могут приобрести сувенирную продукцию, мёд, попробовать травяной чай и др.

июль 2016 года в КемОНБ им. В. Д. Фёдорова по инициативе директора именной библиотеки, Заслуженного работника культуры РФ Веры Александровны Никулиной для литературных туров в Марьевку была подготовлена и издана книга: Дивись тому, что ты живёшь / Под ред. В. А. Никулиной. Составители В. И. Лаврушкина, Г. И. Карпова; оформление В. П. Кравчук. – Кемерово: КемОНБ им. В. Д. Фёдорова, 2016. – 160 с.: графика.

28 марта 2017 года по инициативе Г. И. Карповой в КемОНБ им. В. Д. Фёдорова состоялся Круглый стол «Творчество В. Д. Фёдорова: актуальность или забвение» в рамках Шестых межрегиональных историко-краеведческих чтений «Православное краеведение на земле Сибирской». Одновременно состоялось подведение итогов Всероссийской дистанционной заочной литературной викторины по поэме Василия Фёдорова «Седьмое небо» в рамках проекта «Навстречу 100-летию юбилею В. Д. Фёдорова». Составление вопросов викторины (Г. И. Карпова), члены жюри: Г. И. Карпова, кандидат филологических наук, председатель; Кривошеева И. В., учитель высшей категории МБОУ «СОШ № 28» г. Кемерово; Левченко Н. И., директор Городского Центра истории Новосибирской книги, г. Новосибирск.

19 апреля 2017 года в Кемеровской областной научной библиотеке им. В. Д. Фёдорова прошёл День памяти поэта Василия Фёдорова. Состоялось награждение участников и победителей Всероссийской дистанционной заочной викторины, посвящённой 50-летию создания поэмы В. Д. Фёдорова «Седьмое небо» в рамках проекта «Навстречу 100-летию юбилею В. Д. Фёдорова» (В. Н. Козленко, В. И. Лаврушкина). Победители получили в подарок по книге стихов В. Д. Фёдорова, а участники викторины по диску с песнями В. Н. Егорова на стихи Василия Фёдорова. С концертной программой «Дорогая Родина моя!» (песни на стихи В. Д. Фёдорова) выступил Виктор Никифорович Егоров, Заслуженный работник культуры России. Состоялось представление книги В. Н. Егорова «Дорогая Родина моя! Песни на стихи Василия Фёдорова. Воспоминания» (Новокузнецк, 2017. – 128 с.). Выступили: поэт Б. В. Бурмистров, кандидат филологических наук Г. И. Карпова, модератор страницы поэта Василия Фёдорова на сайте «Стихи.ру» А. А. Кочетков (пгт. Яя / Нижний Новгород), руководитель детской литературной студии «Ижморские искорки» М. Н. Шеховцов (пгт. Ижморский). С ответным словом выступили участники литературной викторины, студенты и школьники из г. Тайги (Андрей Кошкин), Кемерово (Арина Потапова, Карина Таюрская, Никита Фёдоров), пгт. Яя (Егор Евсюков) и др.

с 2013 по 2017 гг. по инициативе директора КемОНБ им. В. Д. Фёдорова В. А. Никулиной пять периодических сборников «Библиотечная жизнь Кузбасса» были посвящены материалам, связанным с изучением жизни и творчества Василия Дмитриевича Фёдорова: БЖК 2(80) 2013 г.; БЖК Специальный выпуск 2014 г.; БЖК 3(93) 2016 г.; БЖК 4(94) 2016 г.; БЖК 4(98) 2017 г.

Приложение № 3

Василий Фёдоров и музыка

I. Любимые песни в семье поэта В. Д. Фёдорова (1918-1984)

Из воспоминаний 1985 года сестры поэта Зинаиды Дмитриевны Алянчиковой (Фёдоровой): Мама, Ульяна Наумовна Фёдорова, «любили петь. У мамы был красивый голос. Дядя Василий [брат Ульяны Наумовны Василий Наумович Кириллов – примеч. сост.] рассказывал, что когда они были молодые и пели в кампании, то все бывало уже бросят петь, а мама всё тянет. Когда мы подросли, то пели в четыре голоса, нас три сестры: я, Таня, Тоня и мама. В Марьевке говорили: «Что это Лёхины поют – живут бедно, а поют много?». Нашими любимыми песнями были: **«Скакал казак через долину», «По серебряным волнам», «По Дону гуляет казак молодой», «Не вейтесь чайки над морем», «Густой неведомой тайгою»** и много других».

Из воспоминаний 1989 года родной сестры поэта Зинаиды Алянчиковой о брате Петре Дмитриевиче Фёдорове: «Петя любил петь песни, особенно украинские, как например, **«Во субботу день ненастный»**, русские **«По диким степям Забайкалья»** и много других».

Из письма Ларисы Фёдоровой, жены В. Д. Фёдорова, Раисе Семёновне Воропаевой, зав. Улановским школьным музеем, от 23 декабря 1987 года:

«... Прежде всего – о песнях. В доме Фёдоровых, когда они жили в Марьевке, песня была той золотой искоркой, которая освещает углы бедности и недостатков. Главная заводила, конечно, мать – Ульяна Наумовна. Вам бы надо иметь её портрет, он в Марьевке (музее) есть. Больше из семьи таким голосом, вспоминал Вася, никто не владел... Дети пошли в отца. А он не был поющим... **Любимая песня Василия Дмитриевича – «По Дону гуляет...»**. Тут он всегда и сам подпевал. Он не только пел её – он представлял, «проигрывал» в себе всю эту картину – сначала, как цыганка гадала, а потом как венчаться поехали и как мост обрушился. Но я уговорила его не переживать этот момент, а заканчивать песню на таких хороших строчках, как:

Поедешь венчаться –
Я выстрою мост,
Широкий и длинный
На тысячу вёрст.

Он при этих легендарных строчках снисходительно улыбался, но они ему нравились и мы иногда вдвоём пели с ним эту песню, и когда доходили до «тысячи вёрст» – то чуть не плакали от смелости народного фольклора».

II. Песни и романсы на стихи Василия Дмитриевича Фёдорова

В книге Тамары Ивановны Махаловой «На Родине поэта Василия Фёдорова» (Кемерово, 1998): «Потом уже, после смерти Василия Дмитриевича, Лариса Фёдоровна передала мне симфоническое произведение московского композитора Усачёва на слова поэмы «Бетховен» (партитуру «Бетховена» я передала дирижёру Кемеровского симфонического оркестра Барсову). Узнала

я, что ленинградский композитор Евгений Васильевич Большев на слова Фёдорова написал цикл романсов «Семь лучших лет». А в 1982 году Мурманская радиостанция в исполнении Вл. Стратьева (баритон) и Ал. Кондратьева (фортепиано) записала три романса М. Таврикова на слова Фёдорова».

1. Тухманов Давид. Игра в любовь. 1982 г. Вошла в авторский диск «НЛО».

2. Егоров Виктор Никифорович, Заслуженный работник культуры РФ (1999), автор 43 песен на стихи В.Д. Фёдорова:

Егоров В. Н. «Я душу распахну...»: Сборник 38 песен с нотами барда Виктора Егорова на стихи поэта Василия Фёдорова. - Кемерово: Ковчежек, 1998. - 96 с.

Егоров В. Н. Дорогая Родина моя! Сборник 43 песен с нотами на стихи Василия Фёдорова. - Новокузнецк, 2017. Контакты: с. т. 8-904-994-32-19; эл. почта: evn@list.ru

3. Туев Константин Викторович. Контата «Второй огонь» для смешанного хора и оркестра на стихи Василия Фёдорова.

4. Пипекин Владимир Михайлович, автор песен на стихи Василия Фёдорова. Контакты: с. т. 8-913-288-82-71; эл. почта: pipekin@list.ru

5. Тавриков Михаил Петрович, композитор, педагог.

Два романса на стихи Василия Фёдорова «Осень», «Песня» // Романсы и песни советских композиторов. Для голоса в сопровождении фортепиано. М.: Музыка, 1986. - 63 с.

Родился в городе Путивле в 1943 году. Окончил Калининское музыкально-педагогическое училище и Ленинградскую государственную консерваторию. С 1969 года жил в Мурманске, возглавлял Мурманское музыкальное училище и управление культуры Мурманской области. Более 9 лет руководил городским симфоническим оркестром. В 2000-х переехал в Протвино, где работал преподавателем в ДМШ, в 2005 был приглашён в качестве дирижёра в Серпуховский музыкально-драматический театр. Ноты трёх романсов находятся в Марьевском музее.

6. Турапин Владимир (Москва, Пятигорск), автор песни на стихи Василия Фёдорова «До того, как сред множества прочих...». (Видеосюжет с исполнением в Кемерово, 1988 г.)

7. Тимофеев Станислав (г. Волгоград), автор песен на стихи Василия Фёдорова: «С тобой, Россия!», «На Родине моей», «Прощай, село!», «Озеро Кайдор», «Мировая непогода», «Время», «Ученическая пора», «Игра в любовь», «Метелица», «Я душу распахну».

8. Тимошенко Александр Афанасьевич (г. Воронеж). «Душа родная, что с тобой», «Пока горит моя заря» - вокальный цикл для баритона и фортепиано на стихи В. Фёдорова. 1991. Рукопись.

По вопросам приобретения нот или рукописей обращаться по адресу г. Лобня, Московская обл. Тимошенко Елена Александровна.

Электронная почта - DYUDIN1@RAMBLER.RU; тел 8-926-246-83-09

или г. Воронеж, Тимошенко Надежда Васильевна 8-950-770-54-93.

timoshenkolidiya@mail.ru (контакты на Сайте памяти А. Тимошенко)

Александр Афанасьевич Тимошенко (1942-1999) – педагог, композитор. Заслуженный деятель искусств России, член Союза композиторов, профессор кафедры народных инструментов Воронежской государственной академии искусств. Александр Афанасьевич Тимошенко родился 23 февраля 1942 года в Комсомольске на Амуре Хабаровского края, умер 24 мая 1999 года в Воронеже. Композитор, профессор, педагог, дирижёр, лауреат Всероссийских конкурсов исполнителей, Заслуженный деятель искусств России (1995), член Союза композиторов СССР (1986). Детские годы А. Тимошенко провёл в г. Комсомольске-на-Амуре, где получил начальное образование. В 1963 году окончил Хабаровское музыкальное училище (кл. баяна Ю. И. Трофимова), в 1971 - ГМПИ им. Гнесиных (класс баяна В. П. Кузовлева, класс дирижирования А. Б. Позднякова, по композиции факультативно занимался у Ю. Н. Шишакова). Александр Тимошенко – лауреат I конкурса среди студентов музыкальных училищ Сибири и Дальнего Востока (Новосибирск, 1963, 2-е место). В студенческие годы А. Тимошенко сочинил сюиту для оркестра русских народных инструментов «Герои русских сказок», которая заинтересовала Владимира Федосеева и была исполнена оркестром Центрального телевидения и Всесоюзного радио. В 1968-1970 гг. А. Тимошенко работал в I МОМУ (Коломна) преподавателем по классу баяна. С 1970 года А. Тимошенко занимал должности руководитель оркестра народных инструментов, преподаватель по классу баяна и дирижирования в Днепродзержинском музыкальном училище (Украина). С 1973 года А. Тимошенко преподавал в Воронежском государственном институте искусств, а с 1992 года уже в должности профессора.

9. Кириллов Вячеслав Юрьевич (5.02.1974 г. р. урож. г. Прокопьевска, живёт в Яшкино, преподаватель музыки), автор двух песен на стихи В.Д. Фёдорова: **Пророчество, Листопад**. Контакты: 8-950-273-22-73

10. В Марьевском литературно-мемориальном музее находятся ноты композиторов М. Большева («Семь лучших лет...») и Ю. Шиганского («В наше счастье веры больше нету...»).

Приложение № 4

Поэт Василий Дмитриевич Фёдоров и художники:

1.1. Мемуарно-биографические сведения об увлечениях В. Фёдорова живописью, любимые художники (Крамской, Левитан, Репин, Нестеров, Врубель, Фёдоров, Рафаэль, Рубенс, Тициан, Рембрандт, Леонардо да Винчи, Мурильо, Кнаус, Хальс, Тернер, Пикассо и др.), дружба поэта с художниками. См. книгу: Фёдоров В. Д. Наше время такое... М.: Современник, 1973. То же: Фёдоров В. Д. Собр. соч. В 5 т. Т. 4. М.: Современник, 1988.

1.2. Живописное и монументальное искусство в произведениях В. Фёдорова.

Образы художников, скульпторов и их творений

в лирике: «Если б Богом я был...», «Скульптор», «Художник», «Неизвестная», «Профиль», «Портрет», «Любил, как сон, прелестную...», «Душа томилась по живой природе...»;

в поэмах: «Проданная Венера» («Венера» Тициана), «Седьмое небо» (гл. «Москва, Москва...»: Третьяковская галерея, художники Крамской, Нестеров, Врубель),

«Женитьба Дон-Жуана» («Ночной дозор» Рембрандта);

в прозе (книга «Сны поэта»): новелла «Человек из портрета»; новелла «Мои метаморфозы» (рисовал Ньютона и Пушкина); новелла «Два видения и один сон» (картина Нестерова «Видение отроку Варфоломею»); новелла «Цыганская мадонна» (о картине «Мадонна» Мурильо, «Цыганка» Франца Хальса, «Цыганка» Людвиг Кнауса, «Мадонна Литта» Леонардо да Винчи);

в критике, в статьях:

«По Стасову или по Солоухину» (о картинах Г. Фёдорова «Свежий кавалер» и «Сватовство майора»);

«Ложный мёд» (о картинах Левитана «Осень» и Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану»);

«Эталон качества» (о статуе Венеры Милосской),

«Время и стиль» (о памятниках Пушкину, Маяковскому, Лермонтову в Москве);

«Бойтесь утонченности» (о картинах Тернера в галереях Лондона, о картине Пикассо «Студентка, читающая газету»);

«От ошибки к поэме» (о скульптурном портрете Бетховена в Карловых Варах);

«Рождение имени» (о картине «Мадонна Литта» Леонардо да Винчи).

1.3. Образ В.Д. Фёдорова в изобразительном искусстве Кузбасса и России (живопись, графика, скульптура): портреты О. А. Шереметинской, П. Ф. Судакова, И. И. Филичева, Н. Г. Бурцева, Г. П. Захарова, В. Ф. Черепанова, Н. И. Парщикова; скульптуры Г. С. Трофимова, В. Ф. Нестерова, А. А. Бичукова, А. П. Хмелевского.

Музейщики: Савина Марина Владимировна, зав. Марьевским литературно-мемориальным музеем-усадьбой поэта В. Д. Фёдорова «Рисунки В. Д. Фёдорова в фондах Марьевского литературного музея» («Голова коня» и др.)

Искусствоведы, культурологи, журналисты: Л. В. Оленич (КемГИК), З. Н. Естамонова (тележурналист, автор книг о художниках Кузбасса).

Художники, скульпторы, фотохудожники: Н. Г. Бурцев, И. И. Филичев, В. П. Кравчук, В. Н. Грызыхин (умер 6 декабря 2016 года).

Барды: Песня «От Рафаэля к Рубенсу» на стихи В. Д. Фёдорова «Любил, как сон, прелестную...». Автор-исполнитель Виктор Никифорович Егоров, Заслуженный работник культуры России, автор сорока песен на стихи В. Д. Фёдорова. Буклет творчество В. Н. Егорова и Н. М. Шемарова (для выставки).

Рассказ В. Н. Егорова о скульптуре Фёдорова работы Г. Т. Нестерова.

Песня «Мировая непогода» В.Н. Егорова к представлению картины Г. П. Захарова 1986 года «Поэт Василий Фёдоров и лебеди».

Чтецы: Инсценировка новеллы «Человек из портрета» об истории первого портрета В.Д. Фёдорова и чтение стихов и отрывков из поэм В. Д. Фёдорова

Исследователи: Г. И. Карпова, Т. И. Махалова, А. А. Кочетков, В. И. Лаврушкина, С. И. Морозова, В. А. Штаб.

Карпова Галина Ивановна. Искусству нет границ... Роль искусства в поэме В.Д. Фёдорова «Женитьба Дон-Жуана».

Морозова Светлана Ивановна, учитель русского языка и литературы Яйской ООШ № 1. История дружбы поэта В.Д. Фёдорова и иркутского журналиста, художника, поэта Дениса Михайловича Цветкова.

Выставки

1. «Любимые художники поэта Василия Фёдорова».
2. «Образ поэта Василия Фёдорова в живописи, графике, скульптуре». Экскурсия по выставке.
3. Выставка натюрмортов О. И. Петракевич (Новосибирск, архитектор, родная племянница В. Д. Фёдорова, дочь старшего брата поэта Ивана Дмитриевича Фёдорова).
4. Выставка «Пять шедевров фотохудожника Виктора Грызыхина». Фотографии Фёдорова, которые Т. И. Махалова дала Захарову, Филичеву и Бурцеву перед созданием портретов.

Издания

1. Каталог-буклет «Образ поэта Василия Фёдорова в живописи, графике, скульптуре».

«Образ поэта Василия Фёдорова в живописи, графике, скульптуре»

1947 г. – портрет «Молодой поэт В.Д. Фёдоров» работы новосибирского живописца Ольги Ананьевны Шереметинской (1908-1953): член Союза художников СССР с 1933 года. Портрет находится в Москве на Кутузовском проспекте у внука поэта Фёдора Игоревича Фёдорова. Создание портрета описано в новелле В. Д. Фёдорова «Человек из портрета» (книга «Сны поэта»).

В Новосибирске живут дочь Наталья Вивиановна Шереметинская (1930 г. р.) и внучка художницы Ольга.

1963 г. – графический портрет «В. Фёдоров» работы Павла Фёдоровича Судакова (1914-2010): член Союза художников СССР с 1947 года, Народный художник РСФСР (1982), лауреат Государственной премии РСФСР им. И.Е. Репина (1984), автор портретов советских писателей М. Шолохова, Л. Леонова, П. Проскурина и др. Упоминается в новелле В.Д. Фёдорова «Человек из портрета» (книга «Сны поэта»). На портрете надпись: «Дорогому Василию Дмитриевичу в память нашей хорошей дружбы от автора П. Судакова 23 сент. 1963». Портрет находится в Москве на Кутузовском проспекте у внука поэта Фёдора Игоревича Фёдорова. Опубликован на обложке книги стихов В.Д. Фёдорова «Чтоб видеть солнце и звезду» (М, 2013).

1963 г. – портрет «В. Фёдоров» (холст, масло) работы Павла Фёдоровича Судакова (1914-2010). Находится в Москве. Публиковался в книге В. Д. Фёдорова «Третьи петухи. Седьмое небо». – М.; Советская Россия, 1970. – 350 с.: портр.

1972 г. – рисунок Н. Г. Бурцева «Звёздные братья. А. Леонов и В. Фёдоров» в книге В. Матвеева «Копыто Пегаса» (Кемерово, 1973).

1980 г. – графический портрет В. Д. Фёдорова (холст, сухая кисть) к творческому вечеру в Кемеровской филармонии работы кемеровского художника Ивана Ивановича Филичева (р. 8.03.1937 года). Член Союза художников России с 1972 года, Заслуженный художник РФ (2005).

1980 г., 19 августа – портрет В. Д. Фёдорова (резьба по дереву) с надписью «Земляку от земляков. Иван Шмонин. пос. Яя». Находится в доме-усадьбе на Назаркиной горе. Фонд Марьевского литературно-мемориального музея В. Д. Фёдорова.

1982 г. – портрет «Поэт Василий Фёдоров. У сломанного дерева» работы кемеровского художника Германа Порфирьевича Захарова (1933-1992). Фонд Марьевского литературно-мемориального музея В.Д. Фёдорова.

1982 г. – портрет «Поэт Василий Фёдоров и красный конь» работы Г.П. Захарова (хранится в Москве в семье Фёдоровых).

1984 г. – портрет «Поэт Василий Фёдоров. Буревестник» работы Г. П. Захарова. Фонд Марьевского литературно-мемориального музея В. Д. Фёдорова.

1985 г. – портрет «Поэт Василий Фёдоров. Небесный» работы Г. П. Захарова. Фонд Марьевского литературно-мемориального музея В.Д. Фёдорова.

1985 г., 19 апреля – персональная мемориальная доска с барельефным портретным изображением с надписью «В этом доме с 1964 по 1984 год жил и работал великий русский поэт лауреат Государственных премий СССР и РСФСР Василий Дмитриевич Фёдоров» (светлый литой металл) на доме-усадьбе на Назаркиной горе в Марьевке Яйского района Кемеровской области к годовщине памяти поэта.

1985 г., 11 августа – бюст В. Д. Фёдорова на Назаркиной горе в Марьевке Яйского района Кемеровской области работы кемеровского скульптора

Григория Сергеевича Трофимова (1917-1993), член Союза художников СССР с 1958 года.

1985 г., 1 ноября – мемориальная доска (светлый литой металл) с рельефным текстом: «Здесь с 1938 по 1941 год жил и работал на авиазаводе Василий Дмитриевич Фёдоров, выдающийся советский поэт, лауреат Государственных премий». Памятная доска установлена на здании общежития № 7 Иркутского авиазавода (г. Иркутск, ул. Авиастроителей, 28).

1985 г. – бюст В. Д. Фёдорова работы кемеровского скульптора Григория Сергеевича Трофимова. По воспоминаниям был подарен скульптором в 1990 году Кемеровской центральной городской библиотеке им. Н. В. Гоголя, а в 2000 году подарен Кемеровской областной научной библиотеке им. В. Д. Фёдорова к 80-летию библиотеки. Фонд Кемеровской областной научной библиотеки им. В.Д. Фёдорова, 2 этаж, Фёдоровский зал.

1986 г. – портрет «Поэт Василий Фёдоров и лебеди» работы Г. П. Захарова. Фонд Кемеровской областной научной библиотеки им. В. Д. Фёдорова, 2 этаж.

1987 г. – портрет «Поэт Василий Фёдоров» (холст, масло) работы кемеровского художника Ивана Ивановича Филичева (р. 8.03.1937 года). Член Союза художников России с 1972 года, Заслуженный художник РФ (2005). Фонд Кемеровского областного музея изобразительных искусств.

1988 г., 24 февраля – мемориальная доска (литой металл) на здании Кемеровской областной научной библиотеки им. В. Д. Фёдорова с надписью «Совет Министров РСФСР 10 июня 1987 года присвоил Кемеровской областной научной библиотеке имя выдающегося поэта, лауреата Государственных премий СССР и РСФСР Василия Дмитриевича Фёдорова». Утрачена в 2000 году, заменена на мраморную.

1990 г. – скульптура «Поэт В. Д. Фёдоров». Бронза, сталь, литьё, 30x13x14. Работа кемеровского скульптора Алексея Павловича Хмелевского (1951-2008). Член Союза художников СССР (России) с 1977 года. Заслуженный художник Российской Федерации (1995). Фонд Кемеровского областного музея изобразительных искусств, поступила в музей в 1992 от Комитета по культуре и туризму администрации Кемеровской области.

1991 г. – памятник из белого мрамора на Кунцевском кладбище в Москве ведущего скульптора современной России Анатолия Андреевича Бичукова. Член Союза художников СССР с 1967 года, Народный художник РСФСР (1980), академик РАХ (2001).

1991 г. – «Портрет писателя В.Д. Фёдорова» (у городьбы на Назаркиной горе, в профиль; холст, масло) художника Николая Георгиевича Бурцева (р. 27.05.1936 года). Член Союза художников СССР/России с 1973 года. Фонд Научной библиотеки Кемеровского государственного университета, читальный зал (главный корпус, 2 этаж).

1992 г. – ростовая скульптура из металла (высота 40 см.) поэта В. Д. Фёдорова работы кемеровского скульптора Григория Сергеевича Трофимова (1917-1993), член Союза художников СССР с 1958 года. Подарена скульптором Виктору

Никифоровичу Егорову, инициатору переименования ул. Н. Островского в ул. поэта В. Д. Фёдорова с установкой на улице, где родился поэт, памятника.

1993 г., 20 августа – бюст поэта из гранита работы кемеровского скульптора Владимира Фёдоровича Нестерова (1948-2008). Член Союза художников России с 1986 года. Фонд Кемеровской областной научной библиотеки им. В. Д. Фёдорова, 3 этаж.

1995 г. – «Портрет В. Д. Фёдорова» (на фоне берёзовой роще в профиль; холст, масло) и рисунок к портрету (бумага, акварель; 19 на 13 см.) художника Владимира Филипповича Черепанова (1924-1999). Кемеровский живописец, график, член Союза художников России с 1996 года, участник Великой Отечественной войны. Фонд Кемеровской областной научной библиотеки им. В. Д. Фёдорова, 2 этаж.

1997-1998 г. – «Портрет В. Д. Фёдорова» (на фоне полей, с папиросой) художника В. Ф. Черепанова. Холст, масло (фонд КемОНБ им. В. Д. Фёдорова).

1995-1998 г. – рисунок «Поэт В.Д. Фёдоров» (у городьбы, в рубашке) художника В. Ф. Черепанова. Бумага, акварель, 19 на 13 см. Фонд Кемеровской областной научной библиотеки им. В. Д. Фёдорова, 2 этаж.

1998 г. – «Портрет В. Д. Фёдорова» (без пиджака) художника В. Ф. Черепанова. Холст, масло и рисунок к портрету (бумага, акварель; 19 на 13 см.). Фонд Кемеровской областной научной библиотеки им. В.Д. Фёдорова, 2 этаж.

1995-1998 г. – 7 рисунков «Поэт В. Д. Фёдоров» художника В. Ф. Черепанова. Бумага, акварель, 19 на 13 см. Фонд Марьевского литературно-мемориального музея В. Д. Фёдорова.

1998 – «Портрет Василия Фёдорова» скульптора и художника Анатолия Бичукова (Москва). Экспонировался на выставке, посвящённой защитникам Отечества, в галерее на Кузнецком проспекте в Москве («Советская Россия». 1998. 28 июля. № 87. С. 3).

2003 г. – рисунок ч/б «В. Д. Фёдоров» самодеятельного художника Александра Алексеевича Мишукова, с. Ягуново Кемеровского района. На рисунке надпись: К 85-летию поэта. Рисунок с фотографии В. Грызыхина. Фонд Кемеровской областной научной библиотеки им. В. Д. Фёдорова, читальный зал отдела библиотечного краеведения (2 этаж, здания №2).

2008 г. – «Портрет В. Д. Фёдорова у городьбы на Назаркиной горе» художника Николая Ивановича Парщикова. ДВП., масло. Фонд Кемеровской областной научной библиотеки им. В. Д. Фёдорова, 2 этаж.

2013 г. – дружеский шарж «В. Д. Фёдоров» Петрушкиной Надежды Владимировны, студентки Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Тема творческой работы на областной молодёжный конкурс к 95-летию поэта: иллюстрация к замету:

«Мне дорог смех,
Но все же различай
Веселье глупости
И мудрости печаль».

2016 г. – 3 портрета В. Д. Фёдорова самодеятельного художника Владимира Емельяновича Свистунова (04.07.1958 г.) из с. Бекет Яйского района, члена областного творческого объединения «Гильдия мастеров Союза Кузбасских писателей». Металлографика (картина из проволоки). Фонд Кемеровской областной научной библиотеки им. В. Д. Фёдорова.

Приложение № 5

Поэты-однофамильцы В. Д. Фёдорова

В. Д. Фёдоров гордился, что он является однофамильцем первопечатника Ивана Фёдорова. Среди поэтов XX века есть однофамильцы В. Д. Фёдорова. Создатели интернет-сайтов ошибочно приписывают тексты не тем поэтам, кто их создал, путают фотографии поэтов. Приведу несколько примеров.

Фёдоров Василий Павлович (25.08.1883 Пермь – 15.02.1942 Унжлаг Горьковская обл.). Поэт, переводчик, был знаком с Сергеем Есениным и поэтами-имажинистами. Издания: Фёдоров В. П. Усталое небо: Кн. стихов / Сост., под. текста В. А. Дроздкова и В.А. Резвого; вступ. ст. В. А. Дроздкова. – М.: Водолей, 2017. – С. 368 с. На интернет-сайте «Поэмбук» есть страница поэта Василия Фёдорова, где размещена фотография В. П. Фёдорова и его краткая биографическая справка, а вот большинство стихотворений принадлежат Василию Дмитриевичу Фёдорову. Стихотворение «Баллада о звенящем солнце» написана Владимиром Ивановичем Фёдоровым, поэтом-песенником. Подобная путаница есть и на других сайтах. На сайте «Русская поэзия» размещена фотография В. П. Фёдорова, а все стихи В. Д. Фёдорова. Эта ошибка осталась незамеченной даже в издании Кемеровской областной научной библиотеки им. В. Д. Фёдорова: Я сын твоих полей / Автор-составитель Г. В. Даунарас. Кемерово, 2008. С. 34 (раздел «Интернет-ресурсы о В. Д. Фёдорове»).

Фёдоров Владимир Иванович (15.05.1925 Белгород – 29.05.1998 Москва). Поэт, прозаик, драматург, автор 100 песен. С ним был знаком В. Д. Фёдоров. Романс на стихотворение Владимира Фёдорова «Есть вечная любовь» исполняли София Ротару, Ирина Крутова и др. Музыку написал Евг. Ширяев. В интернете есть видеоролики с исполнением этого романса. В видеоролике С. Ротару автор слов указан правильно, а вот в видеоролике И. Крутовой написано: автор слов Василий Фёдоров.

В интернете на некоторых сайтах в стихотворении В. Д. Фёдорова «Сердца» в строке «сердца, не занятые нами, немедленно займёт наш враг» вместо «наш» ставят «их враг».

Приложение № 6

Поэзия Василия Фёдорова в оценках известных писателей, политиков, учёных

11-19 октября 1988 года творческая бригада Кемеровской студии телевидения (режиссёр фильма и оператор – Ю. Я. Светлаков; автор сценария и ведущая – Т. И. Махалова; звукорежиссёр – В. Смирнов) в Москве сняла несколько интервью у московских писателей на фоне Литературного института для фильма о В. Д. Фёдорова. Приведём высказывания писателей-современников В. Д. Фёдорова, сказанные в 1988 году.

Владимир Крупин, писатель: «Я не был с ним на равных, и я просто счастлив тем, что он как-то всё-таки обратил на меня внимание, коснулся плеча. Я помню, он произнёс потрясающую малоизвестную пушкинскую речь в колонном зале Дома Союзов. Она была опубликована, но не имела такого широкого распространения. Были и противники у этой речи. Сидит он такой, опустив голову, а потом поднимает её... Он, конечно, был потрясающей красоты, ума и обаяния человек, и говорит: «А! Уеду я в свою Марьевку!» И мы до сих пор его вспоминаем, он мимоходом говорил, но всегда точно. А сейчас слушаешь какого-нибудь говоруна на трибуне, и сразу вспоминаешь фёдоровское «...и говорит он умно и глубоко, но странно видеть сытого пророка», или «...общенародного признанья пути заведомо длинны, поэт обязан быть в изгнании, хотя б у собственной жены». Это вроде бы были шутки. Василия Фёдорова у нас не только не хватает, наша задача – расширить знания о Фёдорова. Это же огромный поэт, поэт уровня Кольцова, Рубцова, Есенина, Некрасова» (Светлаков Ю. Я. Поэта надо издали любить... – Кемерово, 2017. С. 9).

Егор Исаев, поэт: «Я против всех культов. Я за культ личности в каждом человеке. В нём было много народного, он весь народный человек. Слушайте – как он умел переживать! Как он умел чувствовать! Даже не умел, а чувствовал историю. Чувствовал историю народа, как биографию человека. Понимаете, он – философ! Философ по натуре. О нём говоришь – и живёшь, такой он был неповторимый, такой сибирский» (Светлаков Ю. Я. Поэта надо издали любить... – Кемерово, 2017. С. 26).

Владимир Солоухин, писатель: «Я действительно давно знал и знаю Василия Дмитриевича Фёдорова со студенческих лет. Мы вместе учились в литературном институте. Как о поэте, о нём всё известно. Единственно, что можно сказать, мало, кто знает, что он хорошо пел песни русские, он мог рисовать, владел таки даром рисовальщика, художника. Он хотя и дилетантски, любительски в шахматы умел играть, комбинационно умел играть. За что бы он ни брался, он всё делал интересно, талантливо» (Светлаков Ю. Я. Поэта надо издали любить... – Кемерово, 2017. С. 6).

Валентин Сорокин, поэт, ученик В. Д. Фёдорова: «Если я буду жив-здоров и перейду его рубеж, возраст его мне так же его будет не хватать, как не

хватает тебе в пути, в жизни твоей родного хутора, откуда ты родом. ладоней отцовских, края своего. Это есть родное, вечное, наше движение к тому ради чего нас мать родит на этот свет, и ради чего состоится судьба наша. Потому что он весь из нас, из нашей жизни, из нашей земли. Он пришёл утвердить нас!» (Светлаков Ю. Я. Поэта надо издали любить... – Кемерово, 2017. С. 6).

Аман Гумирович Тулеев:

«Как же был прав наш земляк, выдающийся русский поэт Василий Фёдоров, которого мы называем «кузбасским Пушкиным». <...> Я вновь возвращаюсь к моему любимому поэту-земляку Василию Фёдорову. Как точно и мудро им сказано:

О, мы творим,
Преображаем!
Но почему ж
Врага грубей
Мы поминутно угрожаем
Извечной матери своей?!

Чтобы себя и мир спасти,
Нам нужно, не теряя годы,
Забывать все культы
И ввести
Непогрешимый
Культ природы!

Думаю, что лучше не скажешь!» (из книги А. Г. Тулеева «Преодоление». – Кемерово: Сибирская издательская группа, 2015. – С. 209, 463).

Пётр Михайлович Дорофеев:

«Его называют явлением русской поэзии, крупнейшим поэтом нашего времени, а провожая в последний путь в апреле 1984 года, справедливо нарекли «Великим». Он не был избалован критикой, «заласкан» радио и телевидением. Однако после его смерти, на первый праздник поэзии Василия Фёдорова, состоявшийся летом 1985 года в его родном селе Марьевка, съехались со всей России и Кузбасса около 20 тысяч почитателей его таланта. В чём сила поэзии В. Фёдорова? В её искренности, мудрости, народности, а это значит – его поэзии жить века! <...>

В памяти нашей Василий Фёдоров навсегда останется выдающимся поэтом современности, удивительным мастером поэтического слова. Он своим вдохновенным творчеством щедро обогатил великое наследие русской классической литературы. Василий Дмитриевич Фёдоров умер 19 апреля 1984 года. Но жива его бессмертная поэзия, озарённая дыханием правды, чистоты, безмерной любви к своему народу, к Великой России. И эта любовь находит свой отклик в душах людей, которые чтят память выдающегося поэта. Почти ежегодно после его смерти благодарные кузбассовцы и многие гости из России

приезжают в Марьевку на «Фёдоровские чтения», посещают Назаркину гору, низко кланяются изваянному в бронзе поэту и благодарят верного сына России, воспевшего так ярко, душевно и искренне величие человеческого духа, его красоту, доброту и устремлённость к лучшему.

Однажды, в один из заключительных дней Фёдоровских чтений, прибывший в Марьевку губернатор области А. Г. Тулеев в своём выступлении подчеркнул, что поэтическое творчество выдающегося поэта России Василия Дмитриевича Фёдорова заслуживает права именоваться классикой Отечественной литературы, и министерству образования следовало бы подумать о предоставлении места его творчеству в школьных учебниках» (из книги П. М. Дорофеева «Во власти долга: Воспоминания, статьи, очерки, стихи (1995-2005 года)». – Кемерово, 2005. – С. 322-329).

Святослав Фёдоров:

«Когда читаешь сокровенные строки одного из крупнейших поэтов уходящего двадцатого века Василия Фёдорова, не перестаёшь удивляться его гражданскому мужеству, человеческой мудрости, сыновней верности и неистощимой любви к России. <...> Истинных патриотов много. Чтобы по-настоящему возродить Россию, им надо только объединиться. В этом поможет честное, обжигающее душу поэтическое слово Василия Фёдорова» (Фёдоров Святослав. Востребованное слово // Партия самоуправления трудящихся. Публицистическая серия. 1995. – № 6. – С. 1-6).

Борис Андреевич Леонов:

«Продолжая традиции русской классики, Василий Фёдоров стремился органически соединить в каждом стихотворении лирику, философию и эпос, публицистически адресуя его современнику. <...> Трудно судить, что станет завтра с нашей изящной словесностью, которая ныне переживает не лучшие времена. Но, Бог даст, и она вновь будет востребована обществом. И в воскресшем интересе соотечественников к своим духовным наставникам прошлого, работавшим на день грядущий, непременно окажется имя Василия Дмитриевича Фёдорова» (из статьи Б. А. Леонова, известного московского критика, профессора кафедры новейшей русской литературы Литературного института им. М. Горького, «Окрылённость. Василий Дмитриевич Фёдоров» // Московский литератор. – 2008. – № 4, февраль).

Лариса Васильевна Полякова, Заслуженный деятель науки России:

«Художник из разряда классиков. <...> Возвращать Фёдорова на его подлинное историко-литературное место надо, хотя бы к его 100-летию. Пора!» (из электронного письма Л. В. Поляковой, доктора филологических наук, профессора Тамбовского государственного университета, от 29 июня 2015 года).

Тамара Ивановна Махалова:

«Творчество Василия Фёдорова – наше национальное достояние» (из статьи «Жил по совести поэт» в книге: Три имени. – Кемерово, 1990. – С. 92).

Приложение № 7

Поэты (стихи) о В. Д. Фёдорове

1. Асадов, Эдуард. Лесная река // Асадов Э. Доброта. – М., 1972.
2. Баянов, В. Изба на горе («Это было, было, было...») // Баянов В. Зазимок. – Кемерово, 1984. С. 148–150.
3. Бельмасов, А. Памяти Василия Федорова («Когда ветра тоскуют и безумствуют...») // Молодая гвардия. – 1989. – № 8. – С. 12–13.
4. Богданов, В. Василию Федорову («Куда я лез — котенок в драках львиных?...») // Богданов В. Светунец. – М., 1974. С. 38. – То же // Богданов В. Возвращение: Собр. соч. в 1 т. – М., 1997. С. 159–161.
5. Борисов, И. Памяти В. Д. Федорова посвящается... («И вот пришел сибирский паренек...») // Вперед к коммунизму. пгт. Яя (Кемеров. обл.). – 1988. – 30 июля.
6. Борисов, И. Памяти В. Федорова («Не любоваться мне прибрежным тальником...») // Вперед к коммунизму. пгт. Яя (Кемеров. обл.). – 1985. – 17 сент.
7. Быкова, Н. Озеро Кайдор («Я вижу все это и зримо и четко...») // Вперед к коммунизму. пгт. Яя (Кемеров. обл.). – 1988. – 16 февр.
8. Васильев, Виктор Николаевич. «Читая Вас, я слышу голос брата...» [автор – младший брат поэта Павла Васильева] // Нива (Казахстанский лит.-худ. и общ.-полит. журнал). – 2007. – № 5. С. 181. То же: Васильев, В. Н. Цветы запоздалые. Стихи и поэмы. – Омск, 2005. – 160 с. [Васильев, В. Н. Этап на восьмую. Книга прозы. – Омск, 2004].
9. Габдрахимов, Юрий. Посвящение («Незримо мы переплелись...»). [Электронный ресурс «Стихи.ру»].
10. Глазков, Николай И хорошо... («Мы в шахматы играли до утра...») // Глазков Н. Большая Москва. – М., 1968. С. 54.
11. Глазков, Николай. Женитьба Дон-Жуана. Василию Фёдорову // Москва. – 1985. – № 2. С. 130-131.
12. Годенко, М. «Четвертый бар, пивной наш зал...» // Наш современник. – 1996. – № 10. С. 92. [В мемуарах М. Годенко «Лобное место: Памятные заметки»].
13. Горюнов, Геннадий. Посвящение Поэту. Электронный ресурс: <http://stihi.ru/2012/05/03/8223>
14. Гусаров, Михаил Гаврилович. «Наш мир он, в сущности, не сложен...» // Молодая гвардия. – 1978. – № 12.
15. Донбай, Сергей Лаврентьевич. Перед Фёдоровскими чтениями («Письмо

- из Марьевки пришло...») // На родине моей повыпали снега...: Поэтический век земли Кузнецкой. – Кемерово: Сибирский писатель, 1998. С. 97.
16. Ерохина, Наталья. «Поэты не уходят навсегда...» // Вперед к коммунизму. пгт. Яя (Кемеров. обл.). – 1985. – 13 авг. [В ст. Л. Аширбаевой и В. Ануфриева «Поэты не уходят навсегда»].
17. Жеглов, Игорь Васильевич (1960-2000). До первых петухов. Памяти Василия Фёдорова («Когда тебе Совсем не до стихов...») // Молодая гвардия. – 1987. – № 1. С. 57.
18. Жуков, В. Но ежели по совести ответить («А что спроста как в святцы запишу я...») // Откровение: Лит.-худож. альм. – Иваново, 1997. – №4. – С. 67.
19. Замятин, Е. Василию Федорову («Есть такое поверье...») // Вечерний Челябинск. – 1969. – 6 окт.
20. Ибрагимов, А. Г. «Здравствуйте, родные...» // День поэзии. – Кемерово: «Ковчежек», 1994. – С. 44.
21. Измайлов, В. О ясности («Мешает мне привычка объяснять...») // Измайлов В. Разбуженное сердце. – Кемерово, 1963. С. 108– 109. – То же // Измайлов В. Заснеженные сосны. – М., 1967. С. 112– 113. То же: Измайлов Вл. Человеку нужна любовь. – Кемерово, 1967. С. 110.
22. Ковалев, Д. После встречи («Отвел я душу, наконец, отвел...») // Лит. Россия. – 1966. – 9 дек. С. 15.
23. Кочетков, Александр Анатольевич (Александр Северный). Есенину Сибири и др. стихи. Электронный ресурс: <http://stihi.ru/2012/01/20/1299> То же: Александр Северный. Сибирь – поэзии дыханье... – Нижний Новгород, 2016. С.37. [самиздат]
24. Линнова, Юлия. Поэту В. Д. Фёдорову // Линнова Ю. Не бывает России без белых берёз. – Кемерово: РПА «Ректаймс», 2013. С. 80.
25. Марков, А. Стужа («Открывает Василий душу...») // Марков А. Снова в дорогу. – М., 1966. С. 55 – 56.
26. Машковцев, В. Мои ученики («Когда огонь проявит буйный танец...») // Совет. Россия. – 1978. 23сент.
27. Матвеев, Владимир. Звёздные братья // Матвеев В. Ф. Копыто Пегаса: Дружеские шаржи, литературные пародии, шутки / Художник Николай Бурцев. – Кемерово, 1973. С. 6–7.
28. Мишута, Ю. Посвящение Василию Фёдорову // Мишута Ю. Любви знаменье. – Южно-Сахалинск: Сахалинское областное книжное издательство, 1995. С. 93.

29. Моряков, Пётр Фадеевич. Новая звезда [Прочитано 2 марта 2013 года 99-летним поэтом на творческом вечере Василия Фёдорова в Городском Центре истории Новосибирской книги] // Семёнова Надежда Даниловна. Юбилейный вечер Василия Фёдорова в Новосибирске // Наше время (пгт. Яя). – 2013. – 22 марта. – С. 2.
30. Мухачев, И. «Хмель золотист от стебелька до завитка...» // Мухачев И. Избранное. – Новосибирск, 1956. С. 70. – То же // Федоров, В. Собр. соч. М., 1988. Т. 4. С. 41; То же // Федоров В. Собр. соч. в 1 т. М., 1998. С. 390.
31. Побаченко, Анатолий. Поэту Василию Фёдорову. Сонет («С тобой подняться б на Седьмое небо...»). [Электронный ресурс «Стихи.ру»].
32. Пономарева, Т. Жена поэта («К тебе он возвращался из скитаний...») // Пономарева Т. Световые года. – М., 1984. – С. 42.
33. Пономарева, Т. «Как долго в Марьевке не наступает ведро!...»; «В золотое время зерносева...»; Жена поэта («К тебе он возвращался из скитаний...») // Вперед к коммунизму. пгт. Яя (Кемеров. обл.). – 1988. – 30 июля.
34. Примеров, Б. След шмеля («Я шел по травам молодым...») // День поэзии. – М., 1984. – С. 49–50.
35. Проскурин, П. Л. Василию Фёдорову («Перелёты длинные, дальние...») // Роман-газета. – 1987. – № 15 (1069).
36. Рахвалов, А. Четный год («Без „ладно“, без утех, без чувственных излишек...») // Дружба. Альманах. – М.; София, 1986. – №3. – С. 7–8.
37. Решетников, Л. Гаврилов хутор («В нём стоит пяток домишек...») // Решетников Л. Отчий дом. – М., 1972. – С. 242–245.
38. Решетников, Л. Гаврилов хутор («Наряду с Москвой и Меккой...») // Москва. 1969. № 4. С. 138. – То же // Решетников Л. Поющий айсберг. Новосибирск, 1969. – С. 29–31; То же // Решетников Л. Избранное. М., 1981. С. 310–312; То же // Решетников Л. Встречи. Новосибирск, 1986. – С. 398–400.
39. Решетников, Л. Памяти Василия Федорова («Гаснут звезды в небе, словно свечи...») // Сибирские огни. – 1987. – № 11. С. 10–11. То же // Решетников Л. Противостояние. – Новосибирск, 1988. – С. 156–157; То же // Решетников Л. Верность. – Новосибирск, 1990. – С. 179–180. То же // Вперёд к коммунизму. – 1988. – 23 февраля. – С.4.
40. Романов, Владимир. Марьин корень [Электронный ресурс «Стихи.ру»].
41. Рубцова, Т. В Марьевку («Из ворчливой потной давки...») // Резонанс, г. Юрга (Кемеров. обл.). – 1998. 18 авг. (В мемуарах «Два Василия»). То же: Рубцова, Т. И. Не бывает последней строки: Стихи. – Юрга, 2004. – С. 28.

- То же: В золотой колыбели у Бога. – Кемерово, 2008. – С. 10.
42. Савельев, Иван. Третьи петухи. Памяти Василия Фёдорова // Москва. – 1985. – № 12. – С. 29.
43. Савельев, Иван. Василий Федоров («Он на глазах у всех старел...») // Московские зори. – М., 1996. – С. 204.
44. Савельев, И. Памяти Василия Федорова («Он на глазах у нас старел...») // Савельев И. Избранное. – М., 1986. – С. 313.
45. Сбитнев, Юрий Николаевич (8.10.1931 г.р.). Родники («Меж упырей и молочая...») // Смена. – 1962. – № 24. С. 9. – То же // Сбитнев Ю. Высота. – М., 1968. – С. 43.
46. Светлов, Михаил. Новые страницы «Музея друзей». В. Фёдоров («Наполнен стих его таёжной силой...») / Дружеский шарж И. Игина // Литературная Россия. – 1967. – 7 апр. – С. 24. То же: Светлов, М. Улыбка Светлова. – Л., 1968. – С. 22-23. То же. 2-е изд. Л., 1970. – С. 22-23.
47. Скворцов, К. «Когда на слово ставится печать...» // Скворцов К. Лирический дневник. – М., 1991. – С. 172.
48. Смирнов, Д. «Кладет уверенно и ровно...» // Смирнов Д. Высокая звезда. – М., 1965. С. 52—53.— То же // Смирнов, Д. Избранные стихи. – М., 1979. – С. 82—83.
49. Смирнов, Д. Кладка («Кладет уверенно и ровно...») // Москва. – 1963. – № 12. – С. 190.
50. Сокол, В. Солнце («Я бросаюсь с моста...») // Сокол, В. Дороги юности. – Ярославль, 1964. – С. 19–20. – То же // Сокол, В. Люблю и верю. – М., 1986. – С. 76.
51. Сорокин, В. Вот и ты («Вот и ты лежишь в земле родимой...») // Сорокин В. Голос любви. – Челябинск, 2003. – С. 76 –77.
52. Сорокин, В. «Вот и ты лежишь в земле родимой...» // Совет. Россия. – 1985. – 3 окт.
53. Сорокин, В. Прощание («Вот и ты лежишь в земле родимой...») // Молодая гвардия. – 1986. – № 5. – С. 85–86.
54. Сорокин, В. Равнение («Друзья, а мой удел таков...») // Сорокин В. Мне Россия сердце подарила. – Челябинск, 1963. – С. 72 – 74
55. Татьяничева, Л. Ледокол («Многометровыми вымощен льдами...») // Совет. Россия. 1978. 12 авг. – То же // Татьяничева, Л. Десять ступеней. – Челябинск, 1980. – С. 34–35; То же // Собр. соч. – М., 1985. Т.3. – С. 118.
56. Турапин, В. Памяти В. Федорова («Спал в обнимку с рыжим стогом...») // Вперед к коммунизму. пгт. Яя (Кемеров. обл.). – 1988. – 6 авг. В публ.: «С Назаркиной горы я вижу всю Россию...» / [Интервью взял В. Язовский].

57. Турапин, В. «Спал в обнимку с рыжим стогом...»; «С Назаркиной горы я вижу всю Россию...» // Турапин В. Берегите себя для России. – М., 1993. – С. 32, 153.
58. Фёдоров, Владимир Иванович. Ещё о Фёдоровых («Меня насквозь пронзает взором...») // Литература и жизнь. – 1959. – 6 мая.
59. Фёдорова, Л. Ф. Цикл из 33-х стихотворений «Не из шёлковых трав...» [Памяти Василия Фёдорова] // Фёдорова Л. Ф. Танец стрижей: Стихи. – М.: Советский писатель, 1985. – С. 84-114. То же: Фёдорова, Л. Ф. Час твоих возвращений / Сост. А. А. Кочетков. – Нижний Новгород, 2016. – 140 с. [самиздат]
60. Федорова, Л. В музее и в жизни («Вот люди сойдутся...»); Памяти Василия Федорова («По жизни моей — ты ветра пробег...») // Вперед к коммунизму. пгт. Яя (Кемеров. обл.). – 1986. – 2 сент.
61. Федорова, Л. Встреча на улице («Голпа влекла его проворно...») // Вперёд к коммунизму. пгт. Яя (Кемеров. обл.). – 1988. – 8 мая.
62. Федорова, Л. «Гремела битва много раз...»; В Ялте («Заброшенный в Ялту дня на два иль на три...») // Наш современник. – 1987. – №10. – С. 109.
63. Федорова, Л. Дом в Марьевке («Как сказал мой друг, так и сделала...») // Вперед к коммунизму. пгт. Яя (Кемеров. обл.). – 1987. – 24 февр.
64. Федорова, Л. Другу («Я сказала:,Прощай, мой любимый»...»); Поэту («Как сок березовый – так слезы по тебе...») // Вперед к коммунизму. пгт. Яя (Кемеров. обл.). – 1984. – 7 июня. В мемуарах «Поэт, каким измеришься секундомером?: Последний разговор у камина».
65. Федорова, Л. «Милый друг, замело тебя снегом...» // Вперед к коммунизму. пгт. Яя (Кемеров. обл.). – 1985. – 23 февр.
66. Федорова, Л. Назаркина гора («Я века слагалась, как ладонь...»); Под сенью голубей («Под сенью голубей, что день и ночь воркуют...») / [Примеч. ред.] // Вперед к коммунизму. пгт. Яя (Кемеров. обл.). – 1988. – 11 июня.
67. Федорова, Л. «Не ходи по краешку, не ходи!..» // Резонанс, г. Юрга (Кемеров. обл.). – 1998. – 18авг. В мемуарах Т. Рубцовой «Два Василия».
68. Федорова, Л. «Не ходи по краешку, не ходи!..»; «Тебе — твое! Не мне тебя судить...» // Комсомолец Кузбасса. – Кемерово, 1985. – 15авг.
69. Федорова, Л. Ни в доме тебя, ни в миру тебя... (...) // Наш современник. – 1984. – №11. С. 78. То же: Фёдорова, Л. Ф. Танец стрижей. – М.: Советский писатель, 1985. – С. 107.
70. Федорова, Л. По дороге в Марьевку («Город маленький. Станция Яя...»); Два дерева («Мы с тобой осенние деревья...»); Ни в доме тебя, ни в миру

- тебя (...); Гора («Где мы только с тобой ни живали...»): Час твоих возвращений («Час твоих возвращений неизменен...») / [Предисл. Г. Лукьянова] // Вперед к коммунизму. пгт. Яя (Кемеров. обл.). – 1984. – 30 авг.
71. Федорова, Л. Поэту («Как сок березовый – так слезы по тебе...»); Стихи о тебе («Не из шелковых трав прорастают они...») // Огни Кузбасса. – Кемерово, 1984. – № 3. С. 88. (Лариса Федорова – Василию Федорову).
72. Федорова, Л. Путь к горе («Средь июльского великолепия...») // Вперед к коммунизму. пгт. Яя (Кемеров. обл.). – 1988. – 2 авг.
73. Федорова, Л. Родина поэта («Сибиряки земли широкой...») // Вперед к коммунизму. пгт. Яя (Кемеров. обл.). – 1987. – 18 апр.
74. Федотов, В. Василию Федорову («Не Марьевка судьбою мне дана...») // Федотов В. Холодное небо. – М., 1989. – С. 163.
75. Федотов, В. Моя улица («Мне Марьевка судьбою не дана...») // День поэзии. – М., 1978. – С. 155.
76. Фирсов, Владимир. Чужая музыка. Василию Фёдорову («Иду туда, где свет в окне – зимой и летом до рассвета – Шагаю к другу своему») // Октябрь. – 1966. – № 6. – С. 88.
77. Фирсов, Владимир. Тишина [Эпиграф «Наше время такое – живём от борьбы до борьбы...». Вас. Фёдоров] («Да, прав поэт, Борьба не прекращается...») // Молодая гвардия. – 1970. – № 3. – С. 149-151.
78. Флоров, Г. Седьмое небо Василия Федорова («Вершины многие осилив...») // Флоров Г. Дом друзей. – М., 1967. – С. 84.
79. Фокина, Ольга. «Я живу без интереса К оглашённому «прогрессу»...» [Эпиграф: «Закрывай, Василий, душу, Не выстуживай себя». Василий Фёдоров. – конец стиха О. Фокиной: «Закрывай, Россия, душу, Не выстуживай себя» (1988, 2003)] // Фокина, О. Избранное. Т. 2. – Вологда: Полиграфист, 2003. – 518 с.
80. Хоничев, Николай Васильевич (г.р. 19.05.1946). На Фёдоровских чтениях // Огни Кузбасса. – 2006. – № 2. – С. 95.
81. Хохлов, С. Русские сосны («Надо мною шумят вершинами...») // Хохлов С. Люди такие разные. – Краснодар, 1964. – С. 33.
82. Цветков, Денис Михайлович. В Марьевке. В доме Василия Фёдорова на Назаркиной горе // Сибирские огни. – 1985. – № 4. – С. 71. То же: Земной поклон. – Иркутск, 2011. С. 79-134 (25 стихотворений поэту-другу В. Д. Фёдорову).
83. Цветков, Денис Михайлович. Назаркина гора // Цветков Д. М. Земной поклон. – Иркутск, 2011. – С. 87-88.

84. Чурилов, Виктор. Воспоминания о Литературном институте [упомянут Зональный семинар 1966 года в Кемерово и его руководители: Фёдоров, Смеляков, Соболев, а также Е. Буравлёв] // Чурилов, В. И. Стихотворения. – Кемерово: РПА «Ректаймс», 2012. – С 173-189.
85. Шитиков, А. Памяти Василия Федорова («Земли три горсти на погосте...») // Московские зори. – М., 1996. – С. 270.
86. Шумилов, Владимир. Марьевка. Памяти Василия Дмитриевича Фёдорова // Шумилов В. Подранок: Стихи. – М., 1997. – С. 26.
87. Щипахина, Л. Поэты о времени и о себе: В. Федоров («Бываем одиноки оба...») // Москва. – 1977. – № 3. – С.219.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ИЛЬЯ МУХАЧЁВ (г. Новосибирск)

Василию Фёдорову

Хмель золотист от стебелька до завитка,
Красны рябины гроздь, зелен луг,
Свой аромат у каждого цветка...
В природе всё неповторимо, друг,
И потому для сердца так любима
Та песня, что ни в чём не повторима.
1946 г.

ВЛАДИМИР ФЁДОРОВ (г. Москва)
ЕЩЁ О ФЁДОРОВЫХ

Меня насквозь пронзает взором
Блестящий кандидат наук:
– Ах, это Фёдоров? Который?
А чей он сын? А чей он внук?
Да ты не хмурься, критик, строго,
Анкетных данных не проси.
Я рад, что Фёдоровых много,
Как Ивановых на Руси.
Вот он – пытливых душ кормилец,
Первопечатник с бородой,
Московский мой однофамилец,
А может быть и прадед мой.

.....
Я поклоняюсь русской силе,
Где гордый звон – там нет трухи,
Пусть же Фёдоров Василий
Напишет хлёсткие стихи.

.....
Друзья мои, однофамильцы,
Сочтёмся – мы почти родня,
России-матушки кормильцы,
Вам так легко понять меня.
1959 г.

ЮРИЙ СБИТНЕВ (г. Москва)
РОДНИКИ

Василию Фёдорову

Меж купырей и молочая,
В сыром урочище тайги,
Свой путь нелёгкий начинают
Зелёной жилкой родники.
Они баюкают, качают
Жаркоголовые цветы,
И пахнет горьким Иван-чаем
От родниковой той воды.
И даже студною зимою,
Когда кругом снега и льды,
Росою пахнут и землёю,
И солнцем пахнет от воды.
Вот так и в песнях у поэта
Как у истоков родников,
Пахнёт большим и добрым летом
От настоящих русских слов.
1962 г.

ВЛАДИМИР ИЗМАЙЛОВ (г. Кемерово)
О ЯСНОСТИ

Василию Фёдорову

Мешает мне привычка объяснять,
Всё до конца,
До точки, до предела!
Боюсь, как будто могут не понять,
И объясняю:
Дескать, вот в чём дело...
Излиться строчкам наступает срок,
И вдохновение уже крылом махнуло,
Но, смотришь, из поэзии понятных строк
Поэзии Жар-птица упорхнула.
Метафор перья с болью подобрал, –
На что они?
На чучело Жар-птицы? –
Я снова в разъяснениях не прав,

Хоть прав, бесспорно, в ясности позиций.
Всё зачеркнув безжалостной рукой,
Вновь сложность простоты неприхотливой
Ищу, ищу...
Велик талант счастливый,
Над чьей кристально-ясною строкой
Задумается даже ум ленивый!
1963 г.

ДМИТРИЙ КОВАЛЁВ (г. Москва)
ПОСЛЕ ВСТРЕЧИ

Василию Фёдорову

Отвёл я душу, наконец, отвёл:
лицо в лицо наговорился с другом.
В таксушке, на сидении упругом,
воздушно мне, как малышу от волн...
От встреч иных дурные снятся сны.
Послушаешь: все - сукины сыны.
Они одни - заметьте свыше - цацы.
Осточертели эти мне паяцы.
Играя в смелость, прямоты боятся -
и только этим над толпой видны.
1966 г.

МИХАИЛ СВЕТЛОВ (г. Москва)
ВАСИЛИЙ ФЁДОРОВ

Наполнен стих его таёжной силой.
Резки черты сурового чела.
Его широкая Сибирь благословила,
Поэтом быть с рожденья обрекла!
1967 г.

ЭДУАРД АСАДОВ (г. Москва)
ЛЕСНАЯ РЕКА

Василию Фёдорову

Пускай не качает она кораблей,
Не режет плечом волну океана,
Но есть первозданное что-то в ней,
Что-то от Шишкина и Левитана.

Течёт она медленно век за веком,
В холодных омутах глубока.
И ни единого человека,
Ни всплеска, ни удочки рыбака!

В ажурной солнечной паутине
Под шорох ветра в шум ветвей
Течёт, отливая небесной синью,
Намытой жгутами тугих дождей.

Так крепок и густ травяной настой,
Что черпай хоть ложкой его столовой!
Налим лупоглазый, почти пудовый,
Жуёт колокольчики над водой...

Березка пригнулась в густой траве.
Жарко. Сейчас она искупается!
Но платье застряло на голове,
Бьётся под ветром и не снимается.

Над заводью вскинул рога сохатый
И замер пружинисто и хитро,
И только с морды его губатой
Падает звонкое серебро.

На дне неподвижно, как для парада,
Уставясь носами в одну струю,
Стоят голавли черноспинным рядом,
Как кони в едином литом строю.

Рябина, красуясь, грустит в тиши
И в воду смотрится то и дело:
Сережки рубиновые надела,
Да кто ж их оценит в такой глуши?!

Букашка летит не спеша на свет,
И зяблик у речки пришел в волнение.
Он клонул букашкино отраженье
И изумился: букашки нет!

Удобно устроившись на суку,
Кукушка ватагу грибов считает.
Но, сбившись, мгновение отдыхает
И снова упрямо: «Ку-ку, ку-ку!»

А дунет к вечеру холодком –
По глади речной пробегут барашки,

Как по озябшей спине мурашки,
И речка потянется перед сном.

Послушает ласково и устало,
Как перепел выкрикнет: «Спать пора!» –
Расправит туманное одеяло
И тихо укроется до утра.

Россия степная, Россия озерная,
С ковыльной бескрайнею стороною,
Россия холмистая, мшистая, горная,
Ты вся дорога мне! И все же бесспорно я
Всех больше люблю тебя вот такой!

Такой: с иван-чаем, с морошкой хрусткой
В хмельном и смолистом твоём раю,
С далекой задумчивой песней русской,
С безвестной речушкой в лесном краю.

И вечно с тобой я в любой напасти -
И в солнечных брызгах, и в черной мгле,
И нет мне уже без тебя ни счастья.
Ни песни, ни радости на земле!

ВЛАДИМИР МАТВЕЕВ (г. Кемерово)
ЗВЁЗДНЫЕ БРАТЯ

*Наши земляки: космонавт Алексей Леонов
и поэт Василий Фёдоров*

Земля Кузнецкая,
твоим сынам «везёт»,
в быль претворять
они умеют небыль.

Один – достиг
космических высот.
Другой – поднялся
до «Седьмого неба».
1973 г.

ВИКТОР ВАСИЛЬЕВ (г. Омск)
Василию Фёдорову

Читая Вас, я слышу голос брата.
Есенин в Ваших тоже есть стихах.
То были гениальные ребята

В рубахах ситцевых и в русских сапогах.

Они, как Вы, под сердцем Русь носили,
Играли в гусли, пели под гармонь,
Хоть их обоих недруги убили,
Но не погас поэзии огонь...

Вы, как никто, пропахли нашей Русью.
О, этот запах с детства мне знаком!..
И каждый раз и с радостью и грустью
Я фёдоровским увлечён стихом.

Теперь живут поэты мздой и силой –
Кроят из вирш кафтанчик продувной...
Приветствую Вас, Фёдоров Василий!
Как брат Васильева, склоняюсь головой!
1976 г.

ЛЮДМИЛА ТАТЬЯНИЧЕВА (г. Москва)
ЛЕДОКОЛ

Василию Фёдорову

Многометровыми вымощен
Льдами
Путь на Северный полюс.
И бурлит океан под ногами,
Лапищей бьёт,
Озlobясь.
Быть ледоколом
Рискованно-трудно.
Как на войне,
В окруженье,
Ежеминутно, ежесекундно
Надо вести сраженье.
Зорко следить,
Чтоб корабль не смогли бы
В ловушку загнать торосы.
Надо дробить
Эти чертовы глыбы,
Белые,
Как альбиносы.
Не ждать,
Когда сумрачных волн громады
Смирено поклонятся в пояс.
Идти,

Чтоб потом кораблей армады
На Северный двинулись полюс.
Быть ледоколом –
Прекрасная должность!
И, как надлежит поэту,
Презрев бескрылую осторожность,
Вы службу выбрали эту!
1978 г.

СЕРГЕЙ ДОНБАЙ (г. Кемерово)
ПЕРЕД ФЁДОРОВСКИМИ ЧТЕНИЯМИ

Письмо из Марьевки пришло,
В нём дочке пишет мать:
«Принаряжается село –
Тебе и не узнать!
Ну, что там в городе твоём?
Вернулась бы домой.
И мы теперь, поди, живём
И с газом, и с водой.
А всё ведь он!
Подумать грех,
Но смерть его для нас,
Для земляков его для всех,
Помощница сейчас.
Ведь не напишут сгоряча,
В газете ведь не врут! –
Нам даже клуб из кирпича
Должны построить тут...»

И вроде бы не для того
Поэт стихи слагал,
Но из бессмертья своего
Селу он помогал.

1985 г.

ИГОРЬ ЖЕГЛОВ (г. Москва)
ДО ПЕРВЫХ ПЕТУХОВ

Памяти Василия Фёдорова

Когда тебе
Совсем не до стихов,
Становятся твоим открытым нервом
Не те, кто встал
До третьих петухов,

А те, кто встать успел
Ещё до первых.
Кладут на память
Поминальный камень,
Ей всё трудней с годами
Устоять,
Но есть сердца,
Не занятые нами,
Которые так надобно занять.
Вот почему
До света мы встаём
В Смоленсках, Ярославлях и Рязанях,
Мы Родиною будущей
Живём,
Она живёт –
Сегодняшними
Нами.
1987 г.

ОЛЬГА ФОКИНА (г. Вологда)

*«Закрывай, Василий, душу,
Не выстуживай себя».*

Василий Фёдоров

Я живу без интереса
К оглашенному «прогрессу»,
Год от года безнадежней
Свой натягиваю гуж.
Слишком много перевесов
В пользу плутов, мотов, бесов,
Суеты пустопорожней,
Краснобаев и чинуш.

Не хочу давать ответы
На дежурные анкеты:
Как справляюсь с перестройкой?
Как арендный чту подряд?
На худое – нет запрета.
На святое – нет декрета.
Нэпоман на месте бойком
Всё и вся разрушить рад.

И привыкшие не рушить
Поразвешивали уши:
Жизнь в колхозе – под бульдозер!
Землю рви на лоскуты!

Огребайся, загребуший!
Разоряйся, неимущий:
Из Америки навозим
Работяг, коль сгинешь ты!

Из Америки – пшеницы,
Из Америки – певицы,
Из Америки – болезни,
Из Америки – шприцы...
Успевай посторониться,
Русский «лодырь», «раб», «тупица», –
В узелок – манатки, песни
И – валяй под бубенцы

Вниз по матушке по Волге:
Ветераны, комсомолки,
Пионеры и партийцы,
Сталин, Ленин, револю...
Ох и резвые ребята
Те, что нынче в демократах
Во Москве, родной столице,
В той, которую люблю!

Все родное – «оплошало»,
«Обнищало», «отощало»,
То ли дело за границей:
Облизнулись, кто бывал!
А народец неезжалый
Надо выместить, пожалуй,
Иль помочь скорее спиться,
Чтоб езжалым не мешал.

Пере-пере-пере-пере:
В атмосфере, в мере, в вере!
Ты создашь – они разрушат, –
Что возьмешь с таких ребят?
Потому не будь тетерей:
На ворота, ставни, двери
Закрывай, Россия, душу,
Не выстуживай себя.

1988 г., 2003 г.

ТАМАРА РУБЦОВА (г. Юрга Кемеровской области)
В МАРЬЕВКУ

Из болтливой, потной давки
В ночь меня втолкнул вагон.
На вокзале – дед на лавке.
Баба спит, держа бидон.
И, в тоску меня вгоняя,
Пролетают поезда.
На вокзале надпись: «Яя».
«Где же Марьевка тогда?» –
Я у женщины спросила
И услышала ответ:
«Как же – где?
У нас, в России,
Жил там Федоров. Поэт».
И светлеет ночью темной.
Жду. Кого б еще спросить,
Чтоб порадоваться – помнят
О поэтах на Руси.
1998 г.

АЛЕКСАНДР ИБРАГИМОВ (г. Кемерово)

Василию Фёдорову

Здравствуйте, родные,
На исходе лет.
Здесь места грибные,
Да грибочков нет.

Дождики слепые
С палочкой идут.
Любы здесь любые
Помнят всех и ждут.

Войны-возвращенья,
Ветер в рюкзачке...
Тайна всепрощенья
Спит в березнячке.

Выпасы пустые,
Тропка у креста.
Все места босые –
Отчие места.

1994 г.

ПЁТР ПРОСКУРИН (г. Москва)

Василию Фёдорову

Перелёты долгие, дальние –
Крылья от боли стонут...
Крики мои прощальные
Стелются по небосклону,
Сердце в минуту горькую
Рвётся к северным далям –
Звёзды в рассветы звонкие
Тихими росами пали.
И на русской околице,
Веруя в святость приметы,
Молча женщина молится
За грешную душу поэта...
Реки, стёжки мои, излучины –
Нет ничего чудесней! –
Под весенними тучами
Не обрывается песня,
Над туманами вешними
Ход времён изначальный, –
С плачами неутешными»»
Лёт журавлей венчальный...
Русь идёт себе, не сторонится –
Её песня ещё не спета...
И коль стихла её околица,
Смерти нет у поэта!
1987 г.

МИХАИЛ ГУСАРОВ (г. Новосибирск)
Василию Фёдорову

Наш мир, он, в сущности, несложен,
Коль в жизни нам заботы ждут...
Как надо, чемодан уложен,
И есть ещё пяток минут,
Чтоб оглядеться и заметить:
Над самым краешком земли
Две звёздочки на небе светят,
А к ним два рельса пролегли...
Но если б вправду было просто:
Вскочил на скорый – и до звёзд,
Я петухов на эти звёзды
Горластых самых бы отвёз,
Чтоб стал теплее свет их синий
И так – чтоб эхо по горам! –
Они с моей землёй,
С Россией,

Перекликались по утрам...
1978 г.

НИКОЛАЙ ХОНИЧЕВ (г. Томск)
НА ФЁДОРОВСКИХ ЧТЕНИЯХ

В сентябре чуть привялено солнце.
Наслаждаюсь изюмным теплом.
Вот над Марьевкой песня взовьётся
И потянет осенним дымком.

Здесь улыбкой твоей, дорогая,
По Василию песня грустит.
А с горы без конца и без края
Удивительно солнечный вид.

Побываю в музее поэта.
Помолчав, постою у крыльца...
Пусть ушло виноградное лето,
Но ушло в человечьи сердца.
2003 г.

ВЛАДИМИР ШУМИЛОВ (с. Смолино Кемеровского района)
МАРЬЕВКА

памяти Василия Дмитриевича Фёдорова

Жизнь подчиняется закону,
всё возвращается на круг.
Взяв в руки свечку и икону,
помолится за друга друг.
И томик, изданный при жизни,
вдруг оживёт в его устах.
Он скажет нам, что не был лишним
ты в этих марьевских местах.
В местах, где Яя вдаль стремится,
купая неба синеву,
где сердцу радостней стучится,
встречая раннюю весну.
Где певчий дух стиха ложится
на сердце, будто бы бальзам,
где светится теплом светлица,
где легче думается нам,
где мы уходим и приходим
с желаньем всё сполна познать,

Твоей усадьбой тихо бродим,
тебя пытаемся понять.
Всё тот же дом с осенним садом,
твой карагач во всей красе.
Всё то, чему здесь сердце радо,
всё то, что нас влечёт к тебе.
И выйдет в круг, расправив плечи,
По крупной утренней росе,
Чтоб опереться, как на вечность,
На плечи и сердца друзей.
1997 г.

ПЁТР МОРЯКОВ (г. Новосибирск)
НОВАЯ ЗВЕЗДА

Василию Фёдорову

Над нашим городом, над Обью,
Всходила новая звезда.
Стихи, и с радостью, и болью
Я слушал чутко, как всегда.
Читал их Фёдоров Василий,
Хоть молодой, но молодец.
Он был во всем под стать России –
В душе – певец, в плече – боец.
У речки Каменки, в предместье,
Увидел он здоровяка,
Такой же вот широкой кости –
И на плечо легла рука:
«Привет, Орёл! А ты мне нравишься, –
И он в замок ладони сжал, –
А знаешь что – давай ударимся! –
И ухом он к «замку» припал. –
«Ну, бей!» Но парень отстранился:
«Зачем же так? Ни-ни! Не-не!»
«По что?» – Василий удивился.
«По то, что ты по сердцу мне».
«Мы ж не всерьёз, а ради блажи.
Ведь мы с тобой не варнаки».
«Ни-ни! Не-не! Обидно даже».
«А так чесались кулаки!»
Глаза Василия блуждали,
Хоть не приучены грустить.
Проснулся в нём азарт Буслая,
Что потешал всех на Руси.
2013 г.

ДЕНИС ЦВЕТКОВ (г. Иркутск)
НАЗАРКИНА ГОРА

Её судьба,
Как в сказке, необычна.
Поистине, – семь бед – один ответ.
Здесь с детства жил
Дружок мой закадычный, –
Российский замечательный поэт.
Хотя он жил
Не так уж и богато,
Но щедр душой и знаниями богат.
Был дважды, за стихи, Лауреатом
Мой названный,
Мой верный друг и брат.
1999 г.

ВЛАДИМИР РОМАНОВ (г. Новосибирск)
МАРЬИН КОРЕНЬ

Василию Фёдорову

Деревня Марьевка. Назаркина гора.
И озеро Кайдор у ленты Яи.
Городим изгородь. Стучим в два топора.
И жерди к тонким кольям подгоняем.

Сибирским кедром пахнет новый дом,
Вознёсшийся, как храм на косогоре.
Тяжёлый шмель рокочет над кустом.
Он облетает белый Марьин корень.

И у хозяина такой же цвет волос,
Размером шевелюра в три бутона.
И шмель свой поиск быстро перенёс,
Гудит над головою монотонно.

«Шмель не ошибся, – говорит поэт, –
Он, как и я, искатель убеждённый.
И голова моя бела, как цвет.
Я – Марьин корень, в Марьевке рождённый».

ВАЛЕНТИН СОРОКИН (г. Москва)
ПРОЩАНИЕ

Василию Фёдорову

Вот и ты лежишь в земле родимой,
Навсегда суров и молчалив,
А в сибирской пойме лебединой
Реют зори, плещется залив.

Ветер сник на поле Куликовом.
И теперь в Москве не видишь ты.
Как по древним тропам Ермаковым
Прорастают красные цветы.

А в доме скрипит и плачет ставень,
Вечной мглы ему не покорить.
Ну зачем же за себя оставил
Ты меня страдать и говорить?

Свет – призванью и терпенье людям,
Умираем здесь, а не гостим.
Нужные заветы не забудем.
Грубые обиды не простим.

Не сбегали мы, не уезжали,
Хорошо иль плохо – всё одно.
Нам нигде с тобой за рубежами
Смысла и покоя не дано.

Ведь от совести не отпереться,
В тайниках судьбы не скрыть её.
Кто стрелял в твоё больное сердце,
Тот сегодня ранил и моё.

Снова грозы даль приморосили
И над миром встала синева.
Длинные бессонницы России
Перельются в думы и слова.

Перельются, в душах отзовутся,
Тихо вспыхнут звёздами в ночи.

И к твоей могиле прикоснутся
Их неодолимые лучи.
1984 г.

АНАТОЛИЙ ПОБАЧЕНКО (г. Новосибирск)
ПОЭТУ ВАСИЛИЮ ФЁДОРОВУ
СОНЕТ

С тобой подняться б на Седьмое небо,
в лугах бродить до третьих петухов,
насобирать штаниной лопухов
и сытым быть от марьевского хлеба.

Когда весна, то не грустила б верба,
что нету рядом рыжих женихов –
подсолнухов. Они для пастухов
незаменимы, солнечные гербы.

Но вот ненастит в окна, и в душе
острее боль от чуда-витражей,
что вставлены в промасленные лужи.

Со всеми радость долгожданных гроз
делил он, слово доброе пронёс
к сердцам людей по салаирской стуже.

ЮРИЙ ГАБДРАХИМОВ (г. Томск)

...Мне б взрастить,
Что посеяно...
Василий Фёдоров

ПОСВЯЩЕНИЕ

Незримо мы переплелись.
Не токмо словом, но и смыслом.
И как бы внове родились,
Как два ведра под коромыслом.
Пытаясь славу возродить,
На тиражах и гонорарах?!
Нить времени не изменить,
Судьба на троне иль на нарах...
Слова он черпал из колодца.
С Души, что чище родника.
И знал, покуда сердце бьётся,
Нам не доступны облака!

27.11.2014 г.

ГЕННАДИЙ ГОРЮНОВ (г. Анжеро-Судженск)
ПАМЯТИ ПОЭТА

Василию Дмитриевичу Фёдорову

Он нёс в себе благую весть.
И нечего стесняться,
Нам всем, присутствующим здесь,
Хотелось бы подняться
В литературе до высот,
Что взял земляк когда-то.
Поэт-певец земных красот
В Россию верил свято.

Стремленье предков смог извлечь
Из глубины сознания...
Призвал «костьми за правду» лечь
И, заслужив признание,
Дерзнул открыто говорить
И обличать пороки,
Умел другим глаза открыть,
Чтоб извлекли уроки
Из тех коллизий, что вокруг,
Сгущая зло, творятся.
(Чтоб не замкнулся адский круг...)

...Да, многие боятся
Открыть на скорбный мир глаза
(Стыдливо взоры прячут)
И ждут, когда пройдёт гроза,
О чём-то мелком плачут,
Не видят главного, увы!
В деталях растворившись,
Не поднимают головы,
С гнетущим злом смирившись.

...Мне интересно, как бы он –
Хозяин сих пенатов,
Ответил на народа стон,
На козни супостатов?

Нет! Равнодушие ему,

Конечно, не присуще,
Имел причастность ко всему,
Живя в событий гуще.
Не побоялся бы сказать
Весомейшее слово.
(Сибирский нрав свой показать)...
Да, не вернуть былого.

И нам его не воскресить,
Но и самим не худо,
Увидев зло, себя спросить:
«Кто ты такой, откуда?»...
Не зря же всем нам завещал
Быть честными Василий,
Поэт трудягу защищал
И не жалел усилий...

Борясь, он делал всё, что мог
И не забыт народом.
Он видеть истину помог...

...Дороже с каждым годом
Нам его память, земляки...
Его сужденья стройны,
Заслуги очень велики...
Так будем же достойны,
Путь указавшего, его.
(Нам на него равняться).
Правдивых, честных – большинство.
Дай им, Господь, подняться!
2013 г.

АЛЕКСАНДР СЕВЕРНЫЙ (г. Нижний Новгород)
ЕСЕНИНУ СИБИРИ

Здесь Небеса ложатся
На Земную грудь
И отдыхают до рассвета
Под музыку Бетховена,
Что не подвластна злу,
Вбирая гаммы тишины
Всемирного несовершенства...
А полночь, в тиши,
С Назаркиной горы
До Родника доносится,

Тревожа спящи дали,
Печатный стук,
Как колокольный звон,
Народных чаяний
Былинных предсказаний...
И дале, шибче, звонкая
Струя-струна
Стекается в Кайдор,
Чтоб в волновом приливе
Вписаться в ноты
Заливных лугов,
А ниже –
Речка Яя растеклась
С напором
Жарких, страстных строк...
Где в чистом зеркальце
Видно
Одно Лицо –
РОССИИ и СИБИРИ...
2012 г.

ЛАРИСА ФЁДОРОВА (г. Москва)
СТИХИ о ТЕБЕ

Не из шёлковых трав
Прорастают они...
Из стерни прорастают,
Где срезан был колос.

А ещё из убитой
Пустой колеи,
Там, где бродит Душа,
От печалей земных
Не опомнясь...

**НЕ ХОДИ ПО КРАЕШКУ.
НЕ ХОДИ...**

Не ходи по краешку.
Не ходи!
Там, за этим краешком,
Нет любви,
Там, за этим краешком,
Жизни край.

Ох и доиграешься,
Не играй!
Там, за этим краешком,
Пустота,
Твоего бессмертия
Высота.

Я ГОВОРЮ, А ЛЮДИ ПЛАЧУТ...

Я говорю, а люди плачут,
Как о своём пережитом,
И тяжелей мне: это значит –
Судьба опять грозит перстом...

Астрономы твердят о звёздах,
Изысканны их имена,
Моя сияет неопознанной,
И часто снится мне она.

Учёный, с мощным телескопом,
Открой её и возвести,
Она ведь самая высокая –
Ей с Млечными не по пути...

Ах, люди, странные такие,
Что плакать о любви чужой,
Моя любовь как летаргия –
Проснусь, не разлюбив, седой...

Но к небу лик не запрокину.
Сияй, звезда, а мне смотреть
В ту сторону, где мой любимый
Земли родной покинул твердь...

Душа моя не понимает,
Как мог он так уйти легко,
Не попрощавшись, не рыдая,
Без поцелуя моего...

Да сбудется ему, о боже!
Он гостем был, миры зовут.
Зовут! А он своё недожил –
Любви не выдышала грудь.

ПОЭТУ

Как сок берёзовый, так слёзы о тебе –
Текут, текут... Да только не сладки...
А рядом чья-то песня проголосная,
А рядом смех, печалям вопреки...

Приемлю всё: и песню, и веселье,
Ты их любил, ты жизнь любил сполна,
Большой корабль, ты ненавидел мели,
Тебя несла высокая волна.

Искателям глубин – и океанов мало!
Искателям высот – и космос не предел!
Прости, что не всегда я понимала
Трагизм души за сутолкою дел...

Я не скажу, что счастье было полным,
Безоблачным, что слёз я не лила,
Нет, не пыталась я в ушко игольное
Поэта Жизнь втянуть,
Как нитку для шитья.

Мужской свободы хмель завиден многим,
А жёнами почти непостижим...
Мой Звёздный Друг, небесные дороги
Поэзии твоей не знали лжи.

Ночь глубока. Столицу сон сморил.
Чу! Не звонок ли? Открываю двери.
Но пуст проём, лишь ветерок сквозил
Оттуда – из миров,
Где звёздные метели...

НИ В ДОМУ ТЕБЯ, НИ В МИРУ ТЕБЯ...

Ни в дому тебя,
Ни в миру тебя,
Если б знала я, где ты есть,

Я послала б тебе соловьиною,
Лебединую
Или просто – весть!

Над морями ли,
Над горами ли
Твой неистовый дух парит?
И какими он жив
Хоралами?
Или там, где ты, –
Всё молчит?

Дни и месяцы
Стали круглыми,
Покатилися колесом...
Как небрежно при жизни
Любим мы
И как яростно
Любим потом!

КАК ДОЛГО Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ

Как долго я тебя люблю,
Ни в чём тебе не присягая,
Пусть присягают королю,
Измены яд приберегая.

Любовь моя – сестра Свободы,
А будь бы узницей она,
Меня б хватило на полгода,
Душа легко б достала дна.

Мы друг для друга –
Как планеты
С локтями гор и тишью вод,
И часто крик:
“Любимый, где ты!?” –
Любви трагический исход.

Неразлучима я с тобою,
Хотя при собственной оси...
Тебе лишь знать,
Чего я стою
Средь всех любимых

На Руси!

МИЛЫЙ ДРУГ, ЗАМЕЛО ТЕБЯ СНЕГОМ...

Милый Друг,
Замело тебя снегом,
Всё вокруг белизною взялось.
Ты покорным таким
Ещё не был,
Быть покорным
Впервые пришлось.

Никому
Ты уже не перечишь.
Замело?
Ну и пусть замело.
Быть земным – нелегко,
Но и Вечным,
Знаю,
Тоже Тебе нелегко.

ТЫ ТЕПЕРЬ ГРАЖДАНИН ВСЕЛЕННОЙ

Ты теперь Гражданин Вселенной.
Не по книгам постиг – по судьбе.
Млечный путь тебе по колено,
Облака — по колено тебе.

Прикоснулся ли Ты к Гамалее?
К Веге? К Марсу?
И прочим мирам?
Там, наверное, холоднее,
Там грустнее, чем кажется нам.

Ах, Земля! Тяготенье земное
Будет вечным, куда б ни взлетел.
Каждый спросит в разлуке с ней:
“Кто я?
Всё ли сделал, чего я хотел?”

НОЧНАЯ ВОДА

Это ты меня научил
Звёздной ночью к озёрам ходить,
Воду чёрную звёздную пить,
Чтоб тебя не смогла разлюбить.

Чтоб тебя не могла разлюбить,
Ты водил меня к тихим потокам,
Но ни разу берёзовым соком
Не сумел ты меня напоить...

А берёзки на вешней земле,
Словно девушки в белом, бродили,
Их одежды светились во мгле,
Когда звёздную воду мы пили...

Может, счастье и было когда,
Может, не было... Я не ручаюсь.
Между мной и тобой всё ночная вода,
Со звездой,
Что спит в ней, качаясь...

НЕ ВЕЛЯТ О МЁРТВЫХ ПЛАКАТЬ К НОЧИ

Не велят о мёртвых плакать к ночи,
Не велят,
Будто бы от слёз им худо очень,
Говорят...

Я-то знаю – мой живей живого,
Слышно мне,
Как он ждёт и слёз моих, и слова
Там, во тьме...

Если со слезой слеза сольётся,
Я пойму —
Спит Мой Друг
На солнечном погосте —

Мир ему!

Он не умер,
С жизнью не покончил,
Жизнь любя,
Только стал безмолвнее и тоньше
Ковыля...

ЧАС ТВОИХ ВОЗВРАЩЕНИЙ

Час твоих возвращений
Не изменен! –
Ритмов моих учащение,
Прерванный сон.

Льдом тоска заковала,
В панцирь взяла,
Долго в тот вечер рыдала,
Гостя ночного звала...

Бурю не я ли накликала?
Даже дубы вповал!
Ты сухопутным викингом
В доме своём побывал.

Ветром распахнута рама,
Знаю — пришёл и взглянул! –
Нет, не взглянул — грянул! –
И твой портрет на полу...

Колос литой, марьевский,
Из вазы... Ну как же он смог?!
Будто печаль нотариуса:
“Здесь я, твой колосок!”

Знаю: зовёт тебя поле!
Знаю: зовёт река!
Милый мой, будь спокоен,
Выполню твою волю,
Я ведь живая пока...

РАЗЛУКА ДЛИТСЯ...

Разлука длится – ты уходишь

В туман. Теряешь очертанья.
А я к тебе еще добра,
И полон ты очарованья.

Благодарю!
Не то, не то! –
Благоговею! – так точнее.
Ещё точнее: я люблю!

Туман.
Прошу тебя, помедли,
Оставь хотя б его глаза.

Но ничего уже нельзя,
Аккорд уж прозвучал последний...

Всё понимаю. Заслонюсь
От памяти горами, долами.
Обильна синевою Русь.
Тепла земля, трава, река.
А мне всё холодно,
А мне всё холодно...

НЕТ, ЛУЧШЕ СНЕГ

Художнику Герману Захарову

Сколько стен у меня, сколько комнат,
Сколько крыш над моей головой,
Только где я хозяйка – не помню...
Жизнь на прочность не ладит со мной.

Всюду гостя – и в сердце, и в доме,
Гостя я за весёлым столом,
Всюду гостьей считаюсь я, кроме,
Кроме лишь на портрете одном...

Тот художник и ныне не весел.
Рентгенолог! – пощады не жди!
Белых крыльев стою в перекрестии,
В белых крыльях погибшей любви.

Тут музей... Среди стен отрешённых
Время дышит с портрета, как весть –
Что была я в любимых и в жёнах,

А теперь экспонатом я здесь.

Эта женщина в плоти и крови,
В платье цвета болотной воды
Смотрит с верою в жизнь, не по-вдови:
“Лебедь мой, возвратись, обними!”

И один за другим разбежались
Все дома и все стены мои,
Руки-ноги мои задрожали
От единственной этой любви.

Говорят, что в музеях лишь холод?
Но тогда я жилью твоему,
Как доселе не виданный донор,
Всё тепло и всю кровь перелью!

ДРУГУ

Я сказала: “Прощай, мой любимый”,
Я сказала: “Обид не таи”...
Совершилось непоправимое
Меж тобою, землёй и людьми...

Говорю я слова, говорю...
Но зачем же они обеднели,
И не светится слово “ЛЮБЛЮ”,
Как светилося семь раз на неделе?

Потому что разверзлась земля
От такого, как ты, ей дарения,
Средь блистанья апрельского дня
Разделясь на круги и ступени.

Через шесть беспокойных веков
Не придут к тебе Дант и Вергилий,
И не будет проводников
В преисподнюю – к тем, что грешили.

Добротою твоей сражена,
Все грехи я твои позабыла,
Не вдова я твоя, а жена –
И люблю горячее, чем было!

Мы прошли испытательный срок
Всех превратностей, всех привыканий,
И хранил нас поэзии бог
На спасительной собственной грани.

Отрицая дуэтовый лад
Повторения и перепевы,
Мы взрастили поэзии сад
Разноликий
И разнодеревый.

Не сорвутся с ветвей твоих яблоки
Золотые, с тех белых берёз...
Ты жалел и синичек, и зябликов,
Добротой, превышавшей твой рост...

Шар земной в твоём сердце гнезвился,
Всех любил – без различия рас,
Одному только богу молился —
Богу Мира! –
Глазами без фраз.

Не прощаюсь:
Стихи твои – рядом,
Честность рядом и смелость борца.
Был всему человечеству братом,
Этой верности нету конца.

ВМЕСТО ВОСПОМИНАНИЯ

*Напишите о нём воспоминание...
Официальная просьба*

О Тебе – Воспоминания?
О Тебе – в прошедшем времени?!
Все слова мои изранены
В долгом за Тебя борении..

Жизнь со мною в спор вступает:
“Ты отдай его Музеям,
Только там сохранна память,
Если Слава сиротеет...”

Я покорствую устало:

“Вот рубашка. Галстук... Боже!
Это всё такая малость,
А уже мороз по коже!”

Я покорствую устало,
Жизнь минувшую итожа, —
Вещи...книги...это малость,
Но когда не книги – что же?!

Вещь – молчание, не более.
Я дала бы вам рыдание,
Отдала бы свои боли я
Жёнам всем для назидания.

Люди добрые, простите!
Это горести обвал,
Он – Земли Высокий Житель –
Мне иной наказ давал:

Я отдам вам Дом, в котором
Был он добрым, как нигде,
Родники его подгорные
Со стрекозкой при воде...

Возле дома-сиротины
Мальчик-кедр... Дубки с ладонь...
Кто найдёт их средь тропинок,
Наклонитесь к ним с водой...

Все кукушки прилетели
К нам на изгородь весной,
Сколько лет ему налгали –
Двадцать жизней обещали
И не дали ни одной...

Не хулите сих пророков,
С птицы спрос – не по уму,
Накукованные сроки
Пригодятся хоть кому!

Только он был здесь, Мыслитель,
Прорицатель и Поэт.
С доброй Марьевской орбиты
Не сходил он много лет.

Бывший сеятель, он ведал,
Что такое злак ума –
Иль трибун, с рукой воздетой,
Или пораженья тьма...
Золото его речений
Можно пробовать на зуб,
Он от собственных свечений
Метеором – в неба глубь!

Метеору – метеорово.
Не судите – не судим.
Но в ту огненную сторону
Устремите взгляд за Ним!

ВОТ И ДЫМ ТАБАЧНЫЙ ВЫВЕТРЕН...

Вот и дым табачный выветрен...
Даже пачку папирос
Кто-то, посчитав реликвией,
К доброй памяти унёс.

Вдруг исчезнет фотография.
Промолчу, не упрекну –
Ты для всех теперь на дальнем,
Невозвратном берегу.

В каждой комнате портретно,
В каждой комнате цветы,
Только Ты всё безответней,
Будто Ты уже не Ты...

Недочитанные книги,
Недопитое вино...
И поэм Твоих вериги –
Всё упало, как на дно!

Только зарево от Жизни
На полнеба занялось...
На какой Планете ближней
Поселиться удалось?

Жасмин отцветает, жасмин отцветает,
Жасмин, что обнялся с крылечком,
Цветущие ветки к ступеням склоняет,
Живою душой не привечен...

Запущенный сад и жильё не в уюте,
Мой друг здесь давно не живёт.
И только жасмин в отцветающей смуте
Метёт на крыльцо и метёт...

Ступени осыпаны цветом опавшим.
О, как на крылечке светло!
И нет в этом мире прекраснее стражи
Пока не повергнуто зло.

В раздумьи глубококом стою перед входом –
Жасминовый снег на пути!
Ты Богом ниспослан нам, грешным, в угоду!
И ты уже необратим!

Но вдруг словно ожили эти ступени,
Хранившие милых следы...
Какие следы, если все мы – как тени
Распутий своих посреди!

А время нам память песками заносит,
Оно пострашнее пустынь.
Но Жизни дорога всё просит и просит:
– Иди, чтобы след не остыл!

Приложение № 8

Литературная викторина по поэмам Василия Фёдорова «Проданная Венера», «Седьмое небо»

Задания литературной викторины по поэме Василия Фёдорова «Проданная Венера» (1956):

1. В пятом номере журнала «Октябрь» за 1957 год поэма Василия Фёдорова «Проданная Венера» вышла под заголовком «Бессмертие». Какое из заглавий Вам кажется более точным. Обоснуйте своё мнение.
2. Известно, что Василий Фёдоров работал на двух авиационных заводах Сибири. Приходилось ли ему бывать на металлургических заводах страны и с какой миссией? Сколько металлургов в поэме «Проданная Венера»?
3. Сколько ценителей красоты в поэме Василия Фёдорова «Проданная Венера»? Назовите эпизоды.
4. Сравните описание красоты Наташи Граевой и титанической Венеры в поэме Василия Фёдорова. В каком эпизоде поэмы два образа накладываются один на другой? Объясните смысл этого эпизода?
5. Определите главный философский вопрос поэмы «Проданная Венера»? Как он разрешён автором?
6. Поясните смысл финальных слов поэмы «Проданная Венера»: «За красоту / Людей живущих, / За красоту времён грядущих / Мы заплатили красотой»?
7. Первым опубликованным стихотворением Василия Фёдорова было стихотворение «К матери». Появилось оно 18 января 1940 года в иркутской областной газете «Советская молодёжь». Представлена ли эта тема в поэме «Проданная Венера»?

Задания литературной викторины по поэме Василия Фёдорова «Седьмое небо» (1967):

1. Сколько лет Василий Дмитриевич Фёдоров писал поэму «Седьмое небо», имел ли он опыт работы в жанре поэмы? Какой награды был удостоен поэт за создание поэмы «Седьмое небо»?
2. Тема истинной и ложной дружбы в поэме Василия Фёдорова «Седьмое небо». Что помешало лжедругу стать настоящим другом? Кто настоящие друзья у главного героя поэмы?
3. Сколько рек в образной системе поэмы «Седьмое небо»? Какова их художественная функция?

4. Какие самолёты и авиаконструкторы упоминаются в поэме «Седьмое небо»? Сколько полётов совершил в поэме Василий Горин? Связано ли это с заглавием поэмы?
5. Как вы поняли слова в «Эпилоге прощания»: «Любви несчастной нет, она, какой бы ни была, - счастлива»?
6. К каким классическим образцам мировой литературы обратился автор в поэме «Седьмое небо» для выстраивания межтекстового диалога? Какие писатели и герои упомянуты в поэме? Для чего использован в поэме литературный контекст?
7. Определите границы исторического времени в поэме «Седьмое небо». В чём своеобразие художественного времени поэмы, какова в этом плане роль фантастической главы «Земля и Вега»?
8. Можно ли применить следующие определения к поэме «Седьмое небо»: «романическая поэма», «романтическая поэма»? Обоснуйте свою точку зрения.
9. Критики не раз отмечали афористичность поэтического слова В. Д. Фёдорова. Какие поэтические философские обобщения, образные выражения из поэмы «Седьмое небо» вам захотелось выписать и запомнить?

Приложение № 9

Статьи о творчестве В. Д. Фёдорова

ТАМАРА МАХАЛОВА ЖИЛ ПО СОВЕСТИ ПОЭТ

// Три имени / сост. и ред. Т. И. Махалова. – Кемерово, 1990. – С. 48-98.

Мы – люди,
Нас легко обидеть,
Но ты подумал ли хоть раз,
Что я бы мог и не увидеть,
Мой друг,
Твоих печальных глаз?

В. Фёдоров

Поэт Василий Фёдоров... Продолжая лучшие традиции русской и мировой литературы, он говорил с современниками философски мудрым, граждански страстным языком своей поэзии. Отмеченные печатью высокого таланта и душевной щедростью, его произведения поднимали коренные вопросы современности. Поэта дала миру Сибирь. Она взрастила его своим могучим духом. Неоглядным простором своим воспитала в нём умение видеть за далью даль. Музыкаю ветра и метели, журчанием рек и родников своих пробудила в нём поэтический дар. Она вложила в него доброе сердце, нежную душу и высокий талант.

Родился поэт на сломе двух исторических эпох – в первый год Советской власти, 1918-й. Родился в Кемерове... Вырос в деревне Марьевка...

Кемерово... Яйский район... Марьевка... Если глянуть на карту Сибири, в самой сердцевине её – Кемеровская область, на севере области – Яйский район. И по отцовской и по материнской линии корни родословной поэта – в Марьевке, а если глубже, дальше – в Поволжье.

История Марьевки сходна с историей большинства сибирских сёл. На берегах Яи первые рубленые избы появились в семнадцатом веке, интенсивно эта местность заселялась в следующем веке российскими крестьянами. Считается, что так же возникла и Марьевка – в 1825 году. В Марьевке рождались первые дети Дмитрия и Ульяны Фёдоровых, потом семья переехала в Анжерку, на шахты Михельсона, где появились ещё шестеро ребятишек. Василий Фёдоров родился девятым ребёнком, когда семья поселилась уже в Кемерове, в шахтёрском бараке.

– Где это было? – спросила я однажды Василия Дмитриевича. Мы шли по улице Весенней к набережной, и, когда поравнялись с нынешней улицей Н.

Островского, он указал на то место, где сейчас расположено здание «скорой помощи». Поэт и город – ровесники. Образованное из двух сёл – Щеглово и Кемерово – последнее в год рождения поэта получило статус города и наименование Щегловск, с 1932 года его называют Кемерово.

1918-й, 1919-й. Тревожные и голодные годы. Почти ничего не строили. Как было каменщику Дмитрию Фёдорову прокормить свою многодетную семью? Надо перебираться в деревню – к земле-кормилице, к родным...

Приезжая в Кемерово уже известным поэтом, Василий Дмитриевич с женой останавливался в последние годы в гостинице «Кузбасс». Заходил в Кемеровскую писательскую организацию на Советском проспекте, 40; любил вечерами пройтись по Притомской набережной; бывал в библиотеке имени Н. В. Гоголя на Весенней; выступал с чтением стихов в редакции газеты «Кузбасс», когда она ещё размещалась в нынешнем Доме актёра; выступал в магазине «Книжный мир». Несколько раз заходил в здание Дома печати по улице Ноградской – в книжное издательство и облкниготорг, чтобы отобрать книги в подарок марьевской школе. Бывал на Кемеровской телестудии, когда записывались его передачи; в один из приездов, интересуясь капом, посетил на улице Дзержинского мастерскую замечательного мастера резьбы по дереву В. П. Заложных. В июле 1979 года впервые побывал в Горной Шории, пожил несколько дней в Усть-Кабырзе. Тяжёлые дни болезни он провёл в кардиологическом и хирургическом отделении областной больницы. Осенью 1982 года после операции жил в профилактории «Сосновый бор» под Кемеровом.

Летом 1980 года общественность области чествовала своего талантливую земляка, лауреата Государственных премий России и страны. В филармонии состоялся большой авторский вечер. Высокий, седой, он читал в тот вечер вдохновенно и страстно «С тобой, Россия», «Пророчество», «Совість».

Совість – главное в каждом человеке. «Совість» – одно из самых сильных стихотворений в советской поэзии. Оно само и страстное исполнение его наиболее точно передавали душевную боль за человека, общество, природу. И полнейшую искренность, бескорыстие натуры, но одновременно и сложность и принципиальность. Отважная душа поэта рождала отважную душу его поэзии.

На этом вечере для меня облик поэта на сцене сливался с образом Бетховена в его поэме: «... Пришли к нему на гордое служенье апостолы Добра и Красоты. Его творенье со злом за счастье начало боренье, за чистоту, за красоту страстей, с жестокостью, с пороками людей. И вот уже, испытывая жажду Добра, Любви, красивой и большой, томилась люди, и тянулся каждый за просветлеющею своей душой. Недоброе и пагубное руша, в борении не становясь грубей, он вскидывал спасённые им души и в зал бросал, как белых голубей».

И всё-таки, приезжая в Кемерово, поэт всей душой и помыслами стремился в Марьевку. Марьевка Яйского района. С юга на север района протекает река Яя, принимая в себя воды речек Золотой Китат, Алчедат,

Бекет... Бекет?.. Но ведь, по рассказам жителей Сросток, первоначально так именовалась русифицированная потом в Пикет гора на родине Василия Шукшина. Не сказываются ли здесь этнические связи этих двух мест, давших миру талантливых сынов своих?..

Выезжая из Кемерова в Марьевку, поэт всегда старался обойтись без провожатых. Видимо, хотелось ему остаться наедине с воспоминаниями детства и юности. Особенно это его состояние начиналось чувствоваться, когда машина выезжала на дорогу, ведущую из Яи в Марьевку. Вот промелькнули поля и перелески, показались вдали родные места, каким-то лёгким жестом Василий Дмитриевич поправляет светлую кепочку на голове; вглядываясь, поворачивается вправо... одна, последняя верста... и рощица уже видна... блеснёт кувшинками Кайдор... просветится реченька Яя... словно сквозь сон покажется грустный до сих пор силуэт деревеньки... просветлеет взор на родничке под горою. Недалеко от этого родничка и поселилась семья Фёдоровых в тот, первый год жизни поэта. Было здесь всего четыре домика «подгоринских» бедняков.

Марьевка стоит «на высоком берегу древнего русла. Под нею озеро, окаймлённое зарослями черёмухи и калины, за озером – заливные луга, устланные цветами, за лугами – быстрая пескарёвая река с белёсой гладью, с береговыми скулами выгибов, за рекой зелёный лес с тёмными пиками кедров и далёкий туман... В солнечный день за ним далёким-далёким амфитеатром поднимаются новые поля и перелески. Осенью, когда созреют хлеба, на закате они особенно красивы. На всём уже лежит тень, а этот приподнятый окоём на десятки вёрст полукруга всё ещё светится и отливает золотом. Когда всё это однажды единым махом открылось моему взору, я онемел от изумления и полюбил на всю жизнь», – напишет поэт впоследствии, определяя значение этой земли в своей судьбе и подходя к мысли о том, что «поэтом надо делаться в детстве».

Первые, самые яркие впечатления. Первые чувства – радостные и горькие. Поэзия мира и природы. Чудо жизни. Красота. Всё это открылось взору и душе ребёнка здесь, в Марьевке, и определило его жизненное дело.

Марьевское детство его пришлось на горячие годы гражданской войны, когда Марьевка стала партизанской деревней; как могла, боролась против контрреволюции и Колчака под руководством подпольной большевистской группы, созданной Иваном Николаевичем Кудрявцевым. Подгоринские домики служили явкой партизанам. Пришлось оно и на бурную общественную жизнь в последующие мирные годы. Первым секретарём комсомольской ячейки был старший брат Пётр, затем комсомольскими вожаками перебивали все братья и сёстры Фёдоровы. А жилось семье тяжело. Умер от тифа глава семьи Дмитрий Харитонович.

– Василий Дмитриевич, а запомнили Вы самую последнюю встречу с отцом, где, когда? – спросила я поэта на съёмках телеочерка «Здесь отчий дом» летом 1980 года.

– А вот сейчас покажу. Давайте-ка спустимся к моему родничку.

Пока спускались с горы, Василий Дмитриевич задумчиво всё поглядывал да поглядывал на луг, где когда-то, я знала, стоял подгоринский дом. Наверное, вспоминая, Василий Дмитриевич невольно и подошёл не к роднику, а на пепелище того, последнего отцовского дома. Остановились. Помолчали. Мне думалось: не стоим ли мы на том, давнем, крылечке? Василий Дмитриевич закурил, глядя в землю; потом обвёл каким-то горько-отрешённым взглядом кустарники, за которыми Яя, Кайдор, родничок... Был тихий бессолнечный день, почти безветренный, только где-то далеко-далеко скрипел коростель... Василий Дмитриевич вздохнул:

– Отец... Хорошо помню... Лет пять мне уже было... да, лет пять... Отец идёт рядом с лошадей, запряжённой в телегу, – поднимается в гору... уходит от меня... Больше я отца не видел.

Мы смотрим на дорогу, которая снизу, от лугов, от озера, огибая чуть-чуть Назаркину гору, ведёт в деревню... деревню тех далёких лет, когда семья осталась без кормильца.

Спасла семью, конечно, её сплочённость: дружно, все вместе работали и в поле и по дому, вместе сочиняли стихи и частушки. Мама, Ульяна Наумовна, лечила больных ребятишек травами, заговорами да народными песнями, знала она их во множестве, любила рассказывать и сны свои, истолковывая их по-своему и предугадывая будущие семейные события. Не здесь ли истоки «Снов поэта» – классически прекрасных новелл? И не случайно, конечно, сюжетно и написанием они связаны Свет-Марьевкой.

Но раньше успел он пройти «добрую школу труда... довелось боронить, пахать, вить верёвки, работать колхозным водовозом, учётчиком МТФ, младшим счетоводом, кассиром колхоза, помощником бригадира и даже... золотоискателем». Одновременно выковывался характер поэта, писалась биография души: «Однажды я натолкнулся на какой-то «учёный» труд, в котором говорилось, что талантливыми бывают только первые дети. Это меня уязвило. Я не мог признать своей обречённости и повёл многолетний тайный спор с этой капитулянтской теорией...». И хотя рождение поэта – тайна, «мне кажется, в больших семьях, вместивших разные характеры, разные сферы жизни, в семьях, остро переживших социальные переломы, рождение поэта – явление... закономерное. Должна же на чьей-то душе оседать семейная соль».

Именно годы детства и юности, трудные и окрылённые, сильное поэтическое влияние матери, вся родная природа и земля эта определили личность поэта, его поэзию и даже подсказали форму некоторых его произведений. Доказательство последнего – запись самого Василия Дмитриевича о замысле «Женитьбы Дон-Жуана»: «Как-то в своей деревне Марьевке, бегло знакомый с октавой и спенсеровской строфой «Чайльд Гарольда», не имея их под рукой, я начал сочинять что-то шутовское, будучи уверенным, что пользуюсь одной из этих классических строф. К моему позднему удивлению, моя «октава» оказалось строфой, которая пока мне не встречалась в русской поэзии, а главное – она пришлась к моему двору, к

замыслу, внося в него некие мечтания моей ранней юности». Да и писалась поэма большей своей частью в Марьевке, но уже в семидесятые годы.

Первые шаги по земле... первые литературные шаги – судьба определила им сибирский край. Жизни мальчонки из Марьевки коснулись ещё два сибирских города, Новосибирск и Иркутск. Учёба в авиатехникуме, несколько лет работы на авиазаводе мастером, старшим мастером, технологом. И первые публикации в 1939 году в заводской многотиражке по инициативе её сотрудников Василия Стародумова и Дениса Цветкова. Неизменным оставалась для Василия Фёдорова всегда поэзия, которая и ввела его в круг профессиональных писателей Новосибирска – Е. Стюарт, А. Смердов, А. Коптелов, С. Кожевников, И. Мухачёв и другие. Выход в свет первой книги – «Лирическая трилогия», 1947 год – тоже в Сибири. А потом была Москва, литературный институт. Творческий рассвет.

При чрезвычайном разнообразии тематики произведений поэта и прозаика Фёдорова: от ранней повести «Добровольцы» и первых стихов до вершинных поэм («Проданная Венера», «Бетховен», «Седьмое небо», «Женитьба Дон-Жуана»), стихотворений, ставших советской классикой, до «Снов поэта» – сквозными всегда оставались для него три темы: человек в современном мире, красота в разных её аспектах, природа.

Ещё в те времена, когда всюду пропагандировали покорение природы / нечего ждать милостей от природы – взять их от неё! /, ещё тогда, предвидя нынешнюю трагедию, прямо на неё указывая, Фёдоров писал: «Бей, сердце, в сатирический, трагический набат: уж тебе, химический полезный комбинат!», «Упадёт ли ствол ли, ветви ли, сердцем вздрогну я. Боже мой, когда в свидетели позовёшь меня?», «Природа и сама стремится к совершенству, не мучайте её, а помогайте ей».

Доискиваясь «до самых главных истин» в размышлениях своих об этой трагедии, он уходил вглубь истории и сопрягал их даже с религией. Вспоминается разговор с Василием Дмитриевичем в семидесятых, когда наконец-то уговорили его выступить на Кемеровской телестудии. В передаче беседовал о молодой поэзии, Кузбассе, Марьевке; прочёл он зрителям строфы из неоконченной тогда ещё «Женитьбы Дон-Жуана». А когда вернулись домой, беседа неожиданно пошла о дохристианской религии славян. Не помню, что послужило толчком к ней, возможно даже, очень жаркий и особенно душный, загазованный день этот. Василий Дмитриевич говорил о том, что вот, мол, всё думаю: было бы у нас такое варварское отношение к природе, если бы христианство в своё время не заступило путь язычеству праславян? Все языческие боги имели отношение к наиболее общим природным явлениям: Стрибог – ветру, Дажьбог и Хорс – солнцу, Сварог – огню, Перун – грозе, молнии и т. д. Этот разговор так крепко засел во мне, что все эти годы думалось: да, действительно, когда-то на Руси, не так давно, всего лишь несколько столетий тому, мы, славяне, поклонялись язычески той матери-природе, что вырастила нас и воспитала. Молились Солнцу, Дереву, Цветку, воспитывали сына или дочку не только в уважении к природе – в любви к ней

истинной... Такая, дохристианская, религия была в гармонии с душой и природой.

Не тогда ль сказалась вся талантливость народа, его предвидение, и мудрость, прозорливость – в будущее, закрытое от нас теперь напастью века – атомным кошмаром, разладом в душах человеческих! Не пора ли вернуться нам к религии той древней и сделать вновь религией единой, единой всех землян, – Природу?! Эти три понятия – природа, человек и красота – умел поэт соединить в их взаимосвязи единою, короткою, но ёмкою строфой: «Ещё в глазах белым-бело... По северу кочуя, я видел лебедя крыло, я видел лебедя крыло – им подметали в чуме».

Всегда, даже во времена так называемого застоя, до наступления гласности, он умел на всю страну сказать свои «крамольные» мысли. «Отдам народу сердце, руки, но только пусть не говорят, что я слуга народа – слуги всегда с хозяином хитрят», – произнесённое им с высокой трибуны, это стихотворение припечатало к позорному столбу недопустимую барственность жизненного положения многих депутатов и сразу же сняло с употребления лозунг «Депутат – слуга народа». А как давно написаны строки «коровники кирпичные, а клубик деревянный» – задолго до выдвижения социальных задач общества на первый план. А стихотворение «Бюрократ и демократ»?.. До 1984 года. Как и «Високосный год», «Нас грешник учит больше, чем святой», «Говорят, что красоты не стало...». А «Пророчество»? – «О, человечество, куда ты, куда ты, милое, идёшь?.. Утраты восполняя скупое, ты истребляешь безрассудно природы вековой посев... Твой самый добрый из пророков, я жить и мыслить устаю». Или «Не зову тебя, Мрачный финал. Боль и грусть мне давно надоели. Может, это не грусть, а сигнал о невзгодах земной колыбели?»

А стихотворение «О, Русь моя...» написано до 1961 года! И опубликовано: «О, Русь моя!.. Огонь и дым, законы вкривь и вкось. О, сколько именем твоим страдальческим клялось! От Мономаховой зари тобой – сочти пойдя – клялись цари и лжецари, вожди и лжевожди. Ручьи кровавые лились, потоки слов лились. Все, все – и левые клялись, и правые клялись. Быть справедливой власть клялась. Не своевольничать в приказе. О, скольких возвышала власть, о, скольких разрушала власть и опрокидывала наземь! Народ, извечный, как земля, кто б ни играл судьбой, все вековые векселя оплачены тобой». Василий Фёдоров как настоящий поэт был предельно гласным и социально активным все четыре десятилетия своего творчества. Поистине поэт – это нервный центр мира.

И одновременно нелёгкие обязанности секретаря правления Союза писателей РСФСР, члена редакционных советов издательств «Гослитиздат», «Современник», «Советская Россия» и другие общественные нагрузки. Время шло, и вот уже из семиметровой коммунальной комнатухи поэт с семьёй перебирается в тринадцатиметровую комнату, а затем и в отдельную квартиру, много публикуется, всё вроде бы ладится, но взглянет в окно – видит широкий шумный московский проспект и домов громадьё, выйдет к реке – а Москва-река закована, зажата асфальтом. Щемяще колыхнёт сердце тоской по Яе-реченьке,

привидится родная деревенька. И вновь всё это заслонится нагромождениями каменных домов.

Но всё равно в стороне восходящего солнца филигранью красуется-вспоминается могучий кедр. Не потому ли, не в тоске ли по родной сторонушке возил с собою, пересаживал в новые сады свои Василий Дмитриевич сибирский кедр, пока не укрепился он, не вымахал в высоту у летнего домика поэта на хуторе Гаврилов, что в часе езды всего от квартиры на Кутузовском проспекте. Вот и стоят они рядом на давнем фото – кедр и поэт, один – в зелёном наряде своём, другой – в телогреечке: то ли сын с отцом, то ли отец с сыном.

Поэтому-то каждый год неизменно возвращался поэт на родину, один или с женой, останавливался у своей сестры Марии Васильевны Арышевой. Её отец Василий Наумович Кириллов и мать поэта – родные брат и сестра. Мария Васильевна родилась в Марьевке, всю свою жизнь и судьбу разделила с родной деревней, в трудное для страны и колхоза время в пятнадцать лет пошла работать трактористкой на долгие и тяжёлые шесть лет. Честно, с полной отдачей сил выполняла и потом разные колхозные работы.

В её домик с синими ставнями часто приходил поэт и потом, когда у него уже появился дом на Назаркиной горе. Ему нравилось доброе и требовательное отношение Марии к людям, незаурядный ум, характер, её образная русская речь.

– Где же стоял дом Фёдоровых, что купил Пётр после смерти отца в 1923 году? – спрашиваю Марию Васильевну. Она наклоняется к низенькому оконцу и показывает влево, на край деревни, который тогда, в 20-х годах, назывался Забегаловкой.

Заходящие лучи солнца слепят глаза и помогают воображению представить тот дом, «волею судьбы оказавшийся, – как писал поэт, – рядом с домом бабушки Фёдора и маминого брата дяди Василия». Давно уже нет старого дома на Подгоринке, нет и в Забегаловке, но вот почти уже двадцать лет стоит на Назаркиной горе новый дом. «Я давно мечтал в такой поре справиться дом на солнечной горе... А ещё, мечтаний не тая, пригорюнить баньку у ручья...» Говорят, что до революции марьевцы собирались построить на этой горе церковь, уж очень хорошо это место: высокое, светлое, открываются с него сибирские дали, обвевают его буйные ветры, хорошо дышится здесь, далеко видится здесь. Планировали, планировали, да так и не построили. Теперь уже, с лета 1970 года, супруги Фёдоровы приезжали в свой дом, построенный по замыслу поэта.

<...> На сибирской земле рос большой русский поэт, формировался его характер, талант, личность. Как могучее дерево кедр, крепло растающее корнями в недра, чтобы взметнуть ввысь животворный зелёный факел кроны. Как могучая сибирская река Томь, берущая начало в таёжных родниках, чтобы нести воды свои через пороги и плёсы к океану. Творчество Василия Фёдорова – наше национальное достояние. И как важно нам, его современникам, сохранить все документальные материалы о поэте. На родине поэта эта работа началась с открытия музея В. Д. Фёдорова в Марьевке, тогда временно

разместившегося в школе. 7 декабря 1984 года. <...> Музей Ф. М. Достоевского в Новокузнецке, В. Д. Фёдорова – в Марьевке, В. А. Чивилихина – в Мариинске. Создаётся своеобразное кольцо литературных музеев, литературных праздников области. Отрешившись от суеты и обыденщины, идут взрослые и дети в музеи, на праздники, чтобы прикоснуться к живительному роднику творчества, чтобы соразмерить свою жизнь с идеалом жизни по совести.

АЛЕКСАНДР КАЗАРКИН
ПОЭТЫ О ЗЕМЛЕ КУЗНЕЦКОЙ.
ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ ФЁДОРОВ

// Казаркин А. П. Литературное краеведение в Кузбассе.
Учебное пособие. Кемерово, 1993. – С. 32-41.

Промчится время – много, много лет,
Посмотрят люди, спросят мимоходом:
– Откуда он? –
И скажут им в ответ:
– Он – марьевский
И поступью, и родом.

Эти стихи Василия Фёдорова когда-то удивили критиков: поэт гордится тем, что он из безвестной деревни. А это был манифест целого направления в поэзии: говорить о возвращении домой, к истокам, к корням. В этой любви было покаяние Блудного Сына: «Я бросил ветку В речку-реченьку С моста, гремевшего над ней, Чтоб ветку ту прибило к вечеру Под окна матери моей». Земляки Василия Фёдорова узнают в его поэмах знакомый пейзаж. В поэме «Седьмое небо» река Яя увидена из космической дали. (Тогда ещё не выходил в открытый космос земляк поэта космонавт Леонов). Покидая Землю, прежде всего родную речку вспомнил лирический герой поэмы, повинился перед нею, и вот заклинает её:

Налимовая,
Пескарёвая,
Да сохранятся на века
Твои глубины окупёвые
И черемшовые луга.
Да не иссякнет вод течение,
Да будут дымкой голубой
Ходить туманы над тобой
И заревые и вечерние.

Лирика Василия Фёдорова учит точному и глубоко элегичному восприятию природы. Она полна чувства невосполнимой потери. А лучшая из

его поэм – «Седьмое небо» – поэма о тяжбе земного и небесного в душе современника, о земной любви и нашей космической вине перед землёй-матерью. Эта поэма прихотлива по композиции, единство её – в лейтмотивных картинах малой родины. Творческий эксперимент поэта здесь – поместить лживое, конкретное чувство родной деревни в космическую раму. Из невероятной дали, со звезды Веги, видит герой-автор родную деревню, её окрестности, речку Яю.

Что же даёт такой условный сюжетный ход? Поэма вся – о цене успеха, о постепенной утрате «чувства первичности» земного. Красота и сила – конфликт этот не раз ... в стихах Василия Фёдорова. Вечная красота и сегодняшняя польза – чему отдадут предпочтение люди? Вот суть нравственного выбора в стихах поэта-сибиряка. Особенно ясно он отразился в поэме «Проданная Венера». Ясно, что такой замысел мог родиться только дома, на малой родине поэта – в Кузбассе. Это картины земли, отданной на заклятие Машине, красоты, которую обменяли на сегодняшнюю пользу.

Нельзя не заметить двойственности чувства лирического героя, и в этом – правда времени. Когда-то шедевры мирового искусства, хранившиеся в музеях России, большевистское правительство обменяло на машины. То была эпоха первых домен. Важное напоминание «Мол, помните, когда здесь рыли Для первой домны котлован, она плыла за океан. Навстречу ей машины плыли». Для современника, человека конца века, здесь нет проблемы: такой обмен кажется чудовищным. Но поэма «Проданная Венера» напечатана в 1956 году, и поэт – во власти времени. Так родился парадоксальный мотив, кажущийся теперь неоправданным: «За красоту людей живущих, за красоту времён грядущих мы заплатили красотой». Тут широкое поле для полемики: точно ли для лучшего будущего пожертвовали мы Красотой или, напротив, отдали тем самым его? Ответ поэта не оставляет сомнений: пожалуй, тут он не «вечности заложник», а пленник времени. Впрочем, иной ответ на такой вопрос в ту пору и не был бы напечатан, такой был склад, дух эпохи.

Родная Марьевка для поэта – источник просветления. В рассказе о ней нет никакой отвлечённости, и, тем не менее, лучшие стихи книги «Марьевские звёзды» справедливо оценены некоторыми критиками как философская лирика. Но встреча с родной деревней вызывает в лирическом герое не восторг, а стеснение сердца, чувство вины.

Свет-Марьевка!
Но где же радость?
Где теплота?
Где встречи сласть?
Томительная виноватость
В груди отравой разлилась.

Любить малую родину так же естественно для нравственно полноценного человека, ну, как любить мать. Но в суматохе жизни для них как-то не остаётся

времени. Герой-поэт то пролетает, то проезжает мимо родного дома, и остаётся послать весточку.

Я бросил ветку
В речку-реченьку
С моста, гремевшего над ней,
Чтоб ветку ту прибило к вечеру
Под окна матери моей.
Огни зажгутся в Яя-Борике,
Когда она с поклоном дню
Сойдёт к реке помыть подошники
И тронет весточку мою.

В снах, в фантазии человек то и дело возвращается домой, к своим истокам, к родникам детства, а в реальности живёт в большом и, в сущности, чуждом городе. Он давно мечтает вернуться и лучшую часть жизни провести дома, но так и уходит из жизни с этой неисполненной мечтой. Так и умер Василий Фёдоров, не успев вернуться окончательно. Так же не успел вернуться домой Василий Шукшин, а раньше него – Николай Рубцов. Эти художники-современники, пожалуй, ближе всего по мироощущению Василию Фёдорову. По тематике, «деревенской», их относили к одному направлению. Их объединяет, прежде всего, скептическое отношение к мифолоте «научно-техническая революция».

Сергей Есенин, о котором много и с благоговением писал Василий Фёдоров, сказал для всех поколений поэтов: «Знаешь, почему я поэт? У меня родина есть. У меня Рязань. Я вышел оттуда и, какой ни есть, я приду туда же». Это была отповедь имажинистам, беспочвенным «переворотчикам» всего естественного, жизненно-органического. Надо слышать полемические выпады и в высказывании Василия Фёдорова. «У каждого поэта для его любимой местности должен быть некий фокус красоты, то есть место, откуда красота видится наиболее ярко. Для меня это Назаркина гора около Марьевки. С неё я часто смотрю и не могу насмотреться на знакомые с детства картины природы. Они для меня как простой хлеб, не сдобренный излишними пряностями. Сладости и другие специи слишком быстро набивают оскомину. Марьевка с её людьми и природой мне никогда не надоедает. Она возвращает мне чувство первичности». Заметим, однако, что это первичное чувство земли у нашего земляка связано с чувством космического размаха жизни. Наверное, в этом сказался опыт века. Чего бы стоили все звёздные игры без теплого дыхания земли?

Мир Веги идеален, но бедная родная Земля привлекательнее, она мила неброской красотой, глубже западающей в сердце. В космическом масштабе малая, такая беззащитная Земля вызывает у поэта чувство жалости, точнее, – сострадание. Издали она показалась рано состарившейся матерью – кое-где ещё в остатках былого народа, а где-то и в лохмотьях. Ну, совсем как одинокая, покинутая женщина – «накрутилась, дымом накурилась, лечебных наглоталась

порошков»! Так можно сказать только про мать-одиночку, от которой отвернулись взрослые дети. Так она обобрана, так вся выложилась на них, а им до этого и дела нет.

О Земле-планете говорит поэт как о рано постаревшей матери, о вине детей и о неблагодарности их: «Ещё бы жить да жить моей планете, Ещё бы сиять сиянием чела, Когда бы не изматывали дети, Что в звёздных играх юной зачала». Сложное, двойное видение: звёзды домашние, понятные и беспредельно далёкие одновременно. Не случайно книгу «Марьевские звёзды» критика и восприняла как своего рода манифест, творческую программу. Это открытие поэта стало очевидным, когда появилась лирическая книжка Николая Рубцова «Звезда полей». Но «Марьевские звёзды» были раньше, а пафос – тот же: «Здесь всё зримо, здесь жизни основа основ, Мне становится как-то намного яснее».

Василий Дмитриевич Фёдоров родился в Кемерове в 1918 году, а детство и отрочество провёл в деревне Марьевка на Яе. Внимательный читатель замечает в его стихах и поэмах чувство ущерба, наносимого земле родной, явно родившееся из наблюдений на малой родине. Прощаясь с родной деревней, поэт обещает остаться марьевским везде и всегда. Речь здесь о нравственно-духовной «оседлости», не надо толковать эти стихи буквально. Но тяжба земного и космического – отличительная примета поэзии Василия Фёдорова, чья известность пришлась как раз на время первых полётов в космос. Пожалуй, вот это обилие образов и мотивов вселенского масштаба и отличает его от других «деревенщиков». К этому относились по-разному. Так, поэт А. Прокофьев с некоторой досадой спросил о поэме «Седьмое небо»: «Зачем тебя понесло на эту Вегу?» В самом деле, если лучшее в поэме – тема милой родины, тихой речки, отцовский дом, – зачем картины Веге? А если это поэма о любви, опять же Вега, кажется, ни при чём. И только весь контекст поэм и лирики В. Фёдорова помогает уяснить масштаб обобщений автора. Он писал о цене успеха, о вине перед землёй, о неизбежной утрате «чувства первичности». Красота и сила, прекрасное и польза – это очень актуальная тема, это эпохально значащий конфликт, позволяющий измерить все достижения критериями красоты и человечности.

Смирение перед малым, родным рождает покаянную исповедь. Основная стихия в поэмах Василия Фёдорова – лирико-исповедальная. А обращение к космической теме даёт новый масштаб чувству прощания с землёй:

Земля моя,
Моя родная Русь,
Везде с тобой
Моё земное сердце.
Неужто я,
Когда домой вернусь,
Услышу плач
И стоны погорельцев?

Земля моя,
Тревожно мне порой,
Как будто в тесном доме
Без привычки
Детей своих оставил за игрой,
И не прибрал,
И не припрятал спички...

В стихах Фёдорова нельзя не заметить трагических мотивов. Поэт острее других видит, чувствует красоту земли, но и больнее других окликается на пограние её, ведь «всё несовершенство мира лежит на совести его». Для грани 50-60-х годов вызовом звучали его слова: «Не надо пугаться грустных, а порой трагических стихов. Трагедия – удел лучших, передовых. Она не помешает нашему оптимизму». Можно, конечно, посчитать эту формулу «конформистской», несколько в духе казённого оптимизма. Но ведь для того времени это было явно «еретическое» высказывание. Первая книга стихов Василия Фёдорова была оценена тогдашней «ударной» критикой как ущербная, «декадентская», не отвечающая духу комсомольского энтузиазма переделки всего на свете. Именно за обращение к «вечным темам» и набросилась советская критика на молодого поэта-сибиряка. Само отсутствие ритуального бодрячества воспринималось как чуждый советской поэзии дух упадка, пессимизма. Поднаторевшие в обличительных штампах критики обвинили поэта ещё и в «эстетстве». Да и позднее, в 50-60-е годы, многим литераторам стихи Фёдорова казались несозвучными эпохе. Только к концу 60-х годов к нему пришла настоящая известность, до этого его путь в литературу был нелёгким. В чём же причина? Явно, в том, что не было в его стихах той «секундомерной» эстетики, которая стала модной в конце 50-х и долгое время господствовала. И поэт спрашивает современников:

Куда спешим?
Зачем?
Познать ли новый век
Или поспеть к беде,
К ковчегу Ноеву?..

Было время, да и не ушло оно ещё, – поэзию представляли как своего рода спортивный азарт, приёмы кулачного боя. Но позиция подлинного поэта всегда одна: «В поэзии не значат ничего боксёрские и прочие приёмы». На этом пути поэзия перестаёт быть собой, подменяется чем-то другим – уходит от тишины и мудрости, впадает в ложные соблазны. Как никогда раньше, важен сейчас «компас», природная интуиция добра и красоты: «Время, переживаемое нашей планетой, невероятно сложно. С одной стороны, высокие достижения ума, научных и технических открытий..., с другой – падение в скотство, распад личности, тупая жестокость войн, убийство ни в чём не повинных людей, жаждущих только того, чтобы остаться самими собой».

Чем же спасается человечество? – Красотой, – отвечает Василий Фёдоров – вполне в духе позднего Достоевского. Нет, поэт-сибиряк вовсе не проникнут христианским чувством, в этом смысле он – человек своей, советской, эпохи. Но вполне христианским кажется его чувство смирения перед земным, перед жизнью. Испытание красотой – так можно обозначить сюжет большей части стихов Василия Фёдорова, всех его «книг любви».

Человек способен оценить чудо жизни по величине своей души, надо уметь соединять начало и конец жизни: «Не удивляйся, что умрёшь, дивись тому, что ты живёшь». Эстетическая позиция Фёдорова – «соприродность». Она-то и видна в теме любви, где внимательный читатель должен различать полемические, скрытые выпады. В годы литературной молодости поэта процветал в советской литературе ханжеский запрет на естественное понимание отношений мужчины и женщины. Вот почему огромный поток советских стихов о любви отвращает современного читателя неживой литературщиной, фальшью. Как всякая неподлинность в искусстве, это ведёт к искривлению вкусов, прививает молодому читателю противоестественные вкусы. Казалось бы, ну и пусть тешат себя иллюзиями, упражняются в припудривании жизни, если им нравится быть бестелесными! Но не без основания говорил Василий Шукшин, современник и земляк В. Фёдорова, о «лазутчиках из мира лжи». Они отучают видеть и понимать подлинное в искусстве и в жизни, исподволь, шаг за шагом. Конечно, не меньшую опасность, а сейчас, пожалуй и большую, представляет противоположная крайность – та пряная эротика, та бескультурная сексомания, которая хлынула недавно на околотитературный рынок. Думается, Василий Фёдоров занимал здесь разумную позицию. Если читателей 50-60-х годов почему-то «коробило» от слов о виде тела, то читатель 90-х склонен здесь видеть чуть ли не ханжество. Но мерой правды-красоты и здесь для поэта-сибиряка была «соприродность», Земле – земное, природа сама задаёт здесь меру, отбраковывая всё выморочное, наносное.

В поздней лирике Фёдорова появляются всё чаще образы гротескного характера. Всё дальше расходятся человек и природа, всё явственнее их антагонизм, всё гуще приметы извращённого отношения к красоте, всё явственнее отупело-механическое невосприятие её. И вот потрясение: даже на «диком Севере» то же господство нежити:

В глазах ещё белым-бело...
По северу кочуя,
Я видел лебеда крыло,
Я видел лебеда крыло...
Им подметали в чуме.

Да, зрелую лирику Василия Фёдорова можно назвать безотрадной по чувству, но это потому, что она вся посвящена самому важному – прекрасному в живой природе. Лириком-созерцателем сейчас может быть поэт лишь с пониженной болючувствительностью или уж намеренно уходящий от «болевых

точек» времени. Многих сейчас тянет к идиллическим картинам – по контрасту. Но ведь эта «позиция страуса» нереалистична: нельзя спрятаться от эпохи. И вот тут Василий Фёдоров предлагает свой «Мёртвый лес»:

Здесь, где умер шелест,
Некого спросить,
Чьих миров пришелец
Приходил косить...

Критик Ю. Прокушев назвал свою статью о стихах Фёдорова, пожалуй, излишне размашисто – «Поэт-пророк». Какое тут пророчество, когда поэт оставил нам одни вопросы? Он считал: важнее всех предсказаний честное признание неблагополучия, чувство боли. «Мы не врачи, мы – боль», – сказал о литераторах Герцен. А то ведь немало таких скоропалительных «лекарей», которые предлагают «лекарства», не имея представления о болезни. Да, мир наш опасно накренился. Но дело поэта – не рецепты избавлений, – надо довести до современников, земляков чувство неблагополучия, близкой катастрофы. Даже вот в этом широко известном стихотворении Фёдорова больше вопросов и боли, чем предсказаний:

Меня охватывает дрожь.
Когда смотрю в провал заклятый.
О, человечество, куда ты,
Куда ты, милое, идёшь?..
Земли не вечна благодать,
Когда далёкого потомка
Тыпустишь по миру с котомкой,
Ей будет нечего подать.

Есть все основания назвать позднего, зрелого Василия Фёдорова антиутопистом. Пришло разочарование в бурных замыслах-проектах, но зато больше мудрой сдержанности. Отповедь «бесоодержимым» «переворотчикам» природы немыслима при сохранении бодряческого преклонения перед сверхпрогрессом. Ведь даже к экологической теме сейчас примазываются дельцы-карьеристы, пенкосниматели от науки. Но «жизнь отрекается» от таких.

Наследие поэта не нуждается ни в захваливании его, ни в излишнем критицизме. Он сам понимал сотворчество как сопереживание участи родной земли: многие беды страны им увидены на местах его детства и юности. Участвуя в «Фёдоровских чтениях», люди приобщаются к «чувству первичности»; наследие поэта в первую очередь нужно его землякам. Полезно послушать и диалог, который Василий Фёдоров вёл с поэтами-земляками. Для некоторых из них он был «крёстным отцом», другим – стал наставником на пороге творческой зрелости, для многих литераторов-сибиряков он – внимательный критик. <...>

ПЁТР ДОРОФЕЕВ
ВЫСОТЫ, КОТОРЫХ ОТДАВАТЬ НЕЛЬЗЯ.
ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ ФЁДОРОВ

// Дорофеев П. М. Во власти долга: Воспоминания, статьи, очерки, стихи
(1995-2005 года). – Кемерово, 2005. – С. 322-329.

Литературная общественность Кузбасса и всей России, любители и почитатели русской словесности в феврале 2003 года отметили 85-летие выдающегося поэта земли русской, нашего земляка Василия Дмитриевича Фёдорова. Не берусь за непосильную для себя задачу исследования литературного наследия Василия Фёдорова, но как человек, близко знавший поэта и влюблённый в его творчество, хотел бы поделиться своими мыслями и в порядке воспоминаний рассказать о некоторых памятных встречах и беседах с Василием Дмитриевичем. Его называют явлением русской поэзии, крупнейшим поэтом нашего времени, а провожая в последний путь в апреле 1984 года, справедливо нарекли «Великим». Он не был избалован критикой, «заласкан» радио и телевидением. Однако после его смерти, на первый праздник поэзии Василия Фёдорова, состоявшийся летом 1985 года в его родном селе Марьевка, съехались со всей России и Кузбасса около 20 тысяч почитателей его таланта.

В чём сила поэзии В. Фёдорова? В её искренности, мудрости, народности, а это значит – его поэзии жить века! Всякая фальшь и полуправда обречены на быстрое умирание. Истинная же поэзия всегда дышит правдой жизни, она неразрывна с тем временем, в котором живёт поэт. Первый томик стихов Василия Фёдорова мне попал в руки в далёкие 60-е годы. Прочёл, как говорится, на едином дыхании и был поражён глубиной поэтического мышления поэта, нравственным пафосом его поэзии. Через строки его стихов чувствовался поэт-философ, поэт-мыслитель, поэт-гражданин своего Отечества.

Сам Фёдоров в автобиографическом повествовании «О себе и близких» пишет: «Моя работа над стихом, видимо, шла не по линии овладения формой, а скорее по линии содержания, достижения свободы выражения мыслей и чувств, естественной интонации, которую я ценю в стихе более всего... В конечном счёте, о чём бы и о ком бы мы ни писали, мы пишем о себе. Наш взгляд на мир, сам отбор материала, манера его изложения, – всё говорит о нас, пишущих». В. Фёдоров, по собственному признанию, не мог писать стихи легко и «складно», не бередя душу, не пропуская через своё сознание тревогу и боль, радости и улыбки окружающего его мира. При этом поэт выводит свои стихи на высоты подлинной гражданственности, гуманизма, борьбы за светлые идеалы, за сердца людей:

Всё испытав, мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая, займёт наш враг.
Займёт, сводя всё те же счёты,

Займёт, засядет, нас разя...
Сердца! Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя.

Василий Фёдоров, будучи человеком пытливым и любознательным, очень пристально всматривался в жизнь, в «лицо своего века», и в своих поэмах, стихах ярко отражал главную, магистральную правду эпохи во всех трудностях, радостях и невзгодах. Свою ответственность перед Родиной, высокое предназначение поэта он видел не в слащавых, торжественно-парадных писаниях по случаю... и без случая, а в освещении – с обжигающей душу правдой и бескомпромиссностью – острейших проблем нашего бурного времени, показе без прикрас нелёгкой судьбы человека-труженика, строящего новый мир, он был убеждён, что надо «не по праздникам любить народ, а по горьким и тяжёлым будням».

Однажды я был свидетелем запомнившегося мне разговора Василия Дмитриевича с секретарём обкома партии, к сожалению, безвременно, в 54-летнем возрасте, ушедшим из жизни, Владимиром Никитичем Полецковым. Они впервые познакомились, будучи у меня в гостях. Я представил В. Полецкова как секретаря обкома КПСС по сельскому хозяйству, кандидата сельскохозяйственных наук.

– О, это интересно! – потирая руки, воскликнул Василий Дмитриевич и тут же буквально вцепился в моего коллегу, забросав его вопросами.

– Скажите, сколько требуется времени, чтобы председатель колхоза мог прочно стать на ноги и начал работать со знанием дела?

– Исходя из собственного опыта, могу сказать – года три-четыре, – отвечает Полецков.

– А вот у нас в Марьевке каждый год меняется председатель колхоза. Не успеешь запомнить имя, как опять новый. Что же это за кадровая политика на селе?

Касаясь обустройства сёл, Василий Дмитриевич вновь атакует Полецкова вопросом:

– Почему строящиеся дороги от села к селу проходят не через сёла, а в обход? По деревне непролазная грязь, а прекрасные грунтовые и даже асфальтовые дороги бегут за околицей? Фёдоров задавал этот вопрос, а мне вспомнилось одно его стихотворение:

Над родимой стороной
всё обильней, всё обильней
Непроглядную стеной
льют тропические ливни.
Грязь такая, что, пыхтя,
не пройдёшь к родне по ней,
Грязевой вулкан – дитя,
перед Марьевкой моей....
Сам завяз – и боль острее:

Нашей Марьевке и многим,
В коммунизм идти быстрее
Не дают пока дороги.

Василий Дмитриевич не унимается:

– А кого власть любит на селе больше – коров или людей?

Полецков воспринимает вопрос как шутку, тем не менее отвечает:

– Людей, конечно.

– А я думаю – коров. У нас в Марьевке для коров сделали прекрасные кирпичные коровники, а вот для людей по-прежнему старый, деревянный клубик довоенной поры. Мне стало ясно – откуда родилась тема для написания такого четверостишия:

Картина не типичная,
Но облик постоянный:
Коровники кирпичные,
А клубик деревянный.

Впоследствии, когда Полецков стал председателем облисполкома, я обратился к нему с предложением как-то изменить облик Марьевки. Надо отдать должное Владимиру Никитичу – он сделал многое по обустройству малой Родины поэта: было принято специальное постановление облисполкома, по которому были построены дорога, Дом культуры, школа, носящая имя Василия Фёдорова, торговый центр.

Выросший в деревне, познавший с детских лет нелёгкий труд хлебороба, Фёдоров до конца своей жизни был предан родной Марьевке, её прекрасной природе, чарующему вольному простору лесов, полей и лугов, открывающемуся взору с Назаркиной горы, где стоял домик поэта. В письме к поэту А. Дементьеву он писал: «Деревня, предстающая в её трудовом состоянии, всегда была и будет нашим первейшим эстетическим цехом. О социальном значении деревни нечего и говорить».

За годы знакомства с В. Д. Фёдоровым и общения с ним, мне кажется, я понял главные, основные черты характера этого удивительного человека: предельная честность, скромность, совесть, высочайшая интеллигентность в самом прекрасном значении этого слова. Как же он, поднявшийся из простой крестьянской семьи, не похож на некоторых современных так называемых «интеллигентов», которые могут с каким-то сладострастным глумлением чернить наше историческое прошлое, публично призывать президента расстреливать законно избранный парламент, а протестующий против диких реформ народ обзывать быдлом, красно-коричневыми совками. И при этом считать себя интеллигентным сословием, «умом и совестью России»!

До знакомства с Василием Дмитриевичем мне всегда представлялось, что широко известные, почитаемые и прославленные поэты легко идут на эстрадные выступления, любят перед народной массой почитать свои стихи, не

гнушаются шумных проявлений любви к ним восторженных почитателей. Всего этого Василий Фёдоров, к моему удивлению, начисто был лишён. Не любил он парадного суесловия, помпезности, сторонился броской, но мало что значащей для истинной поэзии литературной эстрады, и тем сильно отличался от некоторых «гениев», постоянно мелькавших на подмостках и в телепередачах.

Помню, с каким трудом пришлось уговаривать Фёдорова на встречу с кемеровчанами. Его близкие друзья – супруги Махаловы, работники обкома КПСС настойчиво убеждали его дать согласие на выступление, а он с нескрываемым волнением отвечал, что это слишком великая ответственность, что он изрядно подзабыл некоторые свои стихи, а читать по книжке неловко, и наконец – он боится не оправдать наших надежд. Но встреча всё же состоялась. И какая это была встреча!

В жаркий день, в переполненном зале филармонии почти два часа Василий Дмитриевич рассказывал о трудном и тернистом пути поэтического творчества, великолепно читал свои стихи и в буквальном смысле заморозил аудиторию, которая с благоговейным трепетом внимала каждому слову прекрасного поэта, чтеца, рассказчика! Будучи на редкость строгим и взыскательным к своему творчеству, он органически не терпел фальши, пустой рифмованной болтовни, не дающей пищи ни уму, ни сердцу:

С тех пор, как тобою поклялся,
С тех дней, как я принял твой путь,
Всю жизнь я, Отчизна, боялся
В надеждах тебя обмануть.

В памяти нашей Василий Фёдоров навсегда останется выдающимся поэтом современности, удивительным мастером поэтического слова. Он своим вдохновенным творчеством щедро обогатил великое наследие русской классической литературы. Василий Дмитриевич Фёдоров умер 19 апреля 1984 года. Но жива его бессмертная поэзия, озарённая дыханием правды, чистоты, безмерной любви к своему народу, к Великой России. И эта любовь находит свой отклик в душах людей, которые чтят память выдающегося поэта. Почти ежегодно после его смерти благодарные кузбассовцы и многие гости из России приезжают в Марьевку на «Фёдоровские чтения», посещают Назаркину гору, низко кланяются изваянному в бронзе поэту и благодарят верного сына России, воспевшего так ярко, душевно и искренне величие человеческого духа, его красоту, доброту и устремлённость к лучшему.

Однажды, в один из заключительных дней Фёдоровских чтений, прибывший в Марьевку губернатор области А. Г. Тулеев в своём выступлении подчеркнул, что поэтическое творчество выдающегося поэта России Василия Дмитриевича Фёдорова заслуживает права именоваться классикой Отечественной литературы, и министерству образования следовало бы подумать о предоставлении места его творчеству в школьных учебниках. В порядке поддержки предложения А. Г. Тулеева хотелось бы немного

поразмышлять над извечными проблемами нашей литературной жизни – соотношением подлинно высокого искусства, востребованного народом, и той частью литературы, жизнь которой зачастую бывает короткой...

У Василия Фёдорова есть такие строки:

Мне б, не горбясь под ношею,
Надо с прежней охотой
Сделать что-то хорошее,
Сделать доброе что-то.

Мне б взрастить, что посеяно,
Ну, хотя бы до всхода,
И уйти, как Есенину,
Под защиту народа.

Думается, настало то время, когда нашего выдающегося земляка, говоря его словами, надо брать «под защиту народа». Речь идёт не о защите от враждебных ему сил. Таких «смелых» нет. Стихи Василия Фёдорова способны защитить сами себя от выпадов мелкотравчатой, околотрудовой нечисти. Речь о другом. О недругах всего русского и российского, избравших иезуитский путь замалчивания творчества поэта.

Вот примеры: издательство «Вече» в Москве в 2001 году выпустило в красочной обложке книгу «Самые знаменитые поэты России». Составитель Прашкевич включил в число «самых знаменитых», начиная с Ломоносова, Державина, Пушкина, Лермонтова, и таких, на мой взгляд, весьма второстепенных, как Хлебников, Северянин, Бальмонт, Мандельштам, Гиппиус, Шершеневич, Ходасевич, Нарбут, Бродский и др. Среди этих имён не нашлось места Василию Фёдорову и многим другим нашим любимым поэтам, широко известным в стране и за её пределами. Спрашивается, какими оценочными критериями руководствовался Прашкевич, ведя отбор «самых знаменитых»?

Однако, бог с ним, с Прашкевичем. Можно простить частному составителю эту бьющую в глаза нелепость, но можно ли простить научное издание «Большая Российская энциклопедия», которое, выпустив в свет «Новый энциклопедический иллюстрированный словарь» в 910 страниц, «забыло» вписать в него имена Василия Фёдорова, Егора Исаева, Валентина Сорокина, Станислава Куняева, Юлии Друниной, Алексея Суркова и многих других выдающихся поэтов, патриотов земли Российской?

Вместе с тем составители энциклопедического словаря не забыли с комментариями и портретами разместить там всё тех же Игоря Северянина, Зинаиду Гиппиус, Константина Бальмонта, Осипа Мандельштама, Булата Окуджаву, Иосифа Бродского и др. Ведь научное издание, насколько известно, руководствуется строго научным, объективным подходом к отбору имён, внесших наибольший вклад в историю мировой и отечественной культуры. Неужели учёные мужи из энциклопедического издательства и впрямь считают

песенника-барда Булата Окуджаву или Осипа Мандельштама выше в литературном плане такого мастера поэзии, как Василий Фёдоров?! Уму непостижимо!

Но более всего удивляют и вызывают чувство возмущения современные школьные программы, в которых при бесконечном беге так называемого реформирования учебного процесса, нещадно сокращаются учебные часы гуманитарных дисциплин, выбрасываются имена выдающихся классиков русской литературы, на которых воспитывались целые поколения страны. На смену им приходят произведения весьма сомнительной художественной ценности. Педагоги помнят, как учительская общественность в начале 90-х годов билась над возвращением в школьную программу пушкинского «Евгения Онегина», лермонтовского «Героя нашего времени», гоголевских «Мёртвых душ». А что творится сегодня? Как следует расценивать акт вандализма (другого определения не нахожу) в образовании – исключение из списка обязательной литературы «Тихого Дона» М. Шолохова, «Разгрома» А. Фадеева, «Чапаева» Д. Фурманова? Вместо них в программах находят место «Котлован» А. Платонова, «Колымские рассказы» В. Шаламова и ряд других произведений писателей и поэтов, чьё творчество не является столь значимым.

Зайдя в книжный магазин, я просмотрел все учебники по литературе – хрестоматии для 5-11 классов. Ни в одной из них не нашёл имени В. Фёдорова, оставившего России и миру бессмертные поэтические строки. Нет в учебниках и других выдающихся поэтов XX века, подлинных патриотов России. Вместе с тем, учащиеся пятых классов, например, будут изучать вычурную поэзию Северянина, Бальмонта, трудную и для взрослого восприятия. В седьмом классе – снова Бальмонт и Северянин, в восьмом классе – Хемницер, Ржевский, Богданович, Херасков, в одиннадцатом классе – литература XX века от Слуцкого до Чичибабина, Окуджавы и Бродского.

Чем объяснить любовь составителей учебников и Министерства образования к одним авторам, явно не дотягивающим до подлинно классических высот поэтического творчества, и забвение других? Доколе будет продолжаться эта злокозненная игра в перетряску программ? Как тут не согласиться с высказыванием доктора филологических наук, профессора В. Троицкого, который в одной из статей писал: «В нашем школьном деле ныне в значительной степени распространяется тьма, страх света. И это выражается в планомерном и активном снижении содержательности среднего образования, в безответственном и злом «раскультивании» массовой школы, в невежественных «новациях», от которых вот уже десять лет её лихорадит».

Я от всей души поддерживаю предложение А. Г. Тулеева ещё раз обратиться в Министерство образования о включении в школьные программы произведений выдающегося мастера художественного слова – В. Фёдорова и патриота-писателя В. Чивилихина. Ведь задача школы, на мой взгляд, состоит в том, чтобы воспитать в молодом человеке умение противостоять вредным влияниям, безвкусице и пошлости, сформировать в нём благородное чувство гражданина и патриота своего Отечества.

А решение такой непростой задачи возможно лишь при изучении подлинно высоких образцов классической художественной литературы, к которой, бесспорно, относятся произведения наших земляков поэта Василия Фёдорова и писателя Владимира Чивилихина.

**ВАЛЕНТИН СОРОКИН
ДО ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ**

// Сорокин В. В. Крест поэта. – М., 2006.

Поэты моего поколения, русские поэты, в юности, как снегирины гроздь, стаями налетали и, перекликаясь, звенели вокруг Василия Фёдорова. Доступный, порывистый, он поднимал над нами седую косматую голову и, взмахивая руками, сам вместе с нами летел... Мы видели в нём смельчака, срастившего «распиленный» ствол национального дерева поэзии: от Павла Васильева и до нас — рубка, щепки кое-где мелькали, а часть ствола уложена в шахтах Магадана и Певека. Мы, русские поэты, и сейчас это ощущаем — утрату «плотности» слова на поле воображения. Причина — уничтожение поэтов, заметных и перспективных, в поколениях. В шестидесятые годы трагический фёдоровский афоризм пронзил нас и заставил повернуться лицом к пережитому:

Почему сыны твои, Россия,
Больше всех на свете водку пьют.
Почему?
Не надо удивляться.
Наши деды по нужде, поверь,
Пили столько, что опохмеляться
Внукам их приходится теперь.

Находились «философы», осуждающие «пили столько, что опохмеляться внукам их приходится теперь»: принимали впрямую, а ведь у поэта стон о замученных, слёзы и кровь израненной памяти народа. Карательный разгул. Кровавое похмелье. Догулялись. Дорасстреливались. Женщины детей не хотят родить: нищеты и бойни пугаются...

Василий Фёдоров — последний из огненных. Последний — из отважных. Последний — из умытых маминой слезою. А перед ним — отравленный водкой — Павел Шубин, истерзанный туберкулезом — Пётр Комаров, зарезанный трамваем — Алексей Недогонов, выброшенный бериевцами из поезда — Дмитрий Кедрин. Это они — от Державина и Пушкина, Лермонтова и Некрасова, Кольцова и Никитина. Огненные всадники!..

Почему поэт — поэт? Почему человек — человек? А потому: огненные всадники поколений, как звёзды через мерцающий космос, звенят стремениами и скачут через трепещущую душу поэта, без которой человек и себя не познает. Василий Фёдоров — статный поэт, колоритный и мудрый. Слово его и образ его

бунтарским соком налиты, солнечной дерзостью подвига. Его любимцы – Аввакум, Бетховен, – вздыбленные духом великаны. И справедливое осмысленное непокорство поэта священно. Ведь народ довели – иначе бы не поднялся он? Но – повернули брата на брата... И Фёдоров отлично понимал понапрасную русскую кровь:

За красоту
Времён грядущих
Мы заплатили красотой.

Тяга Василия Фёдорова к аввакумовской душевной громадине, к зовущей вершине эпоса, к спасательной твердыне традиции равна его тяге к океанскому шторму бетховенского искусства. Фёдоров воспел строительную мощь и бессмертный ратный подвиг нашей великой державы – СССР. Фёдоров, полный народным гневом и народным затишьем, жадно радуется незлобивостью, он – поэт, он – струна, из человеческого сердца и до звезды протянутая:

Вот и море, вот оно волною.
Гальками прибрежными шуршит.
Ничего, что пережито мною,
Не смывает – только ворошит.

Фёдоров – горький поэт. И – сопротивляющийся поэт. Мужество – признак пережитого горя. Человек, выдюживший горе – мужественный и грустный внутри себя человек. Фёдоров – мужественный и грустный. Потому – цельный и нежный в угрюмости и бескорыстье. В молодости я видел перед собою некое не заполненное синевою и солнцем, «беспейзажное» расстояние. И мне казалось: у Бориса Ручьёва, у Людмилы Константиновны Татьяничевой, у Михаила Львова, у Ивана Акулова, а тем более у Василия Фёдорова, любимого моего поэта, впереди – каждый шаг ликованием осветлён. Молодость, молодость...

Потеряв их, дорогих и огненнокрылых, я сегодня встал на их место и вижу: расстояние, ими одолённое, моего не легче. Не поэтому ли я о них часто думаю? Даже, когда один, в затерянной деревушке, в занесённой до крыши избе холодным и жестоким бураном, я словно разговариваю с ними. Живых я их стеснялся, а мёртвых я их ни капли не робею: я ведь так и не осознал, что они – мёртвые. Они со мною, как в моей молодости, деспотически добрые и честные, опора и гордость моя. <...>

БОРИС ЛЕОНОВ
ОКРЫЛЁННОСТЬ.
ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ ФЁДОРОВ
// Московский литератор. – 2008. – № 4, февраль.

Поэт Василий Дмитриевич Фёдоров принадлежит к тому поколению советских писателей, что проходили своё становление как личности и художники в процессе созидания новой России, нового мира после Великой Октябрьской социалистической революции. Они, выходцы из крестьянской среды или рабочего люда, как и многие юноши и девушки той поры, несли в своих сердцах веру в идеи коммунизма, связывая их с борьбой отцов и дедов за землю, за волю и лучшую долю, за осуществление исконных человеческих мечтаний о равенстве, братстве и справедливости. И по сей день уже очень пожилыми людьми представители этого поколения остаются верными идеалам юности. Особо ярко и пристрастно эта верность отражалась в поэтических откровениях мастеров стиха, своё достойное место в ряду которых принадлежит и Василию Фёдорову. Он и сам заявлял открыто и недвусмысленно: «Не поступлюсь истиной, если скажу, что как поэт я родился из чувства социальной Новизны, которым в огромной мере обладало старшее поколение... Всё стоящее в моих стихах надо относить за счёт этого чувства». И потому его поэзия оптимистична своим пафосом, мускулиста словесным выражением веры в идеалы революции и органична своей художественной самобытностью.

Родился он 23 февраля 1918 года в Кемерово. Ему не было и года, когда семья, в которой он был девятым ребенком, переехала в деревню Марьевка в Новосибирской области. «Детству и отрочеству, – вспоминал позднее поэт, – я обязан многими впечатлениями, которые в моей жизни имели потом большое значение. Впрочем, такого понятия, как отрочество, у нас в деревне не было. Из детства мы, деревенские мальчишки, перескакивали прямо в юность. А до скачка успевали пройти добрую школу труда. Мне довелось бороться, пахать, вить верёвки, работать колхозным водовозом, учётчиком МТФ (молочно-товарной фермы – Б. Л.), младшим счетоводом, кассиром колхоза, помощником бригадира и даже... золотоискателем». И ещё, вспоминал Василий Фёдоров, нередко из города в дом приезжали старшие братья, привозили немало книг, которые сложились в домашнюю библиотеку. В ней были тома Пушкина и Лермонтова, Байрона и Купера. Они воспитывали любовь к слову, побуждали к собственному творчеству. Кстати, почти все его братья и сёстры писали стихи. Старшим он был обязан и своему раннему интересу к общественно-политической жизни: «Наша семья дала восемь коммунистов. Подраставшие включались в политическую жизнь активно. Так секретарями комсомольской организации последовательно перебивали все старшие братья и сёстры. Был комсоргом колхоза и я. Слышал, как однажды мама пошутила: «У нас беспартийные – я и кошка». После сельской школы колхозной молодёжи он поступил в Новосибирский авиационный техникум. Окончив его, работал на

заводе в Иркутске, затем в Новосибирске. Девять лет отдал он заводскому труду. Был технологом, мастером, старшим мастером. До войны и во время её доводилось строить бомбардировщики Петлякова и истребители Яковлева.

Уже в техникуме много писал стихов. Но в редакции отсылать стеснялся, а когда стал работать на заводе, завёл знакомства с профессиональными литераторами, которые сыграли определяющую роль в дальнейшей его судьбе. Сначала он поступил на заочное отделение литературного института им. А. М. Горького, а затем перевёлся на очное. Почему не показывал стихи в редакциях? Послал однажды в «Большевистскую смену». А оттуда ответили: – Ваши стихи упаднические. Позднее Фёдоров с иронией объявил этот пессимизм и упадничество своим ранним «байронизмом». Первая подборка его стихов появилась в 1939 году в иркутской заводской многотиражке, в 1947 году вышли в свет первые его книжки: поэтическая – сборник «Лирическая трилогия» и две очерковых – «Золотые звенья» и «На Белой Гриве». В 50-е годы, после окончания Литературного института, он продолжал писать стихи и прозу. Были изданы повести «Счастливый залив» (1952), «Зрелость» (1953), «Добровольцы» (1955). А с середины 50-х годов стали выходить сборники его стихов и поэм – «Лесные родники», «Марьевские звёзды» (1955), «Белая роща» (1958).

Подлинную известность ему принесли две поэмы – «Золотая жила» (1957) и «Проданная Венера» (1958). «Проданная Венера» – это поэма-спор, спор о сути красоты в искусстве и в жизни. В центре – две судьбы: деревенской красавицы Наташи Граевой и образ тициановой Венеры. Тяжкие годы непосильного труда в деревне, не позволив Наташе расцвести, состарили её. Своей молодостью и красотой заплатила она за то, чтобы идущая вослед молодёжь не испытывала того лиха, какое выпало на долю поколения Наташи. Поэт гордится тем, что оказался современником этой женщины, у которой «из морщин бессчётных, примеченных издалека, любая чёрточка почётна, как честный шрам фронтовика». А окажись её путь в жизни иным, кем бы могла стать Граева Наталья? И поэт находит аналог – тицианову Венеру. Но ведь и её жизнь распорядилась жестоко: в трудные года первых пятилеток эта великая собственность страны была продана, чтобы на вырученные деньги приобрести за границей нужные машины. То есть эта ж красота высокого искусства была принесена в жертву ради будущих поколений соотечественников, ради возможности им творить прекрасное и оберегать его. И выходит, что прекрасное как в жизни, так и в искусстве вовсе не противостоят друг другу, они едины в своем служении Отечеству, людям. Вот откуда эта афористическая концовка поэмы:

За красоту
Людей живущих,
За красоту времён грядущих
Мы заплатили красотой.

Другая поэма – «Золотая жила» построена на известном нравственном конфликте, связанном с любовным треугольником. В сибирском селе живут Харитон и Глафира. Он деревенский кузнец, красавец, силы исполинской. Но жизнь семейная у него не заладилась: не по любви он женился на той, что сосватали ему помимо его воли родители. Навсегда ранили его сердце Глафирины глаза, которые он разглядел, когда в малиннике спасал молодую солдатку от напавшей на неё медведицы. Вспыхнувшее чувство разгоралось всё сильнее и сильнее, как угли в горне кузницы, где Харитон теперь так «ковал на звонкой наковальне, будто с ней всё время говорил». Свидания влюблённых недолго оставались их сердечной тайной. «Лихие шуряки» Харитона, женины братья, дёгтем разукрасили ворота избы Глаши, опозорив тем самым перед всем миром. А вскоре после десятилетней солдатской службы вернулся муж Глаши Игнат. Естественно, ему всё стало известно, а он пошёл на хитрость для изобличения жениной измены. Сказался уехавшим, а сам неожиданно нагрянул домой, где встретились, пользуясь моментом, Харитон и Глафира. Сев за стол, кличет Харитона, требуя появления его тоже за столом, чтобы выпить за встречу. На столе рядом с бутылкой казённой водки и закуской лежит солдатский нож. Что же произойдет в этот миг: неужто в жёсткой схватке будет делиться неделимое?!

Два стакана
В тайном гореванье
Рядом за столом приподнялись,
Стукнулись шлифованные грани,
Звякнули –
И мирно разошлись.
Молча выпили по мере русской.
Тут Игнат, недобрый глаз скосив,
Остриём ножа поднял закуску,
Сунул в губы гостю:
– Закуси!.. –
Замер гость
И губы сжались сами.
Напрягая шею, не дыша,
Огуречный ломтик он губами,
Мускулом не дрогнув, снял с ножа...

Миром закончилась эта сцена, и разошлись они, каждый по-своему определив свою будущую жизнь. Харитон по наущению приезжего человека, простившись с детьми, поехал искать счастья на Восток, искать золотую жилу, чтобы разбогатеть, добраться до царя, с благословения которого можно было переступить закон и соединить судьбу с Глашей. Но жизнь по-своему всё определила. Харитон не стал богатым. Глафира убежала от Игната, шла к любимому кузнецу, да так и не дошла... <...> Так сюжетное развитие традиционного конфликта вбирает в себя социальную составляющую нового

времени, эпохи революции, что было характерно для отечественной литературы советского периода.

Характеры, воспроизведённые в поэмах «Золотая жила» и «Проданная Венера», обусловили саму природу лирического героя Василия Фёдорова. Да ведь и его Харитон – выходец из родной поэту деревни Марьевки. В Харитоне он, по его признанию, представил образ деда, который сложился в его представлении из рассказов родни и сельчан, что как раз и давало повод воспринимать поэму как семейное предание. Поэма и в самом деле сюжетом ведения повествования «о любви, о гордой жизни деда» напоминает эпизод семейной хроники. Но в самом характере деда нельзя не обнаружить тот самый «побег» человеческих качеств, какие запечатлелись в лучших лирических свершениях Василия Фёдорова.

В них как раз и запечатлелся открытый и прямой нрав юноши, в котором проступала жёсткость, но не жестокость, отзывчивость на человеческие неурядицы, что и взывало душу к милосердию. Вот откуда в «Золотой жиле» это признание:

По воле,
По страсти,
По власти отца,
По кротости матери бедной
Достались мне
Крепкие руки бойца
И сердце
Сестры милосердной.

Известно, что человек питается духовно и современностью и прошлым, каковым для поэта не в последнюю очередь оказывалась родословная. Это ведь от дедов и прадедов в нас живёт «страсть к труду и страсть к дорогам новым», это они обживали землю, стараясь оставить её детям и внукам более благоустроенной и обжитой. Вот откуда в поэте жила благодарная память о своих крестьянских пращурах, вот откуда его пристрастное отношение к проблемам села и земли. Он практически не прерывал связи с родной Марьевкой, причастившись к трагической истории становления в ней колхоза. Тут же проходил уроки классовой борьбы. Стихотворение «Прощай, село!» завершилось так:

Промчится время – много, много лет,
Посмотрят люди, спросят мимоходом:
– Откуда он? –
И скажут им в ответ:
– Он – марьевский
И поступью, и родом.

Марьевский опыт, сомноженный с опытом крестьянской России, нашёл своё отражение во многих стихах Василия Фёдорова. Особенно в стихах 60-х

годов, когда русская литература обратилась к проблемам деревни, анализируя минувшие беды, тревоги и достижения. Именно в эти годы заявили о себе такие мастера слова, как Ф. Абрамов, В. Белов, В. Шукшин, В. Распутин. Обращение к стихам о деревне Василия Фёдорова позволяет понять существо оптимистического пафоса его творчества. В основе этого пафоса понимание объективных и субъективных ошибок и просчётов в решении сложнейшей для России проблемы сельского хозяйства. Именно так воспринимается стихотворение Василия Фёдорова «Хозяйка».

Приезжает поэт в родную деревню, и по дороге к своей избе в душе соединяется радость от предстоящей встречи с родными и какая-то виноватость перед земляками: тут он «светлым и крылатым, когда и рук не натрудил, мальчишкою году в тридцатом я в агитаторах ходил». Естественно, он обещал скорое счастье людям, вступившим в колхоз. И где же оно? И выходило, что есть и его вина в том, что «нет в моей деревне счастья», того, что было им обещано. И вся гамма волновавших поэта чувств разворачивается в сцене встречи с Авдотьей, старой колхозницей, хозяйкой земли. Она-то понимала, что деревня сильнее всего пострадала в годы войны, лишившись кормильцев, тягловой силы, отдав всё для победы над врагом и разрухой. Нет, она не ропщет на судьбу, ибо мудра. Разговор со старой крестьянкой выводит поэта к самоанализу пережитого, к новому осознанию вины перед Марьевкой и односельчанами. Он виноват «не в роли юного пророка, а в долге зрелого бойца», что и выводит его суждения на уровень государственного понимания проблемы. Внутренняя причастность к общему делу как раз и обуславливает оптимистичность мировоззрения поэта, а, стало быть, и пафос его творчества. Больше того, отсюда берёт начало чувство ответственности поэта за все несовершенства мира. Именно они, уверен Василий Фёдоров, «лежат на совести его»:

Ни в благодущии ленивом,
Ни в блеске славы,
Ни в тени –
Поэт не может быть счастливым
В тревожные для мира дни.
Беря пророческую лиру,
Одно он помнит
Из всего,
Что все несовершенства мира
Лежат на совести его.

Вообще, тема поэзии, назначения поэта проходит через всё творчество Василия Фёдорова, разделившего с народом «святую трагедию века», принимавшего на протяжении всего литературного пути чужие страдания как свои собственные:

Душа под звёздами парила,
А сам ходил я по земле.

Естественно, в этой теме нашла своё выражение постоянная мысль о поиске новых средств самовыражения, поиске новых форм придания привычным словам не только нового звучания, но и наполнения их смыслом текущего века. Всё чаще в его поэзии появляются примеры концентрации субъективной энергии стиха в жанре лирической миниатюры. В его сборниках 60-х годов – «Не левее сердца» (1960), «Лирика» (1961), «Стихотворения и поэмы» (1964), «Третьи петухи» (1966) и др. многие стихи отмечены именно этим качеством концентрации чувства и мысли:

Грозит,
Враждуя,
Крона кроне,
Шумит,
Оспаривая высь.
А между тем
В земле
Их корни
Уже давно
Переплелись.

Или миниатюра, обретшая известность и ставшая чуть ли не расхожей цитатой в различных суждениях о поэзии, литературе, искусстве:

Мы спорили
О смысле красоты,
И он сказал с наивностью младенца:
– Я за искусство левое, А ты?
– За левое...
Но не левее сердца.

Нередко поэт обращается к публицистическому ведению разговора с читателем. Читая его стихи этого склада и сегодня, понимаешь, что поэтическая публицистика при всей кажущейся простоте, на самом деле одна из сложнейших форм стихотворчества. Обращение к ней требует от автора строжайшей дисциплины соблюдения лиричности с риторикой, что и не позволяет итоговому сочинению скатиться к газетному клише, холодному словоговору. Личная причастность к теме непременно выручает поэта в обращении к публицистике, как это очевидно в стихотворении «Слово». Свои слова он выверяет соотнесённостью с чувством родины.

Чтобы смертью скорой
Не почить им,
Я препоручаю чувства,
Мысль
Тем словам,
Что не за чаепитьем,

А в труде нелёгком родились.
Только тем,
Что поднялись из глубей
Доброй человеческой души,
Нынче не до мелких честолюбий,
Не до славы,
Стоящей гроши!
От беды к беде,
От боя к бою,
От большого до большого дня –
Нам легко
И нелегко с тобою,
Дорогая родина моя!

Продолжая традиции русской классики, Василий Фёдоров стремился органически соединить в каждом стихотворении лирику, философию и эпос, публицистически адресуя его современнику. И при этом он как бы демонстрирует богатейшие возможности, какие таит в себе традиционная форма русского стиха, что внушает надежду на всё новые и новые открытия для стихотворца работа над словом.

Особое место в его творчестве занимает тема любви. В 1964 году он издал «Книгу любви», которая выдержала несколько изданий. Этой же теме, как мы знаем, была посвящена значительная часть его поэм – «Проданная Венера», «Золотая жила», «Седьмое небо» (1959-1967), «Женитьба Дон-Жуана» (1973-1977) Он, как всегда, максимален в человеческих отношениях. Ему чужды нравоучения в словах о любви, ему по душе высокие порывы чувства, их земное начало. Больше того, его любовь – тоскующая и нежная, требовательная и покорная, властная и трепетная – становится символом истинности поэзии. Без поэзии нет любви – это результат выстраданного чувства и это же постулат, на котором зиждется вся философия его любовной лирики.

Любовь мне –
Как блистание
Звезды
над миром зла,
Любовь мне –
Как призвание
На добрые дела.
Чтоб мир
Отмылся дочиста,
Душа тревогу бьёт.
Любовь мне –
Как пророчество,
Зовущее вперёд.

Любовь –
Как жажда истины,
Как право есть и пить,
Я, может быть,
Единственный,
Умеющий любить.

В последние годы жизни его всё более влекла большая форма поэзии, которая, видимо, позволяла мудреющей душе поэта выговаривать в полном объёме сокровенное, накопленное прожитым и пережитым. Среди его поэм выделяются одностемно и однонаправленно поэмы, посвящённые историческим личностям – «Бетховен», «Аввакум», по-новому прочитывается судьба известных персонажей мировой поэзии, как в поэме «Женитьба Дон-Жуана».

В поэмах философски осмысливается само понятие любви, в центре человеческого счастья оказывается семья. «Из всех проблем, Из всех больших идей, Семьи идея мне всего милей», – признаётся поэт. Фантазия Василия Фёдорова заставляет даже убеждённого ловеласа – Дон-Жуана пройти испытания ревностью, изменой, сердечной болью и выйти к осознанию: «Долой разврат! Да здравствует семья!». В предисловии к этой поэме читаем: «Сохраняя преемственность прежних Дон-Жуанов с их романтическим ореолом, мой Жуан в жажде семейного счастья, как одного из главных смыслов жизни, проходит путь от героя и полубога к человеку». Да, Жуан обретает искомое счастье, но его жена, на долю которой выпало немало переживаний, связанных с поведением мужа, умирает. Вместе с героем поэт понимает:

Как непомерно тяжкой платой
За истины приходится платить.

Наиболее значимой и заметной не только в творчестве Василия Фёдорова, но и в русской поэзии 1970-х годов, стала его поэма «Седьмое небо». Над нею поэт работал свыше пяти лет. Жанр своего нового сочинения Василий Фёдоров определил как романтический, тем самым подчеркнув широту обзора жизни своих героев, эпическую соотнесённость их судеб с биографией страны, и открывшуюся в «романе» возможность для лирических отступлений и комментариев происходящего.

В центре поэмы судьба Василия Горина, история его горькой любви к Марьяне, трагическая гибель соперника – Бориса. А в самой жизни и в характере Василия Горина немало черт биографии поэта. Но ещё более очевидны черты, присущие поколению ровесников Октября. Добивается этого автор тем, что даёт героя в духовном, нравственном развитии, в процессе складывания личности современника, созидающего и защищающего новый мир. В поэме как бы сходятся главные темы лирики поэта, о которых говорилось выше. Очевидность личностного начала подчёркивается мастером в подобного рода откровениях, рассеянных по поэме и сгущающихся в виде философских итогов к концу повествования.

Теперь в конце
Вся жизнь видна.
Однажды сказано правдиво:
Любви несчастной нет,
Она,
Какой бы ни была, –
Счастлива.
.....
У счастья
Не бывает опыта,
Лишь у несчастья опыт есть.
Я и другой открыл секрет,
Познав все горести и сласти:
Есть биография несчастья,
У счастья
Биографий нет.

Афористические высказывания, итожащие пережитое в юности, выговариваются не в порядке укора молодости за допущенные ошибки. Тем более что подобное занятие помимо всего прочего ещё и не благодарное дело. Тут другое, скорее назидание для будущего, что подтверждают такие слова:

Людей крылатых
Стало больше.
Они своё
Не проглядят,
Как мы с тобою проглядели,
Мы к радостям не долетели,
Они, Марьяна,
Долетят!

Не просто складывались отношения Василия и Марьяны. Несмелость и робость в проявлении своего чувства у Василия не могли не повлиять на её решение связать свою судьбу с бывшим их другом Борисом. Затем перед нами проходит цепь испытаний героев, самым суровым среди которых оказалась война. Неожиданным для Василия оказался арест и безвинное осуждение старшего брата. Это обстоятельство, кстати, никак не сказалось на самом Горине. И, тем не менее, арест этот послужил поводом для оговора Василия в глазах Марьяны. Обманув её, Борис добился того, чтобы стать избранником сердца Марьяны. Наиболее впечатляющими эпизодами в ряду других воспринимается сцена проводов эшелона, уходящего на фронт, и эпизод гибели Бориса. Он погибает на глазах Василия, когда полз на вершину холма, дабы выполнить приказ о взятии высоты, полз вверх, когда другие, поняв, что выполнить приказ невозможно, отползали назад. Увидев Василия, Борис, уже смертельно раненный, сумел сказать ему о своей любви к Марьяне. И не раз,

вспоминая эту сцену, Василий задавался и тогда и потом вопросом: «чем для него был этот холм в его последние минуты?» Может быть, он хотел подняться над всем мелким и корыстным в душе? Может быть, эта высота была его последним оправданием?

Как горестно
В беде прозреть,
Начальным светом озариться,
Душою заново родиться
И, народившись, умереть!
Как часто думал я о нём,
О мудром смысле очищения.
Душа, омытая огнём,
Достойна моего прощенья.

О чём это откровение? Нет, не о прощении оставшегося в живых павшего в бою. Это было бы слишком просто. В приведённых словах искреннее желание возвысить оступившегося, посчитать его ложь или корысть всего лишь минутной слабостью. Порыв Бориса к высоте, к вершине выявил его духовное возвышение над бренностью, его нравственный порыв к очищению перед смертью. И та безымянная высота, на которой он погиб, стала символом человеческого очищения.

После «Седьмого неба» поэт подарил читателям немало лирических стихов о природе и о любви, о красоте человеческих отношений, постигая их уже с высоты зрелости мастера. Собранные в сборниках «Стихи последних лет» (1977-1984) и в цикле «Герцины», они пронизаны мудростью и любовью к жизни, людям и природе.

Жизнь природы
Мудрёное дело.
Не случайно, мой друг, неспроста
Золотые цветы чистотела
Возрастают на сорных местах.
Может, истины
В том и таятся,
Что, родившись в земной сорноте,
Они каждой травинкой стремятся
Беззаветно служить красоте!

В этих строках угадываются мысли о человеческих отношениях. Красота, считает поэт, может быть всюду, если она дорога человеку. Вот отчего так важна Василию Фёдорову мысль, выговоренная как заклинание: «Я гляжу на родные места: лейся, лейся в меня, красота!» Важна потому, что она как бы заостряет проблему взаимосвязи человека и природы. Он, конечно же, видит, что далеко не всё благополучно во взаимоотношениях людей и природы. Откровенно горюет, наблюдая варварские методы так называемого «покорения

природы», с гордостью произносимые этими самыми «покорителями». Чувство боли за окружающую нас красоту привносит в тональность его стихов ноты гнева, краски сатирической публицистики.

Да Винчи говорил:
Когда вы захотите
Какой-нибудь реке
Дать новый,
Лучший путь,
Вы как бы
У самой реки спросите,
Куда б она сама
Хотела повернуть.
Мысль Леонардо!
Обновись и шествуй,
И вечно торжествуй
На родине моей.
Природа и сама
Стремится
К совершенству.
Не мучайте её,
А помогайте ей!

И потому так гневно звучат слова в стихотворении «Пророчество», обращённые к неразумному «покорителю» природы:

Меня охватывает гнев.
Утраты восполняя скудно,
Ты истребляешь
Безрассудно
Природы
Вековой посев.

Нельзя не ощутить в подобных обращениях к современнику личную причастность поэта к тем бедам, что несут своей деятельностью по превращению природы в окружающую среду истребители красоты. В погоне за чистоганом благодаря их «труду» страна лишилась многих угодий, пахотных земель, вековых лесов. Таковы были, кстати, и постижения в области индустриализации и химизации страны. Ныне эти процессы, происходящие в более дерзких масштабах, именуются капитализацией страны. И потому людям, не безразличным ко всему происходящему и поднимающим свой голос в защиту родной земли, по душе многие стихи Василия Фёдорова о духовном предназначении человека на земле:

Когда среди волшебных сил
Царит любовь и примиренье
В такое время мир мне мил.

Как и многие его собратья по перу, Василий Фёдоров, конечно же, задумывался о своём будущем, куда его творчество «пригонит жизни быстрая река». Незадолго до смерти он выговаривает сокровенное: душа его не исчезнет вместе с бранным телом. Она будет будоражить потомков, напоминать им о том вечном и потому актуальном, что связано с земным пребыванием каждого. И потому для него:

Быть может, смерть и есть
Высвобождение
Души крылатой.

Эта-то окрылённость и составила основной пафос его поэзии, пафос веры в нравственные идеалы родного народа, совпавшие с идеалами революции. Его поэзия граждански противостояла не только излишнему бодречеству иных стихотворцев, эстрадных менестрелей, но и так называемой «тихой лирике», что уходила в переживания, в зарисовки с натуры, уходила с основной торной дороги русской поэзии. Трудно судить, что станет завтра с нашей изящной словесностью, которая ныне переживает не лучшие времена. Но, Бог даст, и она вновь будет востребована обществом. И в воскресшем интересе соотечественников к своим духовным наставникам прошлого, работавшим на день грядущий, непременно окажется имя Василия Дмитриевича Фёдорова.

**ВИКТОР ЧАЛМАЕВ, СЕРГЕЙ ЗИНИН
ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ ФЁДОРОВ**

// Чалмаев В. А., Зинин С. А. Литература. 11 класс: учебник в 2-х частях. Ч. 2.
12-е изд. – М.: «Русское слово – учебник», 2013. – С. 410-412.

<...> За красоту
Людей живущих,
За красоту времён грядущих
Мы заплатили красотой

– так обозначил он весь крестный путь России. Поэма «Проданная Венера» (1956), где и прозвучали эти знаменитые слова, содержит, причём во всём сюжете, на всех уровнях текста, один взискательный вечный вопрос. Прекрасен в поэме портрет деревенской красавицы Наташи Граевой, стыдливой, смущаемой в юности восторгами, но в годы войны отдавшей всё цветение жизни тяжёлым трудам, делу Победы. Её поэт видит такой:

... с тёмными горшками,
Перекалёнными в печах,
С шестипудовыми мешками
На перекошенных плечах.
При встрече

На дороге пыльной
Её глаза несли мне весть,
Что от работы непосильной
Вся свяла, не успев расцвести.

На фоне этой судьбы участь другой «Венеры» – картины Тициана, проданной в годы индустриализации, в дни строительства Магнитки и Кузнецкстроя, в обмен на зарубежные станки, моторы, уже не столь трагична. Эта тициановская Венера тоже может «обижаться»: ведь утрата её – тоже убыль красоты России, пусть и временная, возместимая. Перед ней ещё можно оправдаться. А вот когда перед совестью поэта является постаревшая Наташа Граева, когда она с укором смотрит на него, то всякая сухая диалектика, риторика оправданий куда-то испаряется:

– Вы перед вечной оправдались,
Попробуйте перед земной...

Не заключена ли в этих словах вся судьба России, вечно жертвующей многим, спасающей красоту времён грядущих ценой многих нерасцветших жизней? Как оправдать эти жертвы?

Василий Фёдоров был моральной опорой, неофициальным лидером русской *гражданственной поэзии*, противостоящей и «эстрадной» поэзии, и отчасти внесоциальной «тихой» лирике. <...>

ГАЛИНА КАРПОВА
МОТИВ СУДА В ПОЭМЕ ВАСИЛИЯ ФЁДОРОВА
«СЕДЬМОЕ НЕБО»

// Сюжетология и сюжетография: научный журнал Института филологии СО РАН. Новосибирск, 2013. – № 2. – С. 65-71.

В 1982 г. в предисловии к книге «Поэмы» Василий Дмитриевич Фёдоров отметил, что «добрую половину всей моей поэтической продукции представляют поэмы» [10, с. 3]. К работе над автобиографической поэмой «Седьмое небо» (1959-1967) В. Д. Фёдоров приступил, имея опыт создания пятнадцати поэм. Книга «Лирическая трилогия», положившая начало его поэмному творчеству, вышла в Новосибирске в 1947 году. В 1968 году, в год своего 50-летия, В. Д. Фёдоров стал Лауреатом Государственной премии РСФСР им. М. Горького, поэма «Седьмое небо» получила высокую оценку в критике 1960-1970-х годов. По воспоминаниям Б. В. Иванова, который в 1971 году слушал поэму в авторском исполнении, В. Д. Фёдоров сказал слушателям: «Ну, вот и всё. Главную свою работу завершил» [4, с. 155].

Через пятнадцать лет после издания поэмы автор так оценил свою работу: «Седьмое небо» – это произведение о моём поколении с его довоенной романтикой и суровой реальностью войны. Это поэма о годах нашей юности с

их взлётами и социальными издержками. Я писал её в пору, когда новое поколение открыло космическую эру и Гагарин совершил свой первый звёздный полёт. Известие о его полёте совпало со временем работы над четвёртой главой с названием «Земля и Вега», в которой мой герой Василий Горин рассказывает о своем фантастическом пребывании на далёкой звезде. Реальное событие стало продолжением сна. <...> В «Седьмом небе» мне, на мой взгляд, в какой-то мере удалось реализовать свою давнюю мечту о многоплановой поэме с эпическими героями. Не каждый герой даёт возможность рисовать социальную картину мира, а вот Горин, Марьяна и Борис с их сложной любовью даже и не мыслились вне социальных потрясений [10, с. 6-7].

Поэма «Седьмое небо» состоит из десяти частей: «Вместо эпитафии». «Первая высота». «Чужая жизнь». «Лирическое отступление». «Земля и Вега». «Память века». «Москва, Москва...». «Смертная высь». «Крылья на полдень». «Эпилог прощания». Как и в книге «Василий Тёркин» А. Т. Твардовского, каждая глава «романической поэмы» «Седьмое небо» завершена. По мнению известного московского критика И. В. Денисовой, «каждая глава – самостоятельная поэма (а может быть, и поэтическая новелла), вновь подтверждающая, что Василий Фёдоров справедливо считается несравненным мастером современной компактной драматической поэмы» [3, с. 60]. Основных глав с эпическими героями семь, что соотносится с заглавием поэмы «Седьмое небо». Глава о Дине названа автором «Лирическим отступлением», так как история о ней, по словам создателя поэмы, «явление частное».

Заглавие поэмы «Седьмое небо» связано с представлением о седьмом небе рая. Небо, по Аристотелю, состоит из семи сфер. Самое высшее седьмое небо в средневековых представлениях было обиталищем ангелов у Престола Божия. Выражение «быть на седьмом небе» означает быть безгранично счастливым. Критик журнала «Наш современник» А. Романов так интерпретировал заглавие фёдоровской поэмы: «Седьмое небо – метафора народная. Это предельная высота человеческого духа», «поиски «седьмого неба» есть поиски самого себя, истинного, не кажущегося, обретение своего нравственного сознания и душевного очищения» [7, с. 171].

Как верно подметил В. Панков, в биографическом сюжете поэмы главным оказывается «биография души героя» [6, с. 326]. Василий Горин ищет путь к «седьмому небу духовного совершенствования» [6, с. 330]. Читатель, вовлечённый в духовные борения героя, осознаёт, что к седьмому небу пробиваются не только на ракетах, его надо достигать окрылённой душой: «Кто хоть однажды был крылатым, Приписан к небу навсегда» [9, 128-129].

Важен в поэме «Седьмое небо» мотив испытания Василия Горина дружбой, любовью, трудом: «Земным, но трудным испытанием / Меня испытывал завод. / Огнями, / Громом, / Грозной силищей, / Усладой, / Мукою труда. / Он был и адом, / И чистилищем, / И даже раем иногда». Б. А. Леонов указал на связь мотива испытания героя с мотивом прозрения [5, с. 237]. Как заметил В. Панков, Василий Горин «не просто рассказывает о минувшем. Он

снова всё въяве переживает. Его занимает не одна своя жизнь, а своё время в движении» [6, с. 342]. Мотив прозрения связывает героя и автора. Л. О. Абакарова в кандидатской диссертации «Поэмы Василия Фёдорова» отметила, что автор и герой поэмы «Седьмое небо» – «люди одного поколения, как и Тёркин» [1, с. 19].

Как и у А. Твардовского, авторский голос в фёдоровской поэме носит предельно обобщающий характер. Например, философские раздумья о русском народе, о духовной миссии России, выигравшей Вторую мировую войну: «Мы небо / На плечах несли, / Чтоб мир / Не одичал во мраке». Образ Советской России, её силу и правду В. Д. Фёдоров, по мнению П. С. Выходцева, «видит в силе духа и воли народа, который – всему закон, «всему судья» [2, с. 308]. В стихотворении «О, Русь моя!..», вошедшем в книгу «Лицо века» (1960-1961), поэт писал: «Народ, / Извечный, как земля, / Кто б ни играл судьбой, / Все вековые векселя / Оплачены тобой [14, с. 235].

Как и в поэзии А. Т. Твардовского, в поэмах В. Д. Фёдорова передан «народный взгляд поэта на вещи и явления» [2, с. 310]. В афористически ёмких авторских рефлексиях в поэме «Седьмое небо» звучит опыт народной житейской и духовной мудрости. В статье «Слово – жизнь» В. Д. Фёдоров так определил назначение поэзии: «Поэзия – синтез духовной жизни народа» [11, с. 238]. Фёдоровская концепция поэтического слова отражена в статье «Магнитное поле стиха»: «По существу, что такое стихи? Это один из способов передачи духовной энергии от одного человека к другому. Сначала она познаётся поэтом, а через него и другими. Исходный материал – слово. Слова в стихе – энергетическая цепь. Слова должны быть составлены так, чтобы они контактировали друг с другом и в общей цепи сохраняли ту энергию, которую в силу своего контакта извлёк из них поэт. Каждое слово само по себе уже таит дремлющую духовную силу» [12, с. 76]. Духовной энергией слова пронизана одна из лучших поэм В. Д. Фёдорова.

Молодые герои поэмы «Седьмое небо» – Василий Горин, Марьяна, Дина, Борис – представляют судьбу поколения времени политических репрессий и Великой Отечественной войны, сохраняя этический максимализм, душевную чистоту, презирая компромиссы (уход Дины от Горина). Как отметила И. В. Денисова, фёдоровские герои и в «тревожный век» не оставляют «упорных поисков Истины – в большом и малом, – в решении общенародных задач и в личном, интимном» [3, с. 75]. Поиском слияния Истины, Красоты и Добра озабочены автор и герой поэмы «Седьмое небо»: «Любовь! / Горят её костры, / Мудреют люди в добром свете. / Любовь и Правда – / Две сестры, / Идущие через столетья...» [9, с. 42].

В. Панков точно отметил: «В сюжете поэмы многие строфы выделяются словно самостоятельные лирические стихотворения. <...> Это и стихи-раздумья, воспоминания и стихи-признания, связанные с сюжетом, они становятся не обособленными, но внутренне самоценными миниатюрами. И чаще всего они оказываются ключевыми строфами, освещая сюжет внутренним лирическим светом» [6, с. 338]. В поэме «Седьмое небо», считает критик, В. Д.

Фёдорову «удалось добиться органического соединения эпики и лирики», когда эпические и лирические потоки повествования, «сюжетные и лирические куски не разделены, составляют единую цепь» [6, с. 341-342].

Мотив суда в эпическом (историческом) и лирическом (любовном) сюжете поэмы «Седьмое небо», на наш взгляд, является ключевым. Мотив суда в поэме многообразен. Мотив несправедливого суда реализован в историческом сюжете поэмы и связан с темой сталинских политических репрессий: трагические судьбы брата Василия Горина Андрея, учителя музыки Марьяны, авиаконструктора Владимира Петлякова и самого автора-героя поэмы. В лирическом сюжете поэмы «Седьмое небо» мотив суда осложнён мотивом мщения: мечь Бориса, Василия, Дины. Суд над Василием Гориным на Веге вводит в поэму тему самосуда героя во сне. Значим для осмысления мотива суда религиозный подтекст поэмы, оппозиция небесного и земного. Духовное становление главного героя поэмы Василия Горина связано с уходом от суда над ближними и осознанием своей греховности. Путь познания мира и процесс самопознания даёт возможность обрести «крылатость» и открывает путь к «седьмому небу».

Глава «Первая высота» не только о первых полётах в аэроклубе, объяснении в любви Марьяне фигурами высшего пилотажа и первом крушении на По-2 из-за «излома» винта (разработчик учебного самолёта Николай Поликарпов). Василий Горин берёт первую высоту в духовной жизни, уступает возлюбленную земному сопернику-другу Борису: «Я был готов на отречение / От счастья – / Что она жива». Борис на такое самопожертвование не способен. Он в гневе судит друга, не щадя больного: «Я видел руки в гневе сжатые, / Такие руки насмерть бьют / И никогда однажды взятое / Назад уже не отдают [9, с. 18].

В первой главе поэмы заявлена тема политических репрессий 1930-х годов. Сторожиха леспромхоза, мать Марьяны, растит девочку одна. Школьный учитель музыки в леспромхозе – «какой-то старенький Орфей, / Судьбой неласковой заброшенный / В лесное царство глухарей. / Учил почти с благодарением / Не самой трудной из судеб. / Он рад был, / Что не дров пилением / Там зарабатывал свой хлеб».

В главе «Чужая жизнь» служба на военном заводе в Иркутске усиливает размолвку друзей. Борис, женившись на Марьяне, прощает «воздушного лихача». Но теперь земной суд вершит Василий, обвиняя друга в «грехопадении»: карьеризме, страсти к обогащению, послушании перед начальством: «И, увлекаемый / Презрением, / Горчил я мёд: – / Как почему? / Ты обтекаемый, / Почти как этот самолёт».

В главе «Лирическое отступление» начинает звучать суд повзрослевшего Василия Горина над собой: «И сам я в жизни рикошетил / И сеял зло, / Марьяне мстя, / Пока в несчастьи не встретил / Ещё несчастнее себя». Женильба на Дине – это мечь Марьяне, которая отказалась уйти от Бориса. Любя Василия, она пытается спасти Бориса: «У жизни он чужой в плену... / Кто выведет его из плена?». Уход Дины – новое испытание самолюбия Горина, позднее Дину он

простит. Правда, и здесь проявляется гордыня от своей возвышенности, как и в главе «Первый полёт»: «Намучась, / Думал я в гордыне, / Когда наш самолёт взлетал: / Не так ли и бескрылой Дине / Высокие я крылья дал».

Полёт Василия Горина в «стальном ковчеге» на Вегу во сне можно рассматривать как самосуд прозревшего героя, который озабочен судьбой Земли, а не выяснением только личных взаимоотношений: «Всё отошло. / И милую не жаль. / Ни перед кем / Не чувствую вины я. / Обида, / Ненависть, / Тоска, / Печаль – / Понятья исключительно земные». Испив «звёздное причастье», герой теперь умеет «беседовать без слов». В сновидении, войдя в ирреальный мир, Василий признаёт правоту жриц «звёздного суда». Осознание, что «не из большой любви, / А из соблазна / Любил / Страдал / И тратил жизнь свою», ведёт далее героя «Седьмого неба» к покаянию.

Глава «Память века» начинается с темы политических репрессий накануне Великой Отечественной войны, которые коснутся и главного героя поэмы. Суд над братом – несправедлив: «Брат Родину любил. / За это / Врагами был он оклеветан / И на крови тюремных плит / Был именем её убит. / Что из того, что честный воин / Погиб не в тысячном строю! / Он тех же почестей достоин, / Как и погибшие в бою».

В открывшихся Кремлёвских расстрельных списках, на которых стоят личные подписи И. Сталина, В. Молотова, Л. Кагановича, есть фамилия брата В. Д. Фёдорова Андрея Дмитриевича Фёдорова, 1901 г. р., начальника политотдела Урало-Рязанской железной дороги [13, с. 36]. Расстрелян 12.09.1938 г., 1-я категория. г. Саратов – Рязано-Уральская железная дорога (АП РФ, оп.24, дело 418, лист 191). Реабилитирован посмертно.

В поэме «Седьмое небо» вина брата тенью ложится на Василия Горина. Он испытал отчуждение бывших друзей, «боязливых человечков»: «Брат негодя нам не брат! / Мне и Борис руки не подал. / Багровей, чем варёный рак, / Скривился: – / Брат врага народа / Потенциально... тоже враг...».

Горину пришлось пережить клевету Бориса на общем собрании: «Из-за преступного лихачества / Разбил советский самолёт», «И снова / Краской чёрной, / В себя омакивая кисть, / Чужой, / Постыдной и позорной / Изображал мою он жизнь». Мстительность Бориса связана с жаждой самоутверждения. Не предала Василия только Марьяна, крикнувшая Борису: «Ложь! Ложь!». Предложение любимой уехать вместе в родные места Василий отклоняет, но не из гордости, а из опасения за судьбу Марьяны: «О том лишь думал, чтоб она, / Как ни мала моя вина, / Не становилась / К ней причастной». Этот поступок – новая духовная высота Василия Горина.

Тема политических репрессий продолжится в главе «Москва, Москва...». В конце 1940-го года Василий Горин едет в Москву на демонстрацию нового самолёта – пикирующего бомбардировщика Пе-2. Для автора и героя поэмы «Седьмое небо» примером духовной высоты становится образ выдающегося авиаконструктора Владимира Михайловича Петлякова (1891-1942), оклеветанного и репрессированного в 1937 году, но и в тюрьме (в КБ на Лубянке), работавшего на страну: «Он даже там, / Навету вопреки, / Отращивал

стране / Большие крылья». Создатель выдающейся технологичной машины, которую называли «оружием победы», Сталинскую премию 1-й степени раздал тем сотрудникам, кто не был награждён. В поэме «Седьмое небо» реальный исторический герой заслуженно поставлен в ряд лучших сынов России – Чкалова, Громова, Гагарина: «Не видевший / Ни звёзд, ни облаков / И страху и безверью / Не подвластный, / Его творил / Лобастый, / Коренастый, / Твой сын, Москва, / Владимир Петляков».

Вспоминая встречу в Москве с Диной на новогодней ёлке накануне 1941 года, Горин судит себя за ревность, «порыв зла», заносчивый кураж: «Чужим весельем не пьянея, / Сказал, предавшись куражу: / Я с женщинами не дружу, / Я женщин лишь любить умею... / Так я сказал, / Прощаясь с нею, / Весёлый покидая зал. / Теперь до боли сожалею, / Что так заносчиво сказал. / Теперь иное откровенье, / Иная правда мне видна. / Любовь способна к перемене, / А дружба более верна». В главе «Москва, Москва...» неоднократно возникают думы о несправедливо осуждённом брате. В поиске правды Василий идёт в мавзолей к Ленину: «Я шёл к нему / С судьбою братовой, / Который так его любил». В финале главы, обращаясь к Москве, которая творит земной «высший суд», автор призывает: «Известна прежде / Кривостью своей, / Сильна поныне / Жёсткой директивой, / Москва, Москва, / Будь с каждым днём прямой, / Москва, Москва, / Будь с каждым днём / Правдивей».

Мучительно медленно Василий Горин взрастает духовно, пройдя через примирение с Диной, в главе «Смертная высь» в нём растёт «раскаянье и сожаленье» перед Марьяной и, наконец, прощение Бориса, погибшего при авианалёте: «Душа, омытая огнём, / Достояна моего прощенья».

В главе «Крылья на полдень» Василий Горин вынужден вместе с комиссаром взорвать Пе-2, чтобы он не достался немцам. Геройский поступок он совершает, уведя немецкий Storch («Аист») на нейтральную территорию. Обстрелянный зенитчиками, сбитый другом на «И-16», чуть не отданный «в распыл» комиссаром, Горин чудом остался в живых, благодаря вмешательству высших сил: «Земную силу и небесную / Я заклинал заклатьем слов: – / Ты пронеси меня над бездною! / Ну, пронеси! – / И пронесло». Молитва к небесной силе Творца спасает Василия Горина. Глава завершается странными для советского поэта размышлениями: «Прав и неверующих суд, / Но правдой очень поздней меры, / Которую солдаты веры / Своей борьбою пронесут». В. В. Сорокин в интервью 28.12.2011 г. сказал о любимом учителе, когда-то благословившем его на крестный путь поэта у памятника М. Горького: «Он мог быть великим религиозным деятелем по своему мировоззрению, мироощущению» [8]. В поэме «Седьмое небо» удивительно много религиозной лексики. Даже в «Эпilogе прощания»: «И горько, что не почтены, / Как памятники той эпохи, / Те Лаги, Яки, / Пусть не боги, / Пусть только ангелы войны».

В эпilogе уже нет темы суда, в финале звучит мотив прощенья: «Марьяна, милая, прости! / Теперь в конце / Вся жизнь видна. / Однажды сказано правдиво: / Любви несчастной нет, / Она, / Какой бы ни была, – /

Счастлива». Василий Горин поднимается к «седьмому небу», обретая главное, что жить надо с любовью к людям, даже если кажется, что они творят тебе зло. Отказ Марьяны в финале вызывает у героя только чувство собственной вины перед ней. Финал поэмы – обращение к читателю: «Всё-таки вокруг / Людей крылатых / Стало больше!» В выражении «крылатые люди» можно увидеть платоновский миф о крылатости души. Образ «высокой любви» главного героя поэмы вписан в христианскую систему координат. Василий Горин не забыл о своей небесной прародине и постоянно устремлён к достижению духовного идеала, «седьмому небу». Духовный подвиг невозможен без смирения и покаяния. Уход от осуждения других к видению своих грехов и раскаянию – вот крестный путь спасения главного героя поэмы В. Д. Фёдорова «Седьмое небо». Мотив праведного «звёздного суда» в поэме В. Д. Фёдорова «Седьмое небо» противопоставлен несправедливому земному «высшему суду». Василий Горин прозревает, пройдя путь смирения и покаяния.

Литература

1. Абакарова, Л. О. Поэмы Василия Фёдорова: автореф. диссертации на соискание уч. степ. канд. филологических наук. – Махачкала, 2007. – 21 с.
2. Выходцев, П. С. Певец красоты человеческой (литературный портрет В. Фёдорова) // Молодая гвардия. – 1971. – № 5. – С. 299-311.
3. Денисова, И. В. Беззаветно служить красоте. Поэзия Василия Фёдорова. – М.: Современник, 1978. – 192 с.
4. Иванов, Б. В. Именно такой // Иванов Б. В. Свой метр и ритм. – М.: Советская Россия, 1974. – С. 142-155.
5. Леонов, Б. А. Над небом – небо // Молодая гвардия. – 1970. – № 6. – С. 285-289.
6. Панков, В. О книге Василия Фёдорова // Третьи петухи. Седьмое небо. – М., 1970. – С. 319-346.
7. Романов, А. «Ради высшей человечности» // Наш современник. – 1978. – № 11. – С. 166-173.
8. Сорокин, В. В. До последнего дня. О поэте Василии Фёдорове [Электронный ресурс]. Автор сюжета – Владислав Цилёв. URL:<http://video.yandex.ru/external/4611686018922863968/>
9. Фёдоров, В. Д. Седьмое небо // Фёдоров В. Д. Собр. соч. в 5 т. Т. 3. – М.: Современник, 1988. – С. 5-146.
10. Фёдоров, В. Д. От автора // Фёдоров В. Д. Поэмы. – М., 1983. – С. 3-10.
11. Фёдоров, В. Д. Слово – жизнь // Фёдоров В. Д. Собр. соч. в 5 т. Т. 4. – М.: Современник, 1988. – С. 236-243.
12. Фёдоров, В. Д. Магнитное поле стиха // Фёдоров В. Д. Собр. соч. в 5 т. Т. 4. – М.: Современник, 1988. – С. 76-77.
13. Фёдоров, В. Д. О себе и близких // Фёдоров В. Д. Собр. соч. в 5 т. Т. 4. – М.: Современник, 1988. – С. 6-47.
14. Фёдоров, В. Д. О, Русь моя!... // Фёдоров В. Д. Собр. соч. в 5 т. Т. 1. – М.: Современник, 1987. – С. 235-236.

ГАЛИНА КАРПОВА
ИСКУССТВУ НЕТ ГРАНИЦ...
РОЛЬ ИСКУССТВА В ПОЭМЕ В. Д. ФЁДОРОВА
«ЖЕНИТЬБА ДОН-ЖУАНА»

// Поэт Василий Фёдоров и изобразительное искусство: областная научно-практическая конференция. Марьевский литературно-мемориальный музей-усадьба поэта В. Д. Фёдорова. 22 марта 2016 года.

Поэму В. Д. Фёдорова «Женитьба Дон-Жуана» справедливо называют романом в стихах. Как и у А. С. Пушкина в «Евгении Онегине» автор является другом героя поэмы, на глазах читателя творит своё произведение. Автор и его герой Жуан – люди, знающие искусство. В поэме богатый культурный контекст, автор постоянно отсылает читателя к художественной литературе, к произведениям изобразительного, музыкального искусства. В диалогические отношения вступают произведения разных видов и жаров, герои разных эпох.

Лариса Васильевна Полякова, доктор филологических наук из Тамбовского государственного университета, считает, что «Женитьба Дон-Жуана» Фёдорова – это «бесспорно крупное явление литературной жизни наших дней», в котором «максимально использованы возможности поэмого жанра. Драма и фарс, миф и детектив, сатира и трагедия, романс и тюремная песня, свадебный обряд и публицистика, лёгкая мелодрама и истинно великие страсти, дидактика и философские этюды, сцены жизни авиационного завода, заботы тёщи, смерть, бесшабашная бравада беспечной молодостью, рождение сына и вместе с ним нового героя – всё связано диалектическим взаимопроникновением, создаёт художественную иллюзию достоверности, доподлинности...» [1, с. 204].

Входя в мир многих фёдоровской поэм, начинаешь ощущать, что искусство не знает границ. Его задача – соединять времена и народы, соединять людей. В поэмах Фёдорова людей, в чьих душах искусство не находит отклик, немного, больше тех, кто подлинное искусство ценит и осознаёт его значимость: просветлять, утешать, радовать людские души.

Приведу пример из поэмы «Седьмое небо». В самодеятельном театре в Иркутске в конце 1930-х годов ставят спектакль «Горе от ума». Роль Софьи исполняет Дина. Роль Чацкого играет Василий Горин, главный герой и одновременно рассказчик (поэма биографична). Переживая утрату вышедшей замуж возлюбленной Марьяны, Василий так входит в роль Чацкого, в «чужую любовь», что происходит необычное:

Своя печаль была обычна:
Без слов любил,
Без слов страдал.
А здесь я Чацкого играл.
А здесь я милую карал
Своею дикцией трагичной.

Не говорил —
Спускал курки,
Испепелял высоким жженьем.
И Софья, пьесе вопреки,
Ко мне метнулась
С утешеньем...

Зрители спектакля кардинальную корректировку судеб героев пьесы Грибоедова принимают с восторгом:

Зал
Ликовал.
Лишь режиссер,
Как бог в своей первой драме,
Во гневе длань свою простёр
И, осудив,
Расстался с нами.

Шёл снег.
Настроенные грустно,
Мы по задворкам и задам
Из рая вечного искусства
Брели, как Ева и Адам [2, с. 36].

Окультуренное мышление автора-творца поэмы «Женитьба Дон-Жуана» выдаёт в нём внимательного читателя книг, знатока «мировой культуры», литературных «бродячих сюжетов». Он знает, как Дон-Жуан «соблазнял по Мольеру», как его «по Байрону – в серале наложницы султана соблазняли».

Вслед за Байроном и Пушкиным Фёдоров в поэме «Женитьба Дон-Жуана» талантливо продолжил разговор об опасностях и пользе книг в жизни человека, о роли искусства. Отметим, что фёдоровский Жуан сочиняет и поёт романсы и песни. Дон-Жуан Байрона художественных книг не читал. Недоверие байроновского Дон-Жуана к литературе объяснено следующим образом:

Познав людей, он ясно понимал,
Что трезво их никто не описал.

Дружбы с псевдописателями байроновский Дон-Жуан не заводит, так как трезво осознаёт:

«Великих литераторов» сейчас
Любой журналчик расплодил у нас.
Раз в десять лет «великие поэты»,
Как чемпионы в уличном бою
Доказывают мнительному свету
Сомнительную избранность свою...

Байроновский Жуан не доверяет таким книгам. Автор-повествователь в иронической поэме В. Д. Фёдорова «Женитьба Дон-Жуана» тоже знает, что «жизнь старше книг».

Среди литературных прототипов фёдоровского Жуана не только Дон-Жуаны Байрона, Мольера, Пушкина, Есенина, но Гамлет и Онегин. В первой песне фёдоровский Жуан сравнивается с Онегиным. Оба литературных героя попали в сходную ситуацию. Инженер-конструктор на сибирском авиазаводе Жуан благородно отказывает влюблённой в него Аделаиде:

– Вы хороши... Я недостойн Вас!.. –
И прочее.. Ну, словом, как Онегин...

Сопоставление с Гамлетом и Онегиным высвечивает «бродячий» сюжет – сюжет утраты героем возлюбленной / жены. В финале поэмы Фёдорова герой-вдовец. Наташа, родив сына, умерла. Но сюжет поэмы – это битва за семью, за сохранение семьи.

Кроме отсылок к художественной литературе, культурное поле поэмы включает музыкально-песенный пласт. Это и знаменитая пионерская песня «Картошка», и любимая народом песня «Славное море – священный Байкал...», и солдатская строевая песня «Мы, как лётчики, как лётчики, крылаты». Большинство песен поёт главный герой иронической поэмы. В первой главе Жуан исполнил для автора-друга исповедальный романс «Обманутый в жизни / Судьбою зловещей...». Второй романс-серенаду «Радость, / Нежность / И тоска...» герой поэмы поёт на своей свадьбе для Наташи. Завершается он словами: «Я не скоро разберусь, в чём твоё очарование». В третьей главе, потрясённый внезапным уходом молодой жены, фёдоровский Жуан уже без гитары поёт романс «Моё сердце, молчи, / Как молчат в одинокой квартире...». В пятой главе (после драки с Вадимом, школьной любовью Наташи) в душе Жуана звучит тюремная песня «Долго ждать не могу, / Помани – прибегу...». В шестой главе Жуан, после героической борьбы с лесным пожаром, оказался запевалой строевой песни «Гей-гей, шевелите ногами, / Шагайте вперёд веселей...». В седьмой главе герой поёт колыбельную песню «Спи-засни, мой сыночек...».

Роль песен, которые исполняет главный герой поэмы, помогли автору дорисовать психологический портрет и показать внутреннее перерождение героя, простившего измену жены, благодарного Наташе за рождение сына.

Во второй главе-песне, уходя со свадьбы, автор-друг Жуана слышит всего одну строчку песни из виктролы: «О, Марианна!..». Комментарий к популярной песне поможет нам обозначить время, описанное в поэме В. Д. Фёдорова «Женитьба Дон-Жуана». В 1957 г. в СССР вышел на экраны приключенческий фильм-спектакль «Дон Сезар де Базан», в котором много песен исполнили танцовщица Маритана и главный герой, попавший, как и Жуан, в тюрьму. Песни из фильма стали популярны, имя «Маритана» легко заменили на «Марианна». Этот факт позволяет нам понять, что события, изображённые в иронической поэме В. Д. Фёдорова, происходили не ранее конца 1950-х годов.

Среди вставных текстов можно назвать экспромт, сочинённый автором-повествователем в милиции и записанный дежурным милиционером «с голосом весёлым» не в протокол, а для себя:

Скажу,
Невзирая на лица,
Маяковский лжёт.
Моя милиция меня
Не бережёт!

Поэтическая импровизация отсылает к строчке В. В. Маяковского «Моя милиция меня бережёт» из поэмы «Хорошо!» (1927). Фёдоровский экспромт о милиции сегодня в интернет-изданиях употребляется как часто цитируемые плакатные строки без соотнесения с произведением и автором.

В иронической поэме В. Д. Фёдорова «Женитьба Дон-Жуана» образы сотрудников советской милиции представлены многообразно. Это весёлый и человечный дежурный милиционер. Это и начальник тюрьмы («бравый подполковник»), который увлекается «стихами» и соглашается оставить на стене камеры рисунок обнажённой «дамочки» в духе Ренуара «в пристойной позе / И с улыбкой кроткой». Это и начальник колонии, разрешивший заключённым спеть песню после тушения лесного пожара. Милиционерам, любителям поэзии, противопоставлены старший лейтенант с «праведным бесстрашьем», молодой следователь-стажёр, прокурор на суде, которые не вникают в «судьбы человечьи» и не интересуются искусством. Можно сделать вывод, что образы милиционеров в «Женитьбе Дон-Жуана» вносят коррективы в безупречно-положительный образ советского милиционера С. В. Михалкова («Дядя Стёпа») и одновременно вступают в спор со сниженным образом милиционера в стихах Д. А. Пригова:

В буфете Дома литераторов
Пьёт пиво Милиционер.
И все их разные искусства
Пред ним не значат ничего.

Возможно, что когда Д. Пригов писал эти строки, в реальной жизни Фёдоров и его ученик Валентин Сорокин встретили совсем другого милиционера, который любил и свободно цитировал стихи Василия Фёдорова.

В «Женитьбе Дон-Жуана» В. Д. Фёдорова немало упоминаний деятелей изобразительного искусства: Рембранд ван Рейн с «Ночным дозором», И. К. Айвазовский с «Девятым валом», П. О. Ренуар, скульптор С. Т. Конёнков и др. Упоминание произведений словесного, музыкального, изобразительного, театрального искусства и их создателей направлено на осмысление роли искусства в жизни, проблем их взаимодействия.

К концу поэмы не только герой Жуан, но и автор преобразуется, избавляется от излишней самоуверенности («судьба героя нам всегда видней»).

Обращаясь к читателю поэмы в финальной песне, автор-повествователь прозревает и понимает суть замысла созданной им книги:

Но я писал без мысли, чтобы легче,
Нет, не Стихи, а Судьбы Человечьи
В мучительных исканиях путей,
В исканиях Любви – до понимания
Её, как высшего
В нас достоянья [2, с. 331].

Культурный багаж помогает автору поэм «Седьмое небо» и «Женитьба Дон-Жуана» постичь внутренние законы человеческих взаимоотношений в дружбе, любви, семье, обществе.

Поэма В. Д. Фёдорова о Дон-Жуане – это одновременно и поэма о правде жизни, и гимн радостям жизни. В лирических отступлениях прославляется и воспевается природа (море, реки Сибири), труд, семья, женщина. Особо воспеты родильный дом, блюда сибирской кухни (пельмени, рыбный пирог), тёща. В иронической поэме В. Д. Фёдорова важной темой разговора автора с читателем стал вопрос о роли искусства в жизни человека. «Женитьба Дон-Жуана» В. Д. Фёдорова не просто новая обработка «бродячего» сюжета, а самобытное произведение о русской жизни, о сохранении семьи и семейных ценностей.

Литература

1. Полякова, Л. В. Конец героя – возрождение героя («Женитьба Дон-Жуана» Василия Фёдорова) // Русская литература. – 1987. – № 1. – С. 199-211.
2. Фёдоров, В. Д. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. Поэмы: «Седьмое небо», «Женитьба Дон-Жуана». – М.: Современник, 1988. – 334 с.

ГАЛИНА КАРПОВА

ПОЭМА ВАСИЛИЯ ФЁДОРОВА «ПРОДАННАЯ ВЕНЕРА»: ОТ ОЦЕНОК XX ВЕКА К НОВЫМ ИНТЕРПРЕТАЦИЯМ

// Библиотечная жизнь Кузбасса: периодический сб. Материалы Пярых межрегиональных историко-краеведческих чтений «Православно-художественное краеведение на земле Сибирской» (30 марта 2016 года). – Кемерово: Кемеровская областная научная библиотека им. В. Д. Фёдорова, 2017. – Вып. 4 (98). – С. 50-55.

В 1973 году в беседе с Геннадием Горлановым Василий Фёдоров обозначил значимость для себя жанра поэмы: «Меня привлекает жанр поэмы ещё и тем, что в ней наиболее отчётливо выражается мир поэта с его морально-нравственными законами. Написать поэму – значит сотворить если не мир, то

живую частицу мира, не просто сделать слепок с готового, а придать ему свои черты, свою атмосферу, создать своих героев. Кого не привлечёт такая трудная созидательная задача!» [12, с. 208]. Геннадий Елизарович Горланов в 1973 году защитил кандидатскую диссертацию по творчеству В. Д. Фёдорова в МГПИ им. В. И. Ленина, сейчас доктор филологических наук Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского.

Поэма «Проданная Венера» (1956) принесла Василию Дмитриевичу Фёдорову широкую известность: её высоко оценили критики и полюбили читатели. Поэт и публицист Геннадий Юров рассказывал мне о том, какое огромное впечатление произвела на него «Проданная Венера» в годы его студенчества в Томске.

Высоко оценили поэму в 1960-е годы известные советские критики, выпускники ленинградских вузов, Илья Гринберг (ЛГУ) и Адольф Урбан (ЛГПИ им. А. И. Герцена). В статье «Вселенная и дом» Илья Львович Гринберг (1906-1980) отметил, что «Проданная Венера» – произведение многоплановое, «многоохватное». Авторская позиция «сопоставлять далёкое и близкое, массовое и единичное», «и мировые потрясения, и горе одного двора», принцип сопряжения, как отметил критик, «открывает перед читателем движущие силы истории, позволяет уловить внутреннюю связь фактов, казалось бы, существующих совершенно независимо». И. Л. Гринберг указал, что красота Венеры и Наташи Граевой соотносимы в поэме с «красотой душевного величия» старого мастера [2, с. 171-172]. В статье отмечена связь поэм В. Д. Фёдорова с его лирикой, например, тема искусства в стихотворении «Неизвестная» и поэме «Проданная Венера».

Адольф Адольфович Урбан в статье «Поэзия и публицистика» так определил своеобразие сюжета и композиции поэмы «Проданная Венера»: «В ней, по существу, нет сюжета, если понимать его как развитие определённых событий. Построена она по законам публицистики, повествовательные эпизоды и примеры извлечены из прошлого и поэтически нарисованы, чтобы доказать мысль, владеющую поэтом. <...> Вся композиция поэмы подчинена основной идее этого «доклада»: «подвиг стоит красоты» [11, с. 202-203].

Критик отметил, что два рассказа в поэме о судьбе Наташи Граевой и судьбе самой любимой Тицианом картины «Венера с зеркалом» (около 1555 г.) «публицистически сближаются, и в заключительной главке как бы подводятся «итог» сопоставления, формируются «выводы» из «доклада». Но это строгая, на первый взгляд, рационалистическая композиция не делает поэму нравственным трактатом в стихах. И судьба Наты Граевой и судьба «Венеры» Тициана накрепко связаны с судьбой лирического героя, обе эти истории стали для него личными, поэтому так легко от строки к строке сближаются мысли об их единстве. Оно не надуманно, а реально в эмоциональном восприятии героя и имеет все достоинства художественной мысли» [11, с. 203].

А. А. Урбан определил образ лирического героя главным в поэме и отметил своеобразие авторской речи: «Авторская речь, подчас слишком красноречивая и чуть-чуть книжная («произнесли мои уста», «преодолев

блаженный стыд», «кисть жизнетворца создала»), не производит впечатление литературщины. И спасает здесь именно публицистическое развитие мысли. Будь картины, которые рисует Фёдоров, статичными, созерцательными, и еле заметная в общем движении мысли архаика показалась бы украшательством. В движении же к большому обобщению она уместна» [11, с. 203]. Среди обобщений критик отметил образ сибирской деревни, образ войны, афористическое заключение о тяжёлых трудовых подвигах женщин в годы Великой Отечественной войны.

В 1963 году в журнале «Молодая гвардия» вышла критическая статья аспиранта МГУ Владимира Ивановича Гусева, будущего преподавателя Литературного института им. М. Горького и доктора филологических наук (1984). Двадцатипятилетний критик в статье «За возвышенное в человеке» так определил своеобразие таланта нашего земляка: «Поэт Фёдоров – человек живой, общительный, человек широких интересов. <...> И, живо интересуясь всем, наблюдая и схватывая различные явления, различные «впечатления бытия», он всё-таки при этом думает чаще всего именно о «вечном» в человеке, о том, что есть лучшего и нужного для нас в этом вечном. Таков склад его таланта! Какую бы тему он не взял, он поворачивает её именно в эту сторону» [3, с. 287]. Точно подмечено.

Автор первой монографии о творчестве В. Д. Фёдорова, изданной в Москве в 1969 году, Владимир Александрович Ерёмин поддержал мнение А. А. Урбана о главном герое «Проданной Венеры»: «Проданная Венера» – поэма лирическая. И главный её герой – сам поэт, человек, философски мыслящий, остро переживающий противоречия жизни» [5, с. 45]. Ценным представляется замечание литературоведа о том, что в знаменитой фёдоровской поэме «все герои как бы держат «экзамен на красоту» [5, с. 48].

Началом разговора об изучении творчества В. Д. Фёдорова в школе явилась публикация статьи М. Лапшина «Поэзия борьбы и человечности» в шестом номере журнала «Литература в школе» за 1964 год. Критик обратил внимание на самобытность поэм В. Д. Фёдорова («естественно сочетают в себе камерность и эпичность»), отметил глубокий философский подтекст и яркую образность в «Проданной Венере» [7, с. 15-17].

В 1970-е годы в Москве вышли две монографии о творчестве В. Д. Фёдорова Искры Витальевны Денисовой, в 1971 и 1978 годах. Московский критик отметила, что В. Д. Фёдорову удалось не только «лирический характер – образ молодого современника», но и «эпизодические лица», «каждый со своим словом, со своей интонацией, со своим жестом» [4, с. 38-39].

С 1960-х годов за творчеством В. Д. Фёдорова следил ленинградский учёный-литературовед, зав. кафедрой русской литературы ЛГУ, сотрудник Пушкинского Дома (ИРЛИ), доктор филологических наук Пётр Созонтович Выходцев (1923-1994). В статье «Певец красоты человеческой», опубликованной в журнале «Молодая гвардия» в 1971 году, он указал, что в лучших поэмах В. Д. Фёдорова («Проданная Венера», «Седьмое небо») главным оказывается образ России. П. С. Выходцев отметил такую

особенность фёдоровских поэм, как «сочетание двух планов повествования – реалистического и романтического», «широкое социально-нравственное содержание»: «И не только благодаря замыслу, позиции автора. Их структура такова, что читатель «незаметно» включается вместе с автором в большие раздумья о человеческих судьбах, о жизни» [1, с. 308-309].

В 1978 году критик Александр Романов назвал Василия Фёдорова «поэтом из первого ряда, в нём совершенно чёткое ощущение социальной новизны, гражданская страсть, снайперский прицел словом» [10, с. 168]. А. Романов обратил внимание на то, что В. Д. Фёдоров «особо подчёркивает «учительное» назначение художественного слова» [10, с. 172].

Из критических статей 1980-х годов выделим статью сибирского критика Александра Петровича Казаркина «Чувство первичности», которая была опубликована в третьем номере журнала «Огни Кузбасса» за 1988 год. В статье отмечена злободневность поэмы: «Долго я не воспринимал основной нерв поэмы «Проданная Венера», она казалась аморфной, слишком многотемной. И вдруг открылось главное в поэме – конфликт сегодняшней выгоды и вечной красоты. Так это же самое злободневное!» [6, с. 80].

Томский учёный-литературовед обозначил своеобразие образа поэта в творчестве В. Д. Фёдорова: «Трагедийность стихов Василия Фёдорова напрямую связана с их совестью, то есть с повышенным чувством личной ответственности. Не образ поэта-избранника вижу я в лирике В. Фёдорова, а образ художника-страдальца. Он острее многих видит не только красоту земли, но и уничтожение её людьми, а ведь «всё несовершенство мира лежит на совести его» [6, с. 82].

В 1990-м году в статье «Жил по совести поэт» Тамара Ивановна Махалова, выпускница филфака ЛГУ, автор трёх фильмов, ряда телевизионных передач, статей о творчестве В. Д. Фёдорова так определила значимость его поэзии: «Творчество Василия Фёдорова – наше национальное достояние» [9, с. 92].

Высокую оценку творческому наследию Фёдорова дал в 2008 году известный московский критик, профессор кафедры новейшей русской литературы Литературного института им. М. Горького Борис Андреевич Леонов: «Продолжая традиции русской классики, Василий Фёдоров стремился органически соединить в каждом стихотворении лирику, философию и эпос, публицистически адресуя его современнику. <...> Трудно судить, что станет завтра с нашей изящной словесностью, которая ныне переживает не лучшие времена. Но, Бог даст, и она вновь будет востребована обществом. И в воскресшем интересе соотечественников к своим духовным наставникам прошлого, работавшим на день грядущий, непременно окажется имя Василия Дмитриевича Фёдорова» [8].

«Художник из разряда классиков», – так написала мне 29 июня 2015 года о Василии Дмитриевиче Фёдорове по электронной почте доктор филологических наук, профессор Тамбовского государственного университета Лариса Васильевна Полякова, Заслуженный деятель науки России. Письмо

завершалось словами: «Возвращать Фёдорова на его подлинное историко-литературное место надо, хотя бы к его 100-летию. Пора!».

Обозначим векторы новых исследований творческого наследия нашего знаменитого земляка. Биографический пласт. Например, поиск реальных прототипов Наташи Граевой. В качестве гипотезы можно назвать Марию Савину (1918-1936), жительницу Марьевки. Сохранилась фотография Марии с братом Александром, пропавшим без вести в Великую Отечественную войну. Заведующая Марьевским литературно-мемориальным музеем поэта Марина Владимировна Савина сообщила: «Когда В. Фёдорову было пятнадцать лет, он влюбился в эту девушку, но она умерла в восемнадцать лет. В последний год жизни (т. е. в 1983 году) Фёдоров был на её могиле в Марьевке». На вопрос о родственных связях с Марией Савиной, М. В. Савина ответила: «Моя прабабка Савина Вера Сергеевна (мать моего родного деда Пилюгина Анатолия Ивановича, моя девичья фамилия – Пилюгина) была родственницей Марии и Александра» (письмо от 15 марта 2016 года).

Текстологические исследования. Например, сопоставление текстов поэмы «Бессмертие» (журнальный вариант 1956 года) и «Проданная Венера» (книжный вариант 1958 года), нужно проверить, не было ли вариантов при многочисленных последующих переизданиях. Поэмы Василия Дмитриевича Фёдорова ждут новых концептуальных исследований.

Литература

1. Выходцев, П. С. Певец красоты человеческой (литературный портрет В. Фёдорова) // Молодая гвардия. – 1971. – № 5. – С. 299-311.
2. Гринберг, И. Л. Вселенная и дом // Сибирские огни. – 1960. – № 7. – С. 170-177.
3. Гусев, В. И. За возвышенное в человеке // Молодая гвардия. – 1963. – № 1. – С. 283-292.
4. Денисова, И. В. Беззаветно служить красоте: Поэзия Василия Фёдорова. – М.: Современник, 1978. – 190 с.
5. Ерёмин, В. А. Василий Фёдоров. – М.: Советская Россия, 1969. – 134 с.
6. Казаркин, А. П. Чувство первичности // Огни Кузбасса. – 1988. – № 3. – С. 80-84.
7. Лапшин, М. Поэзия борьбы и человечности (О творчестве Василия Фёдорова) // Литература в школе. – 1964. – № 6. – С. 8-17.
8. Леонов, Б. А. Окрылённость. Василий Дмитриевич Фёдоров // Московский литератор. – 2008. – № 4, февраль.
9. Махалова, Т. И. Жил по совести поэт: о В. Фёдорове // Три имени / сост. и ред. Т. И. Махалова. – Кемерово, 1990. – С. 48-98.
10. Романов, А. Поэзия любви и веры. Раздумья над книгами Василия Фёдорова // Наш современник. – 1978. – № 11. – С. 166-173.
11. Урбан, А. А. Поэзия и публицистика // Звезда. – 1961. – № 5. – С. 202-205.
12. Фёдоров, В. Д. Размышляя о себе // Октябрь. – 1973. – № 1. – С. 205-212.

ГАЛИНА КАРПОВА
ПОЭМА ВАСИЛИЯ ФЁДОРОВА «СЕДЬМОЕ НЕБО»
В ОЦЕНКАХ КРИТИКИ XX ВЕКА И ЧИТАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА
// Православное краеведение на земле Сибирской Шестые историко-
краеведческие чтения. 28 марта 2017 года. –
Кемерово, КемОНБ им. В. Д. Фёдорова.

Василий Фёдоров так определил суть творчества: «Муки творчества, муки поиска самой строки ничтожны в сравнении с муками поиска смысла жизни, с поисками прекрасного в ней». Результатом такой серьёзной писательской установки явились многочисленные отклики читателей и критиков. Борис Леонов в 1970 году отметил, что поэма «Седьмое небо» вызвала «хвалебное половодье откликов», «мощный поток статей, рецензий» [4, с. 285].

Поэма «Седьмое небо» сразу полюбилась многим читателям и получила высокую оценку в критике 1960-1980-х годов. Алексей Марков в 1969 году дал высокую оценку автобиографической поэме В. Д. Фёдорова: «В поэме «Седьмое небо» автор по-пушкински философичен и по-лермонтовски взволнован. На каждом шагу смысловые слитки, звучащие афоризмами. <...> Можно утвердительно сказать о ней как о приметном и примечательном вкладе в наш поэтический эпос. Блистательная по литературному исполнению, она стала явлением серьёзнейшего раздумья поэта-гражданина о днях нынешних» [6, с. 7].

Виктор Чалмаев в статье «Философия патриотизма» (1967) ставит Василия Фёдорова в ряд писателей-патриотов (Блок, Есенин, Шолохов, Рубцов, Смеляков и др.): «Патриот – народопоклонник, гуманист в высшем понимании этого слова». Выделяя образы шолоховского Андрея Соколова и фёдоровской Наташи Граевой, критик делает выводы: «Серьёзное воспитательное значение имеет, например, патриотическая и философская поэзия Вас. Фёдорова. <...> Вас. Фёдоров лучшими своими произведениями утверждает глубокую мысль: история Родины – это сплошной подвиг, это напряжение сил, души, чувств народа». И ещё важное утверждение: «Традиция социальных исследований народной жизни, идущая от Некрасова, не пресеклась и не замерла. Этого не может быть и не будет. В таких произведениях, как «Хозяйка», «Гамлет в совхозе», поэма «Седьмое небо» Вас. Фёдорова <...> мы находим эту доподлинную народную жизнь...» [9, с. 283-284, 292].

Дмитрий Ковалёв в монографии «Наедине с жизнью» (1979) назвал поэму «Седьмое небо» «значительной вехой в творчестве поэта» и «значительным явлением и в нашей современной поэзии»: «Человек, его духовная крылатость – вот ради чего так трепетно и тревожно искала мысль оправдания жизни... Эта духовная сторона фёдоровской поэзии мне особенно близка. <...> А В. Фёдоров, «духовной жаждой томим»...» [3, с. 101, 103].

Искра Денисова в 1968 году, высоко оценив поэму «Седьмое небо», сделала ценные наблюдения о взрослении героя за время трёх полётов: «Круги

постижения Человечности в себе самом и в единстве с внешним существованием, с объективной реальностью. И, наконец, самый большой круг – подвиг во имя Родины, заключающей в себе жизнь человеческую и всё лучшее в душе и в мире» [1, с. 5].

Среди замечаний назовём мнение ленинградского критика А. Лурье (1973) о том, что жизненные «противоречия не «пропущены» через психологию, через внутренний мир персонажей, не укоренены в нём. Понятия добра и зла, любви и ненависти, духовной красоты и мещанства трактуются подчас несколько общё, отвлечённо» [5, с. 64]. Критик Борис Леонов (1970), отмечая внутреннюю цельность при кажущейся композиционной рыхлости романической поэмы, досадует на «воздушные ямы»: «И становится досадно, когда вдруг в возвышенно-глубинной поэме сталкиваешься со строчками, отдающими жестоким романсом («Я мучился, любовью раненный, себя сжигая на огне...»; «Эта ночь на двоих, и луна на двоих, и мерцающий блеск на ресницах твоих»). Неудачные такие строки выпадают из органической цельности поэмы сами собой» [4, с. 289].

Виктор Панков (1971) объясняет необходимость лирических вставок в поэме: «Романно-повествовательный сюжет довольно подробно развёрнут во времени. Правда, героев в поэме немного и рассказано о них не всё. Они открываются перед нами в сфере эмоциональной – чувств, мыслей, переживаний, настроений, воспоминаний Василия Горина. <...> Многие строфы поэмы выделяются словно самостоятельные лирические стихотворения. Они связаны сюжетной нитью, возникают, так сказать, в определённом контексте мыслей и переживаний героя, включены в круг реальных событий. Это и стихи-раздумья, воспоминания и стихи-признания; связанные с сюжетом, они становятся не обособленными, но внутренне самоценными миниатюрами, чаще всего оказываются ключевыми строфами. <...> Щедрое лирическое наполнение сюжетно-повествовательной поэмы, несомненно, связано с духовным миром героя» [7, с. 149, 157-158].

Светлана Коваленко в монографии «Художественный мир советской поэмы: Возможности жанра» (1989) определяет поэму как монологическую стихотворную повесть с драматическим сюжетом: «Складывается она из 8 глав, выявляющих характеры главного героя Горина и тех, с кем он неразрывно связан, – Марианны, Бориса, Дины. Жизнь сердца, мир души вмещает в себя грандиозные события 30-60-х годов, отражая в единичных судьбах исторические судьбы страны. И события эти предстают в потоке авторских монологов, каждый из которых – глава в жизни героя и его Родины» [2, с. 150-151].

Обратим внимание на монографию Ларисы Поляковой «Поэзия и современность» (1989), в которой сделаны интересные наблюдения о связи двух романических поэм Фёдорова. «Седьмое небо» и «Женитьбу Дон-Жуана» литературовед рассматривает как «своеобразную поэтическую диалогию», а автора одним из ведущих художников 1950-1980-х годов, чьё творчество

«органично продолжает ведущие традиции и тенденции классической литературы» [8, с. 274].

Высоко оценили поэму «Седьмое небо» участники всероссийской литературной викторины 2017 года. Приведём два мнения молодых читателей, высказанных на церемонии награждения победителей литературной викторины 19 апреля 2017 года в Кемеровской областной библиотеке им. В. Д. Фёдорова. Андрей Кошкин, студент 2 курса Тайгинского железнодорожного техникума: «Василий Дмитриевич своей поэмой раскрыл мне некоторые новые аспекты любви и дружбы. Хотелось бы сказать ему за это спасибо». Егор Евсюков, учащийся 9 класса Яйской СОШ № 2: «Здравствуйте, уважаемые гости сегодняшнего знаменательного мероприятия!.. Сейчас, пока я стою перед Вами, меня переполняют большие чувства. Прежде всего, это чувства Отчизнолюбия... При изучении и постижении русской литературы мы затрагиваем такие Светила, как А. С. Пушкин. И, по моему намерению, скажу, что для меня Фёдоров – это Пушкин Сибири. Потому что весь Русский Мир, все аспекты жизни раскрываются в творчестве Василия Дмитриевича... Одно дело – быть крылатым, а другое – давать крылья другим». Высокие читательские оценки подтверждают, что поэма Василия Фёдорова «Седьмое небо» не потеряла своей актуальности в двадцать первом веке.

Литература

1. Денисова, И. Круг творца // Литературная Россия. – 1968. – № 49. – 5 декабря. – С. 5.
2. Коваленко, С. Художественный мир советской поэмы: Возможности жанра. – М., 1989. – 272 с.
3. Ковалев, Д. По главной сути // Ковалев Д. Наедине с жизнью. – М., 1979. – С. 95-103.
4. Леонов, Б. Над небом - небо // Молодая гвардия. – 1970. – № 6. – С. 285-289.
5. Лурье, А. Большой стиль поэмы // Литературное обозрение. – 1973. – № 11. – С. 62-64.
6. Марков, А. Седьмое небо Василия Фёдорова // Огонёк. – 1969. – № 2. – С. 7.
7. Панков, В. К традиции в движении: О современной советской литературе. – М., 1971. – С. 145-163.
8. Полякова, Л. Новая жизнь «вечных героев» // Полякова Л. Поэзия и современность: «за» и «против». – М., 1989. – С. 274.
9. Чалмаев, В. Философия патриотизма // Молодая гвардия. – 1967. – № 10. – С. 272-293.

ГАЛИНА КАРПОВА

ОТКУДА РОЖДАЮТСЯ КЛАССИКИ:

К 100-летию со дня рождения поэта Василия Дмитриевича Фёдорова
// журнал «Огни Кузбасса». – 2018. – № 1

Поэт Василий Фёдоров (1918–1984), лауреат двух Государственных премий СССР (1979) и РСФСР (1968), ещё при жизни многими читателями и критиками был признан классиком советской литературы. О нём говорили как о «крупнейшем поэте наших дней, выдающемся мастере русского стиха» (Юрий Прокушев), называли «подлинно русским национальным поэтом» (Михаил Луконин), поэтом «самобытным. Очень русским, поэтому вбирающим в себя лучшее, созданное на вселенских путях-дорогах. Поэтом Божией милостью...» (Сергей Наровчатов) и т. д.

Поэма Василия Фёдорова «Проданная Венера» (1956) потрясла многих советских читателей. Так ещё в советское время никто не писал. В 2014 году я услышала от известного кемеровского поэта Геннадия Юрова, какое ошеломляющее впечатление произвела на него, тогда студента Томского университета, поэма «Проданная Венера»: «Я знал её наизусть, когда был студентом филфака ТГУ, как помешанный ходил под её воздействием». Действительно, одно описание деревенской красавицы Наташи Граевой в эпизоде купания, когда она заходит в воду, потрясает и сегодняшних читателей – чего стоят детали:

Но видел я,
Как стихли воды,
Когда она к реке прошла –
Фантазия!
Каприз природы!
Причуда света и тепла!
Она, омытая лучами,
Когда вода коснулась стоп,
Легонько повела плечами,
Как будто сбросила озноб.
Волна пред нею расступилась
И снова преградила путь...
Блестели плечи,
Золотилась
Её заносчивая грудь.
Там,
Над речною глубиною,
Произнесли мои уста
Ещё не троганное мною
Большое слово:
Красота.

«Книга любви» (1964), поэма «Седьмое небо» (1967) Василия Фёдорова сразу полюбили читатели. «Книга любви» при жизни поэта были изданы трижды. У Василия Фёдорова всегда было много поклонников его поэзии при жизни, есть они и сейчас. Приведём несколько читательских откликов со страницы Василия Фёдорова на сайте «Стихи.ру» (модератор Александр Кочетков). Анатолий: «Лет эдак 30-35 назад, мне попался с okazji двухтомник В. Фёдорова. У меня кроме Есенина и Пушкина, появился третий самый любимый поэт. Прочитал с удовольствием, некоторые (очень понравившиеся) стихи раз по три. Теперь понравившиеся помню на память до сих пор. Как-то в компании на спор читал Фёдорова и Есенина полтора часа» (18 февраля 2012 года). Двухтомник вышел в 1970 году в издательстве «Художественная литература» тиражом 75 тысяч экземпляров.

Алексей Кривенко: «В ранней юности отец дал мне в руки томик Василия Фёдорова, и до сих пор я под его гипнозом» (23 июля 2013 года).

Какие книги Василия Фёдорова нашёл 14-летний Андрей Земченков из села Котино Прокопьевского района Кемеровской области нам не известно, но читатель двадцать первого века, участник областного молодёжного конкурса, посвящённого 95-летию Фёдорова, в эссе написал: «Лично для меня Фёдоров – гений в своей области, крупнейший поэт нашего времени» (март 2013 года).

Приведём современную читательскую оценку одной из лауреатских поэм Василия Фёдорова «Седьмое небо». Михаил Силин, выпускник Качинского лётного училища (1974), Заслуженный лётчик-испытатель России (2003) о поэме «Седьмое небо» в феврале 2013 года написал: «Я считал этого автора незнакомым для себя и с удивлением обнаружил, что многие его стихи слышал или читал, но имя автора абсолютно не отложилось в памяти. А вот «Седьмое небо» я, действительно, прочитал впервые. Сразу с началом чтения ассоциативно в памяти стали возникать картинки уже более чем 40-летней давности, именно на уровне эмоций я как бы опять пережил то давнее... такое близкое, знакомое... И пришло осознание, что «Седьмое Небо» – это не профессиональное, а скорее общечеловеческое понятие, такое как «Любовь», может где-то близкое по смыслу к словосочетанию «Рай Земной». Сразу стали всплывать в памяти образы Мастера и Маргариты Булгакова, где два героя в своих отношениях, в моём понимании, достигли этого самого состояния – «Седьмого неба», но ценой каких усилий в борьбе с внешними обстоятельствами и в борьбе, проходившей внутри самих себя... Образы Юрия и Ларисы из «Доктора Живаго» Пастернака, где, казалось бы, «Седьмое небо» было почти рядом, да так и не состоялось... Образ князя Мышкина Достоевского, который в поисках своего «Седьмого неба» выглядел «Идиотом» на фоне окружающего его мира».

Подумать только, в какой контекст героев классической литературы поставлены герои фёдоровской поэмы Марьяна и Василий Горин!

Актуальны ли поэмы Фёдорова сегодняшним читателям? Для меня, да! Подтверждением этому явились ответы кузбасских школьников и студентов на вопросы литературной викторины по поэме «Седьмое небо», проведённой в

2016 году. Вот какие слова сказали победители викторины 19 апреля 2016 года, в День памяти поэта. Егор Евсюков из пгт. Яя, ученик 9 класса школы № 2: «Сейчас, пока я стою перед Вами, меня переполняют большие чувства. Прежде всего, это чувства Отчизнолюбия... При изучении и постижении русской литературы мы затрагиваем такие Светила, как А. С. Пушкин. И, по моему мнению, скажу, что для меня Фёдоров – это Пушкин Сибири. Потому что весь Русский Мир, все аспекты жизни раскрываются в творчестве Василия Дмитриевича». Андрей Кошкин, студент 2 курса Тайгинского железнородорожного техникума: «Василий Дмитриевич своей поэмой раскрыл мне некоторые новые аспекты любви и дружбы. Хотелось бы сказать ему за это спасибо».

Соглашусь с мнением Валентина Хализева, что «автор, признанный современниками, – это лишь «кандидат» в классики. Классика призвана к тому, чтобы, находясь вне современности читателей, помогать им понять самих себя в широкой перспективе культурной жизни – как живущих в большом историческом времени». Пока после смерти «кузбасского Пушкина» (А. Г. Тулеев) прошла треть века. Сохранится ли интерес читающей публики к его поэзии на протяжении более длительного времени? Хочется надеяться на положительный ответ. А пока давайте посмотрим, откуда в Кузбассе рождаются писатели из разряда классиков, и в какой семье они вырастают.

Василий был девятым ребёнком в многодетной семье рабочего-каменщика, шахтёра. В семье было 11 детей. А если бы было только двое старших? Андрей был расстрелян в 1938 году. Пётр умер в 1935 году во время операции (аппендицит). Профессиональным поэтом в семье стал только девятый родившийся ребёнок. Из кузбасских поэтов, членов Союза писателей СССР / России поэт Михаил Небогатов был рождён тринадцатым ребёнком, поэт Дмитрий Клёстов – двенадцатым. Вспомним, что наш сибиряк учёный-химик Дмитрий Менделеев родился в Тобольске семнадцатым ребёнком.

Родители поэта, Дмитрий Харитонович Фёдоров и Ульяна Наумовна Кириллова, познакомились в 1897 году на берегу реки Яя, где «на кладке каменного быка работал семнадцатилетний Митька-сирота из Марьевки».

Мой отец совсем ещё подростком
Строить стал сибирскую дорогу.
Говорят,
Что строил образцово,
Строил так, что на дороге сына
До сих пор стоят мосты отцовы,
Презирая водные быстрины (стихотворение «Корни»).

15-летняя Ульяна носила отцу Науму воду из реки (для катки пимов воды нужно было много). «У неё было такое поношенное платьишко, что когда бежала к реке, то прихватывала рукой его левую сторону, а когда поднималась от реки – правую. В глазах Митьки эти манипуляции с платьем выглядели

кокетством. Он стал приглядываться, и чем больше приглядывался, тем больше она ему нравилась» (из очерка В. Д. Фёдорова «О себе и близких»). Ульяна отвергла и богатого жениха Тишку, и вдовца из Томска. В 1900 году молодые повенчались, предположительно в Яе (тогда село Жарковка), в Марьевке церкви не было. В селе Жарковка деревянная церковь преподобного Онуфрия Великого была построена в 1868 году.

Семья была создана по любви, муж и жена были людьми неординарными.

Из интервью В. Д. Фёдорова от 30 июля 1977 года корреспонденту новосибирской газеты «Молодой сибиряк»: «Я вырос в крестьянской семье, был девятым ребёнком. Родители – люди простые, неграмотные. Отца я почти не помню, он рано умер. Мама про него рассказывала с умилением и гордостью. Он был артистической натурой: любил лошадей, любил меняться [лошадьми], бороться, на кулаках драться, любил красивые слова. У мамы характер мягкий. Она была как-то душевно развита. Знала много народных песен, я потом их записывал. Обладала тонкой наблюдательностью – хорошо умела передавать движения людей, жесты».

По воле,
По страсти,
По власти отца,
По кротости матери бедной
Достались мне
Крепкие руки бойца
И сердце
Сестры милосердной (стихотворение «Лицо века»).

«Мама росла бойкой, острой на слово, голосистой», «у неё был хороший голос, знала много народных песен, в том числе свадебно-обрядовых, умела причитать по умершим. Из воспоминаний Василия Фёдорова: «Напевая свадебно-обрядовую песню, она, например, вставляла моё имя:

По сеньюшкам Авдотьюшка гуляла,
По новеньким Авдотьюшка ходила,
Из кармашика орешки челкала
И в оконушко шелушицу бросала,
В Васильевы кудри попадала,
Дмитричевы кудри воспетляла,
Чтобы, чтобы Васильюшка оглянулся
И своей красавице восмехнулся» (очерк «О себе и близких»).

«Дмитрий Харитонович любил бороться, драться на кулачках, играть в карты и орла, но его самой главной страстью были лошади. <...> Оказывается, вдобавок к азартным играм, кулачным боям и увлечению лошадьми отец любил

ещё и **красивые слова**. Зипун, и без того слово нерусское, он называл хламидой».

Из воспоминаний сестры поэта Зинаиды Алянчиковой (Фёдоровой): «В доме у нас никто не ругался, не обзывался нехорошими словами. А от отца кое-кто из нас получил прозвища, я – «Каштанка», Тоня – «Цикуля», Таня – «Губошлёп», Ваня – «Пузырь от лампы», остальные остались без прозвищ. Никто у нас в семье не ругался, братики не курили и не устраивали гулянки».

В атмосфере чистых слов рос будущий поэт.

Иногда бывали семейные ссоры, но были они без злобы друг на друга, без оскорблений: «Однажды, ускакав на лошади, отец вернулся грустным пешеходом. А утром надо было ехать ему по воду. – Ульянка, а где коромысло? – робко спросил отец. – Нет тебе коромысла, запрягайся сам. Отец действительно взялся за оглобли. Разве так возят? – воскликнула мама. Не успел бедняга сообразить, как на его шее оказался оставшийся от лошади хомут. Он, прямо в хомуте, – за ней, но она быстренько – на крыльцо, в сенцы – и дверь на защёлку. <...> при восьми детях были они ещё совсем молодыми», тридцатилетними.

По воспоминаниям Зинаиды Дмитриевны, мама, «если она ругалась на кого-то, не употребляла общепринятых бранных слов, а называла Аспидом или Ванькой Каином». Семья поэта Василия Фёдорова любила и ценила фольклорное и книжное чистое слово. Все дети рано приобщились не только к фольклору, но и к классической литературе.

Из воспоминаний Зинаиды Дмитриевны, сестры поэта: «Хотя семья наша была очень бедной, но в плане духовном и даже эстетическом наш быт и поведение не уступали нынешним городским семьям. Мы много читали и любили стихи, все поэмы Некрасова и многие стихи Пушкина я помню наизусть и сейчас, за что спасибо нашим учителям, они правильно нас учили».

Из интервью Василия Фёдорова от 30 июля 1977 года: «Я рано начал писать, ещё когда в школу не ходил. Стихи как-то сами приходили. В этом не было ничего удивительного: у нас каждый мог при случае что-нибудь сочинить. Брат Пётр был организатором и первым секретарём комсомольской ячейки. Стихи были его оружием. Писали все, но только мне довелось стать профессиональным поэтом». Первые стихи Василий Фёдоров слагал на марьевских лугах, возле речки Яя.

Сестра Зинаида: «он рано начал писать стихи, хорошо рисовал. Талант его проявился очень рано. Но на моей памяти, как ни странно это прозвучит, не в стихосложении, а в иной ипостаси. Помню приходит как-то Танин муж Павел из сельсовета и говорит: «Вася, нужно нарисовать пионера во весь рост вот на этом месте, с поднятой в приветствии рукой – «Будь готов», будем открывать пионерский уголок. Васе было лет 10-12, но он нарисовал пионера так хорошо, что его пионер долго оставался единственным в нашем пионерском уголке». В новелле «Мои метаморфозы» (цикл «Сны поэта») Василий Фёдоров упомянул о том, как свой рисунок Пушкина он поставил на полку с иконами и отстоял его место в красном углу избы. Когда Ульяна

Наумовна полезла на лавку, чтобы убрать портрет, крик сына остановил её: «Мама, это же Пушкин!»

В очерке «О себе и близких» Василий Фёдоров вспоминал: «Братьям же, Андрею и Петру, я обязан ранним знакомством с настоящей литературой: с Пушкиным, Лермонтовым, Байроном, Купером, Лонгфелло. Ставшие комсомольцами, а потом партийными работниками, призванными в города, они торопились восполнить недостатки образования, особенно Пётр. Если в разговоре с ними какой-нибудь эрудит называл неизвестного им писателя, поэта, они по-крестьянски старались не подать вида, что не знают их, зато в тот же вечер шли в библиотеку. В отпуск братья приезжали с тюками разнообразных книг, которые потом оседали в нашем доме».

Ульяна Наумовна не ругала сына за чрезмерное увлечение чтением и сочинительством. Поэт вспоминал: «Любили мы песни петь. Делали, допустим, капустные пельмени, а всё равно с песнями. Делали всей семьёй за большим столом. И это коллектив как-то спланивало. Сейчас уже прошло так много времени, но если говорить о маме, то самое большое было в ней – это понимание моего, допустим, увлечения. Я иногда просиживал ночами. Она меня не трогала, потому что потом я работал. А лампа, керосин, знаете ли, в те времена был очень дорогим. Его было трудно достать. И это она прощала. А для большой семьи жечь лампу... в деревне гас огонь быстро. Одним словом, я семье обязан просто как явлению, как социальной школе. Для меня была не просто семья, а для меня это была большая социальная школа, потому что круг интересов большой семьи был очень широк, и всё стекалось в семью. Каждый рассказывал по-своему свою историю».

По воспоминаниям Зинаиды Дмитриевны, любимыми песнями в семье были: «Скакал казак через долину», «По серебряным волнам», «По Дону гуляет казак молодой», «Не вейтесь чайки над морем», «Густой неведомой тайгой» и много других. Ульяна Наумовна и её дочери Зинаида, Татьяна и Антонина любили петь на четыре голоса. Любили петь и сыновья, особенно Пётр и Василий.

С лета 1934 года Василий Фёдоров жил в г. Новосибирске, учился в Новосибирском машиностроительном техникуме, куда на два года раньше поступил его брат Иван. С января 1937 года техникум был переименован в Новосибирский авиационный техникум. В 1938 году Василию была присвоена квалификация техника-технолога по кузнечно-прессовой специальности».

Во время учёбы в техникуме В. Д. Фёдоров дополнительно с 1936 года учился в лётной школе при Новосибирском аэроклубе, умел летать на учебном самолёте По-2, студентом посещал литературный кружок. В 1937 году был участником театральной студии, исполнил роль Петра Мелузова в отрывке из пьесы А. Н. Островского «Таланты и поклонники».

После окончания Новосибирского авиатехникума он был направлен на Иркутский авиационный завод имени Сталина. С июля 1938 г. по март 1941 г. проживал в городе Иркутске в общежитии № 7 по улице Жданова (ныне Авиастроителей), д. 28, комната 19. Из воспоминаний друга юности поэта и

художника Дениса Цветкова: в изголовье кровати была полочка с книгами, на которой стояли стихи А. Блока и С. Надсона, однотомник Шиллера, однотомник Лермонтова, «Мартин Иден» Джека Лондона: «О Джеке Лондоне он тогда сказал примерно так: «Вот это писатель! Ему веришь. И «Мартин Иден» великолепен. Жаль – конец не тот. Тут как-то по-другому надо бы!..»».

Из воспоминаний Василия Стародумова: «Библиотечка у него была небольшая, состоявшая из любимых им авторов: Щипачёва, Гейне, Гёте. Особенно он любил Надсона, томик которого часто таскал с собой. Говаривал: «Не прав Маяковский, отзываясь о Надсоне пренебрежительно».

Заметим, что классика мировой художественной литературы, прочитанная в 1930-е годы, перечитывалась Фёдоровым позднее, в 1960-1970-е годы. В 1966 году Василий Фёдоров был в Кемерово на Зональном семинаре молодых писателей Урала и Сибири, руководил одним из поэтических семинаром. Руководителями других были поэты Ярослав Смеляков и Марк Соболев. По воспоминаниям поэта Сергея Донбая, Фёдоров говорил с молодыми писателями о Гёте. Можно предположить, что поэт делился материалом, который позднее будет опубликован им в его книге «Наше время такое: О поэтах и поэзии» (М.: Современник, 1973).

Одну из статей этой книги Фёдоров назвал «Перечитывая «Фауста». В статье автор останавливается на двух моментах произведения Гёте: трагической линии Гомункула и вопросе, почему всемогущий Мефистофель у Гёте не может сам привести Париса и Елену, а вынужден послать за ними Фауста. «Из его [Мефистофеля] окружения он мог бы притащить на императорский бал пошлых красоток, но вызвать Елену и Париса у него нет сил. За подлинной красотой должен идти смертный, ищущий и страдающий, рождённый Матерью человек. Вот почему за Еленой и Парисом в подземные глубины пошёл Фауст. Какая грандиозная фантазия. Поняв её, начинаешь иронически смотреть на полемически-трагический гвоздь в сапоге Маяковского. Лично мне тайна этой фаустовской темы далась лишь после того, как была написана «Проданная Венера». Стихотворение Маяковского Фёдоров процитировал в начале своей статьи: «Когда-то мне нравились стихи Маяковского:

Что мне до Фауста,
феерией ракет
скользящего с Мефистофелем в небесном паркете!
Я знаю –
гвоздь в моём сапоге
кошмарней, чем фантазия у Гёте!

Мне нравилось само преувеличение гвоздя в собственном сапоге, хотя уже тогда я понимал, что всё это сказано в полемическом азарте, чтобы подчеркнуть значение современности. К тому же в те времена было модным сбрасывать с корабля современности классиков. Сбрасывали Рафаэля, сбрасывали Пушкина и Толстого. Доставалось и Гёте. Теперь ясно, что азарт в

литературной полемике – не самый мудрый наставник. Перечитывая «Фауста», я понял, что в данном случае выигрыш Маяковского был эмоциональный, временный, тактический, а не стратегический. Фантазия Гёте ныне представилась мне неповторимо глубокой, и не только в первой части поэмы, но и во второй».

Василий Фёдоров перечитывал и поэмы Владимира Маяковского. В 1977 году в одном из интервью он сказал: «Время от времени я чувствую потребность прийти к Маяковскому. Заглянуть в него, посмотреть... Меня не перестаёт удивлять его «Облако в штанах» в смысле интонации. «Алло! Кто говорит? Мама?» – и смотрите, как меняется: «Мама! Ваш сын прекрасно болен!..» Вот этот маленький момент – он требует специального изучения. Читаешь уже в который раз – и вдруг начинаешь замечать вот такие тонкости. Я очень люблю Есенина за его эмоциональность. Мартынова люблю... (фрагмент интервью газете «Молодость Сибири» от 30 июля 1977 года).

Вдумчиво Василий Фёдоров перечитывал и «Дон Жуана» Байрона. Свидетельством тому являются многочисленные отсылки к книге Байрона в поэме Василия Фёдорова «Женитьба Дон-Жуана».

Внимательный читатель художественной литературы, Василий Фёдоров вдумчиво и основательно подходил к любому делу, в том числе и к работе самолётостроителя. Из воспоминаний Ивана Архиповича Кузнецова, журналиста заводской многотиражки и областной молодёжной газеты г. Иркутска в 1930-е годы: «Работал Василий Фёдоров в мастерской, которая находилась в стороне от цеховых корпусов. Он как-то выгодно отличался от других мастеров завода, зачуханных в конце месяца, особенно если «горел» план и директор завода лютовал. Конечно, дёргали и Фёдорова, но он с достоинством парировал наскоки. Рабочие любили своего мастера. И пожилые, вдвое старше, относились к нему уважительно:

– Дай Бог каждому такого мастера, как наш Василий Дмитриевич, – не раз слышал я, бывая в мастерской». Далее И. А. Кузнецов говорит об актёрском таланте поэта: «В заводском Доме культуры драматический кружок начал готовить спектакль по пьесе «Честь» Г. Мдивани. Нам с Денисом и тем, кто только пришёл в драмколлектив, поручили быть «массой» – то колхозниками, то пограничниками, Василию Фёдорову дали роль героя-пограничника Надира. Он быстро «стал артистом», изображал пограничника не хуже, чем ветераны кружка. В рецензии на этот спектакль я отметил, что В. Фёдоров неплохо сыграл роль Надира.

Вот и на следующем спектакле по пьесе К. Тренёва «Любовь Яровая» профессор Горностаев в исполнении Василия был великолепен. <...> В драмкружке лучше узнали Василия и ещё больше привязались к нему. Он так старался вникать во все указания режиссёра, словно задумал бросить свою мастерскую и отдаться сцене. Мог долго перед зеркалом, пока свободен от репетиции, повторять жесты, отрабатывать мимику.

– В жестах что-то есть. Можно жестами мыслить.

Он был поглощён этой возможностью – мыслить.

Однако Василий чаще, чем другие, и выводил из себя режиссёра, когда не соглашался с ним и хотел играть по-своему.

– Так правдоподобнее, – настаивал он»

Из воспоминаний друзей юности В. Стародумова и Д. Цветкова Василий Фёдоров любил не только чтение и театр: любил заниматься физкультурой, «был активнейшим комсомольцем, членом бюро Ленинского РК ВЛКСМ Иркутска. Агитатором, зачинателем многих комсомольских дел. Он хорошо ходил на лыжах, любил музыку, танцы, весёлые кинофильмы. Но больше всего Вася любил читать. Он знал на память множество стихов наших классиков, восхищался Чайльд Гарольдом Байрона и сам писал очень много <...> на одном дыхании, на случайных листках бумаги, коробках папирос, на полях газет. Даже стена в общежитии, где стояла его железная кровать, была испещрена рифмами».

С апреля 1941 по август 1947 года Василий Фёдоров жил в Новосибирске (в 1940-м году туда переехала из Марьевки мама), работал на Новосибирском авиационном заводе № 153 им. Валерия Чкалова в цехе № 42 технологом, старшим мастером. Занимался в литературном объединении под руководством поэтессы Елизаветы Стюарт.

В 1944 году два стихотворения поэта были опубликованы в журнале «Сибирские огни» (кн. 4. с. 59). Девять стихотворений вошли в коллективный сборник «Родина» (Новосибирск, 1944), среди них знаменитое стихотворение «Прощай, село! Я сын твоих полей...» (ода селу, родной Марьевке). В феврале 1947 года в Новосибирске была издана его первая поэтическая книга «Лирическая трилогия». Книга поэм отличалась эмоциональной напряжённостью действия, склонностью к афористическим обобщениям, вниманием к современной проблематике.

В 1947 году Василий Фёдоров был участником Первого Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве, «был хорошо принят семинаром Николая Асеева», встретился с А. Т. Твардовским, которому отдал для прочтения рукопись своей поэмы «Марьевская летопись». Осенью 1947 года по ходатайству Твардовского перевёлся с третьего курса заочного отделения на второй курс очного отделения Литературного института, поселился в общежитии, находившемся на первом этаже здания Литинститута (Москва, Тверской бульвар, д. 25). Бескорыстное служение поэзии заставило Василия Фёдорова оставить работу самолётостроителя и перейти на стезю профессионального литератора.

На занятиях очного отделения он познакомился с Ларисой Фёдоровной Быковой (1915 – 1994), ставшей впоследствии его женой. Летом 1948 года по пути на Горный Алтай в творческую студенческую командировку Василий и Лариса заехали в Новосибирск, где Лариса Фёдоровна познакомилась с мамой Василия Ульяной Наумовной и его близкими родственниками.

С детства у Василия Фёдорова формировалась впечатлительная душа, с детства в нём формировался поэт-мыслитель, философ, пытающийся понять «зачем меня призвали, что должен я исполнить на земле».

«Однажды сестра Тоня повела меня к обрыву. И тогда я увидел всё озеро сразу. Единым взором я увидел всё, что лежало и поднималось до самого горизонта... В эту ночь я долго не мог уснуть – всё вспоминал, чем же был наполнен увиденный мною простор». «Помню, брат Андрей, приехавший в отпуск, повёл нас к озеру купаться. Он, заставив меня держаться за плечи, поплыл со мной на середину. Небо было синее в лёгких облачках, вода была тоже синяя и бездонная, как небо. И там в глубине, плыли такие же облака. А вода была тёплая и лёгкая, подобно тихому ветерку. И мне показалось, что плыли мы между двумя небесами – в бесконечности, и когда возвращались к берегу, он стал вроде бы совсем другим, каким-то сказочно-странным. И всё – чудо!..». Ребёнок вдруг увидел Божественную Красоту окружающего мира. Так формировался будущий большой поэт.

Любовь мне –
Как блистание
Звезды над миром зла.
Любовь мне –
Как признание
На добрые дела.

Чтоб мир
Отмылся дочиста,
Душа тревогу бьёт.
Любовь мне –
Как пророчество,
Зовущее вперёд.

Любовь –
Как жажда истины,
Как право есть и пить.
Я, может быть,
Единственный,
Умеющий любить.

Известное стихотворение Василия Фёдорова было написано в начале 1960-х и опубликовано в 1964 году в его «Книге любви». Василий Фёдоров, действительно, умел любить и людей, и поэзию. В 1977 году на вопрос корреспондента газеты «Молодой сибиряк» (Новосибирск) «У Вас много произведений о любви. Можно сказать, что это одна из главных тем Вашего творчества?» поэт ответил: «Главная тема – всегда жизнь. А это прежде всего жизнь людей, их работа, семья, счастье... А какое счастье без любви? И вообще, что такое счастье? Мы говорим о мире, об огромном нашем строительстве – ведь всё это для того, чтобы обеспечить человеческое счастье. Счастье и любовь – почти главное. Потому что человек, не

познавший любовь, – бедняк. Надо, чтобы любовь появилась на земле. Если человек любит, он способен на большое трудолюбие, может совершить какой угодно подвиг. Не обязательно во имя любви, но любовь будет импульсом. Кстати, когда говорят «несчастливая любовь», я не верю. Любовь несчастной не бывает. Какой бы она ни была, она счастливая. Она – Любовь».

Надеюсь, что читатели поэмы Василия Фёдорова «Седьмое небо» без труда вспомнили афористические строки: «Любви несчастной нет, она, какой бы ни была, – счастлива».

21 мая 1962 года Василий Фёдоров выступил в Политехническом музее в Москве. В Политехническом музее часто выступали «эстрадные» поэты: А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Р. Рождественский. Василий Фёдоров стоял к ним в оппозиции, считал их формальные поиски трюкачеством ради трюкачества, литературщиной. В статье «Поэзия и эстрада», опубликованной в альманахе «День поэзии 1964» Василий Фёдоров прояснил свою позицию: «Я хотел бы отделить понятие «эстрада» от понятия «трибуна». Для поэта нужна трибуна, та самая, которой пользовался Маяковский, чтобы пропагандировать высокую поэзию, свои взгляды. Эстрада же требует развлекательности, и поэт нередко становится пленником аудитории, которая хочет развлекаться. <...> Мы должны воспитывать серьёзное отношение к эстраде. Давайте приучать аудиторию к серьёзным стихам. Когда Блок выходил на трибуну, то он не делал никаких уступок слушателям, он их воспитывал».

В интервью во время работы Пятого Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве В. Д. Фёдоров сказал, что, прежде всего, «поэту надо заботиться о чистоте своего внутреннего мира». Эта мысль была продолжена им в статье к 170-летию со дня рождения А. С. Пушкина: «Поэзия Пушкина с чувством свободы и независимости, с чувством достоинства и благородства легла в основу нашей нравственности. Его поэзия больше чем стихи...».

6 июня 1969 года Василий Фёдоров выступил на Третьем Пушкинском празднике поэзии в Михайловском, а 6 июня 1974 года – с докладом «Наш Пушкин» в Кремлёвском Дворце съездов на торжественном вечере, посвящённом 175-летию А. С. Пушкина: «Пушкин – величайшая духовная ценность нашего народа. Эта ценность нетленна для всех, кто любит поэзию, а поэзия не знает границ. Иначе и не может быть, потому что поэзия всего мира родилась из человеческого желания соединить в себе разрозненные вещи, явления природы, отдалённые понятия, незнакомых прежде людей, племена и народы». Этой высокой задаче старался служить поэт Василий Фёдоров.

В интервью корреспонденту газеты «Вечерний Новосибирск» от 22 июля 1977 года В. Нарбуту на вопрос «Кому в первую очередь адресуете Вы свои произведения?» Фёдоров ответил: «Я не признаю деление читателей по профессиям, роду занятий или, скажем, социальным группам. Для меня важна категория духовная, внутреннее состояние человека, склад его души. Я адресую стихи и профессору, и колхознику, если они духовно близки мне, я обращаюсь к единомышленникам. Или стараюсь сделать читателя своим единомышленником. Люди ищущие, проникнутые беспокойством о природе,

заботой о чувстве достоинства, о гордости своей, о гражданских интересах – к ним обращены мои стихи».

Добрая, просветлённая, мудрая поэзия Василия Дмитриевича Фёдорова духовно близка мне, его читателю из двадцать первого века. Надеюсь, что и читателям журнала тоже. Местом рождения самого известного кузбасского поэта стал областной центр Кемеровской области.

Василий Дмитриевич Фёдоров родился 23 февраля 1918 года по старому стилю в нынешнем городе Кемерово на территории его левобережной части. На момент его рождения это была территория волостного села Усть-Искитимское (Щегловское) Кузнецкого уезда Томской губернии. 9 мая 1918 года на Первом (учредительном) Щегловском съезде Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов было принято решение о создании города Щегловска. Однако формальное утверждение статуса города растянулось на семь лет: только 9 марта 1925 года город Щегловск получил свои законодательно оформленные границы и 6 июня 1925 года был утверждён ВЦИКом в списке городов Сибири. В конце 1928 года ВЦИК включил в городскую черту железнодорожную станцию, химзавод, рудник и деревню Кемерово, а с 1932 года город был переименован в Кемерово. См. книгу: Усков Игорь Юрьевич. Кемерово: рождение города. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – 351 с.

В автобиографическом очерке «О себе и близких» (1972) В. Д. Фёдоров написал: «На первый случай поселились в Щегловке, в шахтёрском бараке, рассчитывая в будущем на выделенном участке поставить свой дом». Из воспоминаний сестры поэта Зинаиды Дмитриевны Алянчиковой (Фёдоровой): «Когда пришли белые и Колчак, отец выехал в Кемерово, ехал он со старшими сыновьями на лошади, а мама с малыми ехала на поезде». Железнодорожная станция Анжерская была открыта в 1898 году. Железнодорожная станция Кемерово была открыта в 1916 году.

В свидетельстве о рождении В. Д. Фёдорова ФИ № 466925, выданном 1 (первого) марта 1957 года Кемеровским городским ЗАГСом, есть следующая запись: «Гр. Фёдоров Василий Дмитриевич родился 23.II.1918 г. двадцать третьего февраля тысяча девятьсот восемнадцатого года. Место рождения ребёнка: Кемерово Кемеровская область республика РСФСР, о чём в книге записей актов гражданского состояния о рождении 1918 года февраля месяца 28 числа произведена соответствующая запись за № 56» (из фондов Марьевского литературно-мемориального музея). В свидетельстве о рождении указана национальность родителей: Фёдоров Дмитрий Харитонович русский; Фёдорова Ульяна Наумовна русская.

По записи в Метрической книге Николаевской церкви села Усть-Искитимское за 1918 год родители Василия Дмитриевича Фёдорова – «гражд. Дмитрий Харитонов Фёдоров, законная жена его Иулиания Наумова оба православные» были уроженцами «Томской губернии Томского уезда Сужденской [правильно Судженской] волости деревни Марьевка» (фонд Государственного архива Кемеровской области (ГАКО). ОДФ-60).

Детство и юность поэта прошли в деревне Марьевка (с 1943 года в составе Яйского района Кемеровской области). На сибирских просторах земли Кузнецкой в двадцатом веке вырос писатель из разряда классиков с фамилией первопечатника Ивана Фёдорова – Василий Фёдоров, наш земляк.

11-19 октября 1988 года творческая бригада Кемеровской студии телевидения (режиссёр и оператор – Ю. Я. Светлаков; автор сценария и ведущая – Т. И. Махалова; звукорежиссёр – В. Смирнов) в Москве сняла несколько интервью у московских писателей на фоне Литературного института для телефильма о В. Д. Фёдорове «Я душу распахну – входи!..». Приведём высказывания писателей-современников Василия Фёдорова, сделанные в 1988 году и опубликованные в книге Юрия Яковлевича Светлакова «Поэта надо издали любить...» (Кемерово, 2017).

Владимир Крупин, писатель: «Я не был с ним на равных, и я просто счастлив тем, что он как-то всё-таки обратил на меня внимание, коснулся плеча. Я помню, он произнёс потрясающую малоизвестную пушкинскую речь в Колонном зале Дома Союзов. Она была опубликована, но не имела такого широкого распространения. Были и противники у этой речи. Сидит он такой, опустив голову, а потом поднимает её... Он, конечно, был потрясающей красоты, ума и обаяния человек, и говорит: «А! Уеду я в свою Марьевку!» И мы до сих пор его вспоминаем, он мимоходом говорил, но всегда точно. А сейчас слушаешь какого-нибудь говоруна на трибуне, и сразу вспоминаешь фёдоровское «...и говорит он умно и глубоко, но странно видеть сытого пророка», или «...общенародного признанья пути заведомо длинны, поэт обязан быть в изгнании, хотя б у собственной жены». Это вроде бы были шутки. Василия Фёдорова у нас не только не хватает, наша задача – расширить знания о Фёдорове. Это же огромный поэт, поэт уровня Кольцова, Рубцова, Есенина, Некрасова».

Егор Исаев, поэт: «Я против всех культов. Я за культ личности в каждом человеке. В нём было много народного, он весь народный человек. Слушайте – как он умел переживать! Как он умел чувствовать! Даже не умел, а чувствовал историю. Чувствовал историю народа, как биографию человека. Понимаете, он – философ! Философ по натуре. О нём говоришь – и живёшь, такой он был неповторимый, такой сибирский».

Валентин Сорокин, поэт, ученик В. Д. Фёдорова: «Если я буду здоров и перейду его рубеж, возраст его мне так же его будет не хватать, как не хватает тебе в пути, в жизни твоей родного хутора, откуда ты родом, ладоней отцовских, края своего. Это есть родное, вечное, наше движение к тому, ради чего нас мать родит на этот свет, и ради чего состоится судьба наша. Потому что он весь из нас, из нашей жизни, из нашей земли. Он пришёл утвердить нас!»

Певец России и Сибири, всей душой болеющий за судьбу Отчизны, Василий Дмитриевич Фёдоров талантливо запечатлел национальную жизнь и трагедии двадцатого века в лучших своих поэмах («Проданная Венера», «Седьмое небо», «Женитьба Дон-Жуана») и известных стихотворениях, таких

как «С тобой, Россия!», «Совесть», «Сердца», «На родине моей...», «По главной сути...» и многих других. Родник его поэзии – это настоящее чистое русское Слово. Светлое слово Василия Фёдорова продолжает жить...

СВЕТЛАНА СТАРОВОЙТОВА
РОЛЬ ДИАЛОГА, РЕПЛИКИ В ПОЭМЕ В. Д. ФЁДОРОВА
«ПРОДАННАЯ ВЕНЕРА»

// Библиотечная жизнь Кузбасса: периодический сб. Материалы Пярых межрегиональных историко-краеведческих чтений «Православно-художественное краеведение на земле Сибирской» (30 марта 2016 года). – Кемерово: Кемеровская областная научная библиотека им. В. Д. Фёдорова, 2017. – Вып. 4 (98). – С. 56-61.

Художественная картина произведения складывается из ценностных приоритетов писателя, его личностных предпочтений, стиля творчества. «Текст словесно-художественного произведения порождается творческой волей писателя: им создаётся и завершается», – характеризует процесс создания текста литературовед Валентин Евгеньевич Хализев [5,с.248]. На композицию поэмы «Проданная Венера», несомненно, оказало влияние увлечение целого поколения 60-десятников театром. Сам Василий Фёдоров участвовал в постановках драматического кружка Дома культуры авиационного завода Иркутска (об этом пишет Иван Кузнецов в литературных воспоминаниях) [3,с.180].

В интервью газете «Молодость Сибири» Фёдоров говорил о том, что его привлекает драматургическая форма, а в поэме В. В. Маяковского «Облако в штанах» – характерная работа поэта серебряного века с интонацией [1]. В поэме «Проданная Венера» критик И. В. Денисова отмечает следующие композиционные особенности текста: «Удались и так называемые эпизодические лица... всё это живые, действующие, спорящие, волнующиеся люди, каждый со своим словом, со своей интонацией, со своим жестом. А ведь поэт потратил на их описание два-три штриха. Очень, конечно, помогает здесь автору его блестящее владение драматургическими средствами – диалогом, репликой, ремаркой...» [2,с.39] Все эти средства фокусируются в произведении вокруг авторской интонации. В. Д. Фёдорову важно сохранить наряду с прямым авторским словом и интонации своих героев, всё это рождает доверительную беседу с читателем, потому что разговор в поэме будет о главном – о красоте, о женщине, о подвиге, о будущем.

В «Проданной Венере» поэт составляет прихотливую линию лирического сюжета, используя два вида реплики: реплика, отражающая общественную точку зрения, и реплика, передающая личную оценку.

Бо́льшая часть текста «Проданной Венеры» – это авторское слово, воплощённое в развёрнутую реплику лирического героя. Очень страстное, пронизанное публицистической болью, оно направлено не только к читателю, но и к самому автору, пытающемуся ответить на непростые вопросы: что такое

красота? какова цель подвига? чем оплачено наше право на жизнь? Как писал Юрий Прокушев: «Истинный поэт – всегда философ. Его поэтический мир всегда включает вечные вопросы человеческого бытия, народной жизни» [4,с.147].

Пытаясь соотнести образ Наташи Граевой с деревенским представлением о красоте, поэт даёт возможность читателю услышать оценочные реплики стариков (– Конём любуются в упряжке, / Конь на гульбе / Ещё не конь...) и построенные на контрасте реплики деревенских жителей, представленные в тексте поэмы в виде обобщённой оценки – обращения к некой «девке», чья судьба сопоставима с судьбой Натки. Старики в поэме олицетворяют опыт поколений, их представление о красоте связано с основным назначением женщины – продолжательницы рода. Потому она должна обладать в первую очередь силой и выносливостью, умением работать и «везти» груз домашних забот, это и будет красотой, востребованной самим деревенским укладом. Удивительно пророчески старики сравнивают вызревающую красоту Натки Граевой с красотой рабочего коня, ещё не знающего упряжки. Для фольклора, в том числе и сибирского, характерно сравнение женщины с коровой – символом плодородия, домашнего тепла, полноценного материального положения рода. Конь же ассоциируется с мужским началом. Время великих потрясений, к которому отнесём и период Великой Отечественной войны, сдвигает житейский уклад, и женщины вынужденно занимают в деревне место мужчин, ушедших воевать. Труд деревенских женщин военной порой автор сравнивает с трудом мужчин на полях сражений:

...Любая чёрточка почётна.

Как честный шрам фронтовика.

Если обратить внимание на реплики, в которых говорящие даются как обобщённый образ, то в них слышен «голос народа», в оценке которого отправной точкой является красота Натки Граевой. Её земная красота, воспринимается лирическим героем как «Фантазия! / Каприз природы! / Причуда света и тепла!» Вероятно, это же ощущение присутствия в облике земной девушки большой красоты, вызывающей чувство эстетического наслаждения, чувство смутное и непонятное жителям, приводит к осуждению такой красоты, не связанной напрямую с практической пользой. Глагол «загордилась» указывает на эту невольную дистанцию между величественной красотой Натки и незатейливой симпатичностью других девушек деревни, той милотностью, которой вполне достаточно для воплощения женского назначения на земле. Вторая реплика появляется при описании героини, познавшей трудности военного времени, молчаливо совершающей незаметный подвиг в тылу. Внешняя величественная красота оказалась невостребованной тяжёлым историческим временем, её заслонил непосильный труд ради спасения Родины. Но красота внешняя перерождается в красоту внутреннюю – красоту самоотречения, красоту жертвы. Этот мотив – один из ведущих в данном тексте: красота становится ценой спасения народа и Отечества. Реплики

здесь играют роль композиционной рамки, в которую автор помещает судьбу своей героини. От «загордилась» до «приуныла» прожита целая жизнь, ставшая для автора «...вехой, / Повсюду видной хорошо». Этой вехой обозначена бессмертная красота русской женщины, проверенная временем и испытаниями.

Реплики, которыми автор выражает отношение окружающих к поискам героем красоты, созданной «кистью жизнетворца», тоже делятся на передающие обобщённое мнение и личную оценку происходящего.

Смеются:

–Что за сумасшедший!

Венеру ищет! Вот чудак!

Общественное мнение красоту воспринимает как абстрактное понятие, может, даже мешающее человеку проживать земную жизнь. Красота возникает как недостижимый эталон, присутствие которого осложняет жизнь человека поисками заведомо недостижимой цели. В реплике «полного незнакомца» автор реализует более узкий, подверженный чрезмерному воздействию идеологии советского государства взгляд на сущностное содержание красоты: комсомолец не должен интересоваться телесной красотой женщины или изображением этой красоты. Но эта реплика отсылает нас к началу поэмы, где в докладе, который герой должен прочитать на комсомольском комитете, «други» просят его рассказать в том числе и о женской красоте. Автор подчёркивает потребность живущих в земной красоте, именно женской, сила и тайна притяжения которой больше любой идеологии.

По словам Юрия Прокушева, Василий Фёдоров – поэт, который как никто другой воплотил в своей поэзии своё время. «Чем поэт полнее выражает духовную суть эпохи, вечные, незыблемые нравственные истины, тем настойчивее... время... стремится закрепить Слово такого поэта в памяти потомков» [4, с.129]. Бессмертная красота связывает разные временные пласты, позволяет читать поэму как актуальное произведение, где поднимается вопрос соотносённости в жизни людей телесной и духовной красоты. Оставаясь исторически точным, Фёдоров создаёт образы-символы, находящие душевный отзыв и в современном поколении.

Описывая путь героя в поисках «красоты горячей плоти», запечатлённой «влюблённым и ревнивым гением», автор обращается к диалогу. Несколько фраз, фабульно не связанных друг с другом, подчёркивают как долгий поиск героя, так и численное множество поклонников духовной красоты, идущих за ней «как в Мекку». Путь вечного поиска красоты священен для автора.

Источником знания о красоте снова выступают старики. Характеризуя их, автор использует возвышенное слово «старец» для работника музея или элементы портретной характеристики («старик подвижен, светел») для мастера металлургического завода, позволяющие говорить о том, что ценность истинной красоты и её назначение в мире людей открываются только мудрым. Две сюжетные линии, связанные с двумя сложными периодами в исторической жизни страны: судьбоносным временем становления промышленности СССР и

временем Великой Отечественной войны, – сходятся в одну в эпизоде сна, где происходит встреча героя с Венерой, любимицей Тициана, которая оборачивается Наташей Граевой. Из реплик диалога складывается священная правда жизни страны: красота была отдана за будущее счастье и красоту следующих поколений. Предмет искусства оживает, приобретает плоть. Автор настаивает на ценности земной, телесной женской красоты, которая способна дать импульс к внутреннему росту, духовному развитию человека. Так подручный – молодой сталевар – пройдёт на наших глазах путь от «гыгыканья» над голой бабой к почтительному молчанию перед природным высоким чудом красоты женщины.

Это же состояние прикосновения к великому слову «красота» когда-то пережил и сам герой, увидевший красоту женского тела на берегу реки и потрясённый этим «капризом природы». В репликах мастера автор отражает нравственные принципы старшего поколения. Для них Венера – «дитя», «дочка», её судьба – это «рабство», вызволившее из такого же рабства целую страну («...И рабство нам грозило всем»). Её продажа вызывает чувство личной утраты у старика из музея, считавшего себя опекуном Венеры. Старик-мастер уважительное отношение к Венере выражает в словесной форме именовании человека «по батюшке», что подчёркивает преемственность нравственных ценностей поколений. Воплотившая своим образом красоту Венера так же молчалива, как и Наташа Граева, чей голос читатель не слышит на протяжении всего повествования. Только в эпизоде сна она проговаривает то, что с укором выражается в её взгляде:

– Вы перед вечной оправдались,
Попробуйте перед земной...

Многоточием и отсутствием ответа лирического героя автор показывает, как мучительно для живущих осознание жертвы, принесённой для спасения будущего. Роль этой реплики заключается в объединении двух сфер существования человека (вечная – земная), где фокусом является красота. Единство этого понятия отражает мечту самого автора о гармонически прекрасной личности, о единстве духовной и физической красоты человека, порождённой верой в лучшее будущее.

В финальной части поэмы герой обращается с репликами к разным адресатам: неназванной собеседнице, двум мальчишкам и всем. Речь в этих репликах идёт о моральном долге современного поколения по отношению к тем, кто пережил «и мировые потрясения, / И горе одного двора» ради сегодняшнего дня. Красота внешняя рождается в мире не с чистого листа: её залогом является красота предыдущих поколений. Подвиг матери, взрастившей детей, равен подвигу Наташи Граевой, потому что она жертвует земной красотой для будущего. Автор акцентирует внимание на связь между внешней и внутренней красотой, воплощённой в первую очередь в образе женщины. Но бездуховная «красавица», чья телесная красота рождается от избалованности, несравнима с образами Венеры, Наташи Граевой, матери, объединивших в себе

красоту земную и вечную, связанную с подвигом сохранения жизни и её приумножения. Мотив жертвенности поэт усиливает в реплике, обращённой к юным собеседникам: «Кровь пролилась, / А не чернила / В сражениях за красоту».

От конкретных адресатов автор переходит к обобщённому образу собеседника, оформляя свои размышления не как реплику или фрагмент диалога с «братом», «почитателем земных красот», а как общий итог размышления поэта и читателя, которому писатель предлагает задуматься над истиной:

Судьбу,
Сгибающую лучших,
Мы не берём за горло:
«Стой!»
За красоту
Людей живущих,
За красоту времён грядущих
Мы заплатили красотой.

Употребление местоимения 1 лица объединяет поколения, живущие в разные исторические периоды, указывает на преемственность основных нравственных норм человечества. Повтор в последнем предложении поэмы форм одного и того же ключевого для данного текста слова отражает принцип жизни, осмысленный автором: «за красоту – красотой». Многозначность авторского невольного афоризма позволяет выразить пафос поэмы: красота в последующих поколениях появляется как знак жертвы предыдущих, поэтому красоту нужно беречь, её нужно видеть не только во внешнем, но и во внутреннем существовании человека, красота связывает поколения, является движущей силой жизни.

Реплика и диалог не только делают текст близким по стилистике к душевной беседе, к прямому обращению, к наказу будущему поколению, но и дают возможность без дидактизма и назидательности передать авторскую оценку произошедшего с людьми в годы исторических испытаний. Через возможности полифонического [5,с.331] в тексте автор задаёт основную доверительную, непринуждённую интонацию поэмы: многие высказываются о красоте и её сущностном содержании, говорят от души, хотят быть услышанными. Так автор формирует одну из соборных ценностей общества: общее представление о «большом слове» КРАСОТА.

Литература

1. Борисова, Л. Поэт. // Молодость Сибири. – 1970. – 30 июля – С. 3.
2. Денисова, И. В. Беззаветно служить красоте: Поэзия Василия Фёдорова. – М.: Современник, 1978. – 190 с.

3. Кузнецов, И. «Просыпалась душа, вся полна соловьями...» // Сибирские огни. – 1976. – № 8. – С. 176-180.
4. Прокушев, Ю. Л. И неподкупный голос мой... – М.: Современник, 1989. – 366 с.
5. Хализев, В. Е. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 1999. – 398 с.

АЛЕКСАНДР КОЧЕТКОВ
ПЕРО-ВООБРАЖЕНИЕ, РИСУЮЩЕЕ СЛОВО, В ТВОРЧЕСТВЕ
ПОЭТА И ПРОЗАИКА ВАСИЛИЯ ФЁДОРОВА

// Библиотечная жизнь Кузбасса: периодический сб. Материалы Пятых межрегиональных историко-краеведческих чтений «Православно-художественное краеведение на земле Сибирской» (30 марта 2016 года). – Кемерово: Кемеровская областная научная библиотека им. В. Д. Фёдорова, 2017. – Вып. 4 (98). – С. 62-70.

Твоё изображение
Померкнуть не рискует.
Моё воображение
Красивей не рисует.

Виной психооказия:
В соблазны благородства
Моей ночной фантазии
Вплетается уродство...

Это строки из малоизвестного стихотворения поэта Василия Фёдорова. Написано в 1974 году. «Легко пером воображения сердечность женскую из мысли перенять...» – начало моего посвящения В. Д. Фёдорову в 2010 году... Василий Фёдоров – художник, рисующий словом свои живописные поэтические картины в стихотворениях и поэмах, «инкрустируя» в них имена и полотна великих художников. В мае 1959 года Василий Фёдоров стал делегатом Третьего съезда писателей СССР.

В «Литературной газете» от 9 мая 1959 года (в рубрике «Предсъездовская трибуна») появилась статья Василия Фёдорова «Поиск прекрасного». Размышляя о путях развития советской поэзии, он написал: «Незнание жизни заметно сказывается на словаре самых молодых, только вступающих в наши ряды. У них есть ритмические поиски – это хорошо. Но плохо, что в их стихах замечается неоправданное изобилие гастрономических и мелко-бытовых сравнений... Это приводит и к снижению идеала красоты: «Долой Рафаэля, / Да здравствует Рубенс!». Чем же помешал молодому поэту поэтический образ мадонны с младенцем? Не своей ли возвышенностью и одухотворённостью? Но кому, как не поэту, приветствовать её. Я не против

Рубенса с его тяжеловесной приземлённостью, но зачем же свергать Рафаэля, с его великой идеей служения человечеству? Быть женщиной Рубенса легко, быть мадонной Рафаэля трудно, не только трудно, даже трагично. Разговор о старых художниках не праздный, он сегодня злободневен...» [8, с. 235].

Мемуарно-биографические сведения об увлечениях Василия Фёдорова живописью открывают нам имена и картины великих русских и зарубежных художников: Крамского, Левитана, Репина, Нестерова, Врубеля, Федотова, Рафаэля, Рубенса, Тициана, Рембрандта, Леонардо да Винчи, Мурильо, Кнауца, Хальса, Тернера, Пикассо. Приведём ряд стихотворений, где поэт Василий Фёдоров выступает как живописец словом: «Если б Богом я был...», «Скульптор», «Художник», «Неизвестная», «Профиль», «Портрет», «Любил, как сон, прелестную...», «Заграничное», «Говорят, что Красоты не стало...», «Рождение стрекозы», «Душа томилась по живой природе...», «Перезревшими плодами...». В стихотворении «Если б Богом я был...» поэт стремится создать идеальный женский образ, вообразая себя Богом, скульптором, художником:

Если б
Скульптором стал,
Высек бы
Из белых скал
Женщину!

Если б
Краски мне дались,
Рисовала б
Моя кисть
Женщину! [5, с. 58]

В стихотворении «Скульптор» поэт восторженно рисует словом творческий процесс мастера-ваятеля в создании женской скульптуры, давая читателю самому насладиться, подключив воображение... Даже, так называемый «недруг по цеху» Е. Евтушенко вспоминал, что он «чуть ли не подскочил от восторга, когда Василий Фёдоров читал свои стихи «Ваятель», где мрамор горностаевым мехом спадал по плечам женщины» [1, с. 366]. В стихотворении «Профиль» поэт показывает, как вместо строчек им рисуется карандашом женский профиль, когда душа молчит:

Душа моя молчит, пока
В ней рифмы
Без присмотра бродят,
Нетерпеливая рука
Крючки
И чёрточки выводят.

Ещё черта...

И карандаш
Вдруг заспешил,
Заторопился.
И вот внезапно
Профиль ваш
Как бы из хаоса
Явился [5, с. 291].

В стихотворении «Заграничное» В.Д. Фёдоров даёт яркое представление об использовании женской красоты «подсадной уткой для охотников за барышом» в 20-м веке. Поэт выступает против нарушения нравственных законов и естественных чувств, определяющих жизненное предназначение женщины, рисует картину «сплошного Ренессанса» – обнажённых женщин в рекламных огнях неоновом переплясе заграничных столиц, делая тонкое сравнение с творчеством художника Рубенса:

Рубенс торговку
Делал богиней,
А вы в торговки
Взяли богинь [5, с. 422] .

Стихотворение завершено философским выводом:

Каждый из нас
За женщину платит,
Женщиной платит
Каждый из вас! [5, с. 424]

Живописный взгляд поэта Василия Фёдорова запечатлён и в коротком стихе из «Замет»:

Душа томилась
По живой природе.
Скосил траву я
В нашем огороде,
Сметал стожишко.
На ольховый стяж
Ворона села –
И уже пейзаж! [5, с. 466]

Строки из поэмы «Проданная Венера» запомнились современникам. 19 июня 1960 года в газете «Литература и жизнь» (№73) была опубликована статья министра культуры РСФСР А.И. Попова с заголовком из фёдоровских строк «За красоту людей живущих, за красоту времён грядущих!». Статья вышла

накануне Первого съезда художников РСФСР [3, с. 1]. Герой поэмы В.Д. Фёдорова «Проданная Венера», глядя на картину Тициана «Венера с зеркалом», представляет, как художник создавал свой шедевр:

Я видел:

В радостном полёте
Кисть жизнетворца создала
Всю красоту горячей плоти,
Причуду света и тепла.
Влюблённый и ревнивый гений
В слиянье радости и мук
Набросил матовые тени
На лёгкие изгибы рук. [6, с.163-164].

В главе «Москва, Москва...» из романической поэмы «Седьмое небо» Василий Фёдоров показал реальные истоки своего приобщения к живописи, находясь в служебной командировке в столице в начале января 1941 года.

...Душа моя
Светилась новизной,
Новей, чем холст
При первой нагрнтовке.
Усталым я шагал
Из Третьяковки,
Как после пересмен
Из проходной.

Печальный Врубель,
Нестеров, Крамской,
Что не пришёл ещё,
О том жалею... [7, с. 228].

Василий Фёдоров оставил 28 прозаических «Уроков поэзии». В статьях «Рождение поэта», «Психологический момент», «Магнитное поле стиха», «Эстетический момент» он напрямую рассматривает истоки тайны живописания словом. В семи «Уроках поэзии» Василий Фёдоров уделил пристальное внимание живописи и скульптуре:

1. «По Стасову или по Солоухину» (о картинах П. А. Федотова «Свежий кавалер» и «Сватовство майора»). На примере первой картины написанной маслом живописцем П. А. Федотовым (1815-1852) «Свежий кавалер» в 1847 году Василий Фёдоров приводит разное её толкование однокашником по Литинституту писателем В. А. Солоухиным и историком искусств В. В. Стасовым, между которыми – целый век. «В поэзии возможна смена места и

времени, а в картине запечатлевается один-единственный миг»; «Солоухин толкует картину буквально, а Стасов – во времени, как и должно толковать картину» [8, с. 89-90].

2. «Ложный мёд» (о картинах Левитана «Осень» и Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану»). В. Д. Фёдоров считает, что поэту полезно учиться у художников: «У живописи можно учиться композиции, главным акцентам в обрисовке человека, его внешнего и внутреннего облика, его состояния. Когда вы видите мадонну Рафаэля, стоящую с младенцем на облаке, вы верите, что она небесно легка и облако её держит. Как подобное изобразить в слове? Поэту необязательно эту мадонну описывать. Ему жизнь задаст земную задачу, которую надо решать в слове. Пушкин, например, нашёл удивительные словосочетания, чтобы описать стремительность и лёгкость танца Истоминой...» [8, с. 87].

3. «Эталон качества» (о статуе Венеры Милосской).

4. «Время и стиль» (о памятниках Пушкину, Маяковскому, Лермонтову в Москве). В. Д. Фёдоров показывает, как технический прогресс сказывается негативно на архитектурных памятниках: «А как памятнику соревноваться с тридцатиэтажными домами? Ставить колоссы? Не реагировать на высоту зданий и ставить около них традиционные фигурки, как поставлен Лермонтов, не имеющий, как Пушкин, своего микромира?» [8, с.93].

5. «Бойтесь утонченности» (о картинах Тернера в галереях Лондона, о картине Пикассо «Студент с газетой»). Определяя сущность поэтики абстракционизма, В.Д. Фёдоров обозначает опасности такого подхода в поэзии:

«Утонченность – всегда за счёт силы и плоти. На первый взгляд, такая опасность нашей поэзии не грозит, поскольку в ней слишком много сырой плоти и грубой силы. Но в этом её качестве таится своя опасность. Изящество, грация, пластика в поэзии качества хорошие, когда они вырабатываются тренировкой души, трудом, то есть естественно. Желание же быть непременно изящным приводит некоторых ленивцев только к поэтическому кокетству и жеманству» [8, с.98].

6. «От ошибке к поэме» (о скульптурном портрете Бетховена в Карловых Варах, который помог найти нужный образа Бетховена для будущей поэмы)..

7. «Рождение имён» (о картине «Монна Лита» Леонардо да Винчи). «В залах Эрмитажа можно найти и полюбоваться тонкой женской красотой «Монны Литы» Леонардо да Винчи. Казалось бы, Алексей Толстой сделал совсем немного. К имени этой мадонны он прибавил «аэ», то есть признак воздушности и небесности. Аэ-Лита. Так родилось романтичнейшее из литературных имён» [8, с. 97].

Ценя и постигая изобразительное искусство в жизни и творчестве, В. Д. Фёдоров умело живописал словом. В 1978 году в стихотворении «Я не старый, / Я усталый...» В. Д. Фёдоров поделился строками откровения о труде поэта-живописца:

Не резец,
Перо стальное пело,
То перо – садись да и пиши! –
Оказалось лёгоньким для тела,
Но тяжёлым для моей души... [6, с.358].

Литература

1. Евтушенко, Е. Горькое волшебство возмужания // О Литинституте (1933-1983). – М.: Советский писатель, 1983. – С.365-373.
2. Михайлов, А. А. Опыт (Не Лаокоон, но о живописи и поэзии без установления границ меж той и другой) // Новый мир. – 1978. – №1. – С. 235–243.
3. Попов, А. И. За красоту людей живущих, за красоту времён грядущих! // Литература и жизнь. – 1960. – № 73. – С.1.
4. Студецкая, О. Н. Рисовать словами. 1986. [Электронный ресурс]. <http://www.proza.ru/2010/11/26/1408>.
5. Фёдоров, В. Д. Собрание сочинений: В 5 т. Т.1. – М.: Современник, 1987. – 480 с.
6. Фёдоров, В. Д. Собрание сочинений: В 5 т. Т.2. – М.: Современник, 1987. – 416 с.
7. Фёдоров, В. Д. Собрание сочинений: В 5 т. Т.3. – М.: Современник, 1988. – 336 с.
8. Фёдоров, В. Д. Собрание сочинений: В 5 т. Т.4. – М.: Современник, 1988. – 480 с.

Фотография Анатолия Арышева, корреспондента Яйской районной газеты «Вперёд к коммунизму» (ныне «Наше время»). Август 1983 г. Назаркина гора, деревня Марьевка Яйского района Кемеровской области. Василий Фёдоров, получив фотографию, на обороте написал: «Анатолию Арышеву, поймавшему меня в серьёзную минуту. На память. В. Фёдоров. 14 авг.83. Наз. гора».

Карпова Галина Ивановна

Василий Дмитриевич Фёдоров
К 100-летию со дня рождения поэта

Историко-биографические и справочные материалы
Статьи о творчестве

В помощь учителю и библиотекарю

Знак информационной продукции: 12+